

Коллекционер пороков и страстей

П Татьяна ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

Девушка, Джокер, Поэт и Воин – наша маленькая компания занимается расследованием преступлений. К нам часто обращаются люди, разочарованные работой полиции. Так произошло и на этот раз. Месяц назад расстреляли семью известного художника и коллекционера Натана Лотмана. Выжить удалось лишь внучке Надежде. Теперь мы дружно ломаем голову: кто и за что так жестоко расправился с этими людьми? Опросив друзей и знакомых убитых, стало ясно: Лотман был далеко не ангелом и вполне мог нажить себе врагов. А тут кто-то вторую ночь вывешивает на клумбе перед окнами Максимильяна Бергмана, он же Джокер, мертвых ворон. Ворон – вестник несчастья. Это явное предупреждение! Но о чем? Безотчетный страх заползал в душу. Пытаясь разузнать хоть что-то о прошлом Джокера, я попала в ловушку, теперь моя жизнь висит на волоске...

- [Татьяна Полякова](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
-

Татьяна Полякова

Коллекционер пороков и страстей

© Полякова Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Какая встреча! Кто я, ты, конечно, знаешь,
Но суть моей игры едва ли понимаешь.*

Роллинг Стоунз

Мертвая птица чуть покачивалась на короткой веревке. Кто-то подвесил ее за лапы на невысокий колышек, вбитый посередине клумбы. Ворона висела вниз головой, и ветерок играл перьями раздвинутых крыльев. Совершенно нелепое зрелище, учитывая, что клумба в центре города. Вряд ли кому-то пришло в голову таким образом бороться с засильем здесь этих птиц: неподалеку находилась церковь, которую окружали старые деревья, вроде бы когда-то давно тут было кладбище. Деревья оставались с тех времен, и вороны совершенно беззастенчиво их оккупировали. Поднимались в небо черной тучей и громко каркали. От этого особо впечатлительным гражданам становилось не по себе. В общем, кое-кто не возражал бы против сокращения их популяции, но не таким же варварским способом. К тому же клумба все же довольно далеко от церкви, уж точно не в трех шагах. Надо пересечь очень оживленную дорогу, чтобы там оказаться. Я перевела взгляд в том направлении. Возле церкви было непривычно тихо. Я видела птиц, то одна, то другая поднимались с ветки и после короткого перелета скрывались в листве соседнего дерева. Как будто тревожились, но не смели заявить об этом вслух. А еще казалось, что время от времени они испуганно косятся на вбитый колышек и свою несчастную соплеменницу.

– Вот уж чушь, – пробормотала я, но чувство тревоги в этот летний полдень словно наполняло воздух. Запах цветов с терпким привкусом

смерти.

Скорее всего это проделки мальчишек. Убили ворону и подвесили ее в центре клумбы. Должно быть, подобная затея казалась им смешной.

Вид мертвой птицы теперь вызывал отчетливый страх, явившийся на смену предчувствию, смутному, но от того еще более беспокоящему. Похоже, на ворону внимания никто, кроме меня, не обращал. Люди спешили по своим делам, не останавливаясь и даже не глядя в сторону клумбы. Впрочем, не удивительно. Находится она на перекрестке, здесь круговое движение, переход метрах в пятидесяти, и пешеходам возле клумбы делать нечего, получалось, что и смотреть в том направлении ни к чему. Хотя я посмотрела и птицу увидела. Водители проезжающих машин ее, безусловно, тоже видят, но едут себе дальше, возможно, как и я, теряясь в догадках, кому пришло в голову подвесить мертвую птицу.

– Не повезло каркуше, – услышала я совсем рядом, вздрогнув от неожиданности, и торопливо повернулась.

Димка стоял в трех шагах от меня и радостно скалил зубы. Надеюсь, вовсе не потому, что вид клумбы его забавлял, скорее, спешил продемонстрировать, как он рад нашей встрече. А вот я не обрадовалась. Точнее, толком не знала, как на нее реагировать.

– Привет, – произнес Димка, вернее, прошептал и легко коснулся губами моих губ с некоторой опаской, словно не знал, как я к этому отнесусь.

– Привет, – равнодушно отозвалась я.

Равнодушие напускное, хотя неплохо разыгранное. На самом деле встреча вызвала досаду и легкое раздражение, всколыхнув недавнюю обиду, в которой я даже самой себе не хотела признаться. Димка не звонил всю неделю. В прошлый понедельник он должен был вернуться с Камчатки, куда отправился рыбачить в тесной мужской компании. Там мне, само собой, не место. Я и не навязывалась. Димка предупредил, связь там ни к черту, и позвонит он сам, если сумеет. Наверное, не сумел. И связь была ни к черту не только на Камчатке, но и здесь.

– Джокер сказал, ты уехала к маме, – все еще продолжая улыбаться, нерешительно заговорил он.

– Ему лучше знать, – пожала я плечами.

– Так ты ездила к ней или нет?

– Ездила. Вернулась в понедельник.

Он, должно быть, уловил в моем ответе упрек и развел руками:

– А мне пришлось задержаться. Джип сломался, прикинь? И мы оказались без связи и средств передвижения.

- Настоящее приключение, – кивнула я.
- На самом деле не очень приятное. Пошли, – позвал он, а я спросила:
- Куда? – чем вызвала у Димки неподдельное изумление.
- К Джокеру, конечно.

Вот тогда я и подумала: мертвую птицу отлично видно из окон дома, где жил Бергман, или Джокер, как называли его компаньоны, впрочем, он и сам любил себя так называть. Я посмотрела на ворону и перевела взгляд на его окна. Димка, проделав то же самое, спросил:

– Что-то не так?

– Откуда мне знать? – проворчала я, не уверенная, что мы имеем в виду одно и то же. – Какому идиоту вздумалось повесить здесь птицу?

– Ты думаешь, это как-то связано с Максимилианом? – Теперь физиономия Димки выражала сомнение. А еще беспокойство. Он беспокоится за Бергмана, а на меня ему, похоже, плевать. Я что, ревную?

– Ворон – вестник несчастья, – усмехнулась я.

– Тебя это беспокоит? Появление птицы, я имею в виду?

– Ты меня как экстрасенса спрашиваешь? Или как свою девушку, которой дурные приметы покоя не дают?

– Мне нравится, как ты это сказала, – расплылся он в очередной улыбке. – Ты – моя девушка. Это в самом деле так?

– Вот уж не знаю. По-моему, это еще и от тебя зависит.

Он вздохнул и сказал неожиданно серьезно:

– Иногда я думаю, что от меня вообще ничего не зависит.

– Фигня. Ты мог уйти вместе со мной.

– А ты ушла? – Кажется, он в этом здорово сомневается. – Лена... – Он обнял меня и прижал к себе, а я так и стояла, опустив руки, в одной из которых держала сумку. – Прости, что не позвонил. Если честно, я думал... я думал, ты жалеешь о том, что случилось. Все как-то очень быстро произошло...

Я решительно высвободилась из его объятий и отступила на шаг.

– Говори за себя. Я ни о чем не жалею. А что касается стремительного развития событий... что ж, тут ты прав. Обещаю в следующий раз лечь в постель с мужчиной только после росписи в загсе.

– Господи, я же не об этом... – заволновался Димка.

– Давай все обсудим позднее, – дипломатично предложила я, а он с облегчением вздохнул:

– Хорошо. Идем, заодно спросим, что он думает по поводу этой вороны.

Наверное, это должно было прозвучать как шутка, но у меня вызвало раздражение.

– Да, спроси.

– Ты ведь пойдешь со мной? – нахмурился он.

– Нет.

– А что тогда ты здесь делаешь?

– Собираюсь забрать из ремонта хозяйский будильник, – ответила я. – Вон там ремонтная мастерская, а тут остановка троллейбуса, на котором я приехала. Так что все просто.

– А новый будильник ты купить не могла?

– Могла. Но хозяйке квартиры нравится ее старый. Пока. Рада, что ты вернулся. Я немного беспокоилась. – И, не дожидаясь ответа, я направилась в сторону мастерской.

– Я позвоню, – крикнул мне вслед Димка, а я помахала ему рукой, мол, давай, звони.

Но как только Димка скрылся в доме Джокера, выбросила мобильный в урну. Могла бы ограничиться сим-картой, а не разбрасываться телефонами. Это свидетельствовало о том, что разговор произвел куда более сильное впечатление, чем я того хотела. Впрочем, благодаря тому же Джокеру в деньгах я не нуждаюсь, пока, во всяком случае. И легко куплю новый мобильный.

В мастерской я пробыла минут пять, забрала будильник, сунула его в сумку и поспешила к остановке, но не той, что была рядом с домом Бергмана, а другой. Придется ехать с пересадкой, зато не надо опасаться, что встречу еще кого-то из троицы недавних компаньонов. Ничто мне, кстати, не мешало приехать сюда на машине. Или выбрать другую мастерскую, их, слава богу, в городе хватает. Приходится признать, все произошло вовсе не случайно. Может, встретить Димку я и не рассчитывала, но на что-то подобное надеялась. Пройти мимо дома Бергмана, убедиться, что он не исчез. Собственная категоричность зачастую идет во вред. Как раз мой случай. Я хотела, чтобы Димка ушел вместе со мной, из-за большого желания доказать себе, что кое-что для него значу, то есть не кое-что, а очень много. А он остался верен своим друзьям, или кем он их там считает, и я, гордо хлопнув дверью, вдруг поняла, что без этой троицы мир вокруг заметно обеднел. Вот такая печалька.

На глаза попала вывеска кафе, и я решительно направилась в том направлении. Устроилась за столиком на веранде, заказала сок и кофе, изо всех сил стараясь не смотреть на крышу бергманского дома, которая проглядывала между деревьев. А если ворона появилась не просто так?

«Не просто, не просто...» – отозвалось в сознании, будто кто-то насмешливо нашептывал в ухо.

Если Димка направлялся к нему, значит, Джокер уже вернулся из обожаемой им Венеции, а Вадим... куда он собирался? Вроде бы на Сейшелы. Он большой любитель экзотики.

Тут, пожалуй, стоит пояснить, кто такие эти трое. Хотя по-настоящему я этого и сама не знаю. Судьба свела нас всего-то пару месяцев назад, разбив мою жизнь надвое: до и после. «До» – жизнь обычной девушки с не совсем обычными способностями. Мне далеко до экстрасенсов, которых показывают по телевизору, но кое-что я умею. Даже попыталась использовать свои умения, но не преуспела. Мой двоюродный брат работает в полиции, и я в меру сил ему помогала. Когда неизвестные похитили девочку с намерением получить выкуп, я тоже пыталась ему помочь. Похитителя мы нашли, но девочка уже была мертва. А я решила, что о своих «способностях» лучше не вспоминать, раз уж нет от них никакой пользы. И уехала в другой город. Новую жизнь проще начать на новом месте.

Примерно с этого момента и начинается «после». Однажды заезжий гуру рассказал мне байку о том, что четверо людей дали клятву встретиться в другой жизни. Трое уже встретились, и теперь ждут меня. Ну а потом как по заказу: я получила карту-приглашение – даму червей – и вскоре оказалась в компании троих мужчин: бубновый валет, он же Поэт, он же Дмитрий Соколов, крестовый король, он же Воин, он же Вадим Волошин, и Джокер – Максимилиан Бергман. У них что-то вроде детективного агентства с весьма солидной клиентурой. По крайней мере деньги заколачивают немалые, что и позволяет им отдыхать от трудов в весьма экзотических местах. Бергман решил, что им нужен человек с моими способностями. Хотя, если честно, способности у меня явно средние, вряд ли я сумею сделать то, что не смог бы он.

Кроме общей работы троицу объединяла некая тайна, которую мне не пожелали поведать. Бергман у них за главного, хотя утверждает, что в команде все равны. Однако и Вадим, и Димка всегда делают то, что он советует. Я бы сказала, приказывает, но ни один из мужчин с этим не согласится. Двое из гордости, а третий по причине, о которой я могу лишь догадываться. Лично я не сомневалась: Джокер умело манипулирует людьми. И, не желая быть марионеткой, покинула их компанию, едва мы довели расследование до конца. Оно оказалось успешным^[1]. Злодей был наказан, а я стала обладательницей весьма кругленькой суммы. Жаль, что счастливей она меня не сделала. С Димкой за время следствия мы

успели стать любовниками, весьма скоропалительно, что сейчас, похоже, мне и поставили в вину.

Я отодвинула пустой стакан и нахмурилась, глядя в сторону бергманского дома. Разумеется, я тут же решила: всем скверным в своей жизни я обязана Джокеру. И у меня были на это все основания. Например, подслушанный разговор. Джокер считает: Димка совершил большую ошибку, вообразив, будто мы предназначены друг другу по решению небес. То, что Бергман путает себя с Господом – не удивило, а вот то, что Димка его послушал... К сожалению, сомнений в этом почти не осталось. Его поведение тому свидетельство.

В настоящий момент я даже затруднялась определить, чего во мне больше: обиды на Димку или злости на Бергмана. Вроде бы обида должна зашкаливать: разбил сердце бедной девушке... Но если честно, стучало мое сердце по-прежнему исправно, и в ближайшее время кончина от безмерных страданий мне точно не грозит, а вот злость на Бергмана была безбрежной, словно океан. Особенно раздражало то обстоятельство, что он, пожалуй, был прав и мы с Соколовым действительно поспешили... Еще совсем недавно мне казалось, что я люблю его... Весьма подходящее слово «казалось». Так люблю или нет? В последний раз я влюблялась года два назад и так же ломала голову над этим вопросом. Может, я просто не способна любить по-настоящему? А может, «настоящее» бывает лишь в книжках, которые пишут для доверчивых дурочек охочие до денег дяденьки и тетеньки, столько же знающие о любви, как я о соколиной охоте. Эх, куда меня занесло... У Димки, возможно, есть свое видение ситуации. Он просто не из тех мужчин, которые звонят своей девушке двадцать раз на дню и клянутся в любви практически непрерывно. Я, кстати, особой сентиментальности и в себе не замечала.

Дело не в том, что он не звонил, дело в том, что не ушел вместе со мной от Бергмана. А почему он должен уйти? Работа ему нравится, к тому же она хорошо оплачивается.

Мои размышления прервала подошедшая официантка.

– Еще что-нибудь? – спросила с улыбкой.

– Спасибо. Принесите счет...

Расплатившись, я покинула кафе и, должно быть из чувства противоречия, направилась к той самой остановке, неподалеку от которой видела мертвую птицу. Женщины, как известно, существа загадочные. Я шла, стараясь не смотреть в сторону дома Бергмана, но он словно нарочно притягивал взгляд. Впрочем, там было на что посмотреть. Здание в городе известное. Прозвано «домом с чертями» из-за горгулий, которые

с крыши пристально наблюдали за прохожими. Физиономии у них, скажем прямо, мерзкие, и с чертями их перепутать ничего не стоило. Бергман занимал весь дом, на первом этаже у него букинистический магазин, где много всяких диковин. Но самая большая диковина, конечно, он сам. Далеко не бедный парень, если смог купить этот купеческий особняк. Красавец. Торговец редкими книгами. Да еще и частный сыщик. Не слишком ли много для одного человека? Кто он на самом деле? Бизнесмен, ловкий манипулятор или большой любитель загадок, которые не только разгадывает сам, но и обожает подкидывать другим? Он – Джокер, то есть может быть кем угодно.

Я почти поравнялась с остановкой, когда появилась машина городской службы уборки с надписью по борту «Я люблю свой город и забочусь о его чистоте». Из машины вышел мужчина в оранжевом жилете и, торопливо перебежав через дорогу, уверенно вступил на клумбу. Выдернул из земли колышек с привязанной к нему мертвой птицей, вернулся к машине и забросил ворону в кузов. Машина поехала себе дальше, а я вздохнула с заметным облегчением, только в тот момент по-настоящему осознав, как беспокоила меня несчастная птица.

– Мальчишки хулиганят, – сказала я, гоня прочь все тревоги, и поспешила к троллейбусу, который как раз тормозил возле остановки.

Вернувшись домой, я немного послонялась по квартире, понятия не имея, чем себя занять, а потом устроилась на диване, прихватив планшет. Минут через двадцать пришлось прекратить знакомство с увлекательным сериалом, потому что в дверь позвонили. Я пошла открывать, гадая, кто решил меня навестить. Почти наверняка это Варька, моя подруга, к сожалению, а может, и к счастью, единственная. Распахнула дверь и увидела Димку. На плече его болталась сумка с неизменным ноутбуком, а в руке он держал букет из мелких белых роз. Миленький такой букетик. Протянул его мне и спросил, вроде бы сомневаясь:

– Можно войти?

– Можно, – кивнула я, принимая букет.

Димка подумал и меня поцеловал. Скорее дружески, что вполне устроило. Страстный поцелуй сейчас, наверное, показался бы нелепым. Я отправилась ставить цветы в вазу, а Димка стал готовить кофе. В моей кухне он чувствовал себя как рыба в воде. Была в нем такая особенность: быстро обживаться, приспосабливать окружающее пространство под себя.

– Тебе привет от наших, – стоя ко мне спиной, весело произнес он. – Вадим сказал, что соскучился. Ты ему даже приснилась. В длинном платье, босиком и почему-то блондинкой. Интересовался, чего теперь следует

ждать от жизни. Ты в вещие сны веришь?

– В его – нет, – ответила я. – С какой стати мне вдруг становиться блондинкой?

– И слава богу. Его сон мне совсем не нравится. Судя по тому, как он ухмылялся, там было продолжение. Эротическое.

– Не сомневаюсь. С его точки зрения женщины ни на что более не годятся.

– Ну, я-то так никогда не думал, – неожиданно серьезно произнес Дима, поставил передо мной чашку кофе и легко поцеловал меня в губы, а потом уставился в глаза. Вроде бы размышляя или пытаюсь разгадать загадку, которой не было. Или просто ждал ответа. Я стала пить кофе, а Димка сел напротив, прихватив свою чашку. Я понемногу настроилась на него, очень рассчитывая, что он ничего не заметит. От него исходило ровное тепло, доброжелательность, внимание, забота... Он меня любил, я это чувствовала. Без страстей, ревности и беспокойства. А мне что, страсти нужны? Если отбросить глупые обиды, я сама относилась к нему точно так же. Любовь-доверие, любовь-дружба. Может, дружба и есть? Может, мы действительно поторопились и Максимильтян прав? Воспоминание о Бергмане мгновенно вызвало досаду. «Очень удобно сваливать свои проблемы на кого-то другого», – мысленно проворчала я. А вслух сказала:

– Ворону убрали коммунальщики.

– Я обратил внимание, – кивнул Дима.

– А Джокер?

– Конечно. Он и позвонил в местный жэк.

– И только-то?

– А что еще? – вроде бы удивился Дима.

– Никаких идей, кому понадобилось подвешивать несчастную птицу?

– А, вот ты о чем. – Димка усмехнулся, откинулся на спинку стула и заговорил с иронией, точно сам не верил в свои слова: – Джокер считает, это мальчишки. Обычная хулиганская выходка.

Вот теперь он врал, причем даже не пытаясь придать своим словам убедительность.

– Джокеру видней, – хмыкнула я.

А он спросил серьезно:

– А ты так не думаешь?

Я равнодушно пожала плечами:

– С какой стати? Ворона не в моем дворе появилась.

– И не в его.

– Но под его окнами.

– Их там еще пять десятков, – пожал он плечами. – Максимильян просил тебя прийти завтра. Кажется, у нас появился клиент. – Дима улыбнулся, а я нервно хохотнула и спросила то, что спрашивать не следовало:

– Ты поэтому здесь?

– Я здесь, потому что скучал по тебе. А передать просьбу Джокера можно и по телефону.

– Я не приду, – покачала я головой.

– Почему?

– Мы ведь уже говорили об этом. Не вижу никакой пользы от своего присутствия в команде.

– Главное, чтобы мы ее видели. А мы видим.

– У меня ощущение, что я – лишняя в вашей мужской компании. – Тут я в досаде вновь покачала головой: – На самом деле я не доверяю Бергману. Он манипулирует людьми... Черт... если уж совсем начистоту, я считаю, в нем ты нуждаешься куда больше, чем во мне. И это бесит.

– Я не гей, – засмеялся Димка. – И Джокер тоже. Чего ж тебе беспокоиться?

Но я не приняла его шутки.

– Я не беспокоюсь. Просто у меня есть основание думать, что дружбу ты предпочтешь любви. Впрочем, в ее существовании я тоже не уверена.

– Ты хочешь знать, люблю ли я тебя? Я тебя люблю. – Он пожал плечами, точно я спросила величайшую глупость и он не знал, как на это реагировать, а у меня возникло желание метнуть в него чем-нибудь тяжелым. Или просто послать подальше. Потому что о любви, с моей точки зрения, так не говорят. А как говорят? Напряженно, с придыханием? Кстати, в своих словах он был абсолютно уверен. – Джокер считает, ты поторопилась, – спокойно продолжил Димка, а я стиснула зубы, чтобы и впрямь не заняться членовредительством. – Но из упрямства будешь стоять на своем. Тебе нужно время, чтобы успокоиться и разобраться в своих чувствах.

– Поэтому ты и улетел на Камчатку?

– Ага. Если честно, я терпеть не могу рыбалку. С Интернетом в тех местах, где я был, туго, в общем, я чуть с катушек не съехал, зато понял: ты мне очень дорога. И я хочу, чтобы ты была счастлива. Со мной или без меня, но счастлива.

– Рыцарство снова в моде? – съязвила я и недовольно нахмурилась, потому что он этой язвительности не заслужил.

– Я же Поэт, – засмеялся Дима. – Настоящий поэт – всегда рыцарь. Разве нет?

– Значит, мы сидим по своим жердочкам, разбираемся в чувствах и ждем отмашки от Джокера?

– Ты в него влюблена, да? – огорошил Димка.

– Спятил? – обиделась я.

– Нет. Ты видишь насквозь других, а себя?

– Насчет моей влюбленности – это что, тоже его идея? – проявила я живой интерес.

– Нет. Но это вполне логичное объяснение, почему тебя раздражает одно лишь упоминание его имени. Ты сделала ошибку, выбрав меня, а теперь злишься.

– Здорово. Теперь выходит, это я кругом виновата?

– Никто не виноват, – отмахнулся Димка, улыбаясь, как умел улыбаться лишь он.

Все дальнейшие возражения показались глупыми, а главное, абсолютно ненужными.

– Ладно. С завтрашнего дня начну разбираться в себе.

– Джокер ждет нас утром в девять. – Димка поднялся из-за стола и направился в прихожую, а я окончательно уверилась: только затем, чтобы сообщить это, он и пришел.

– Я послала его к черту вовсе не из-за каких-то там обид, – сказала я ему вдогонку. – И своего решения не изменю.

– Я все-таки надеюсь увидеть тебя завтра. – Димка махнул мне рукой на прощание и скрылся за дверью, а я досадливо чертыхнулась.

«Не мне тягаться с Джокером, – подумала с печалью. – Он успел так запудрить им мозги, что они и впрямь считают его каким-то гуру».

– «Джокер сказал...» – передразнила я.

И что это за идиотская идея по поводу моей влюбленности? Некоторое время я сидела, к самой себе прислушиваясь, точно надеясь обрести откровение. От ненависти до любви один шаг, если верить умникам. Нет у меня никакой ненависти. Я считаю его мутным типом, который с удовольствием морочит головы простачкам... Неправда, то есть не совсем так. Он мутный тип – кто ж спорит, но с бездной способностей и достоинств, которыми я, например, не обладаю. Человек, который любит говорить загадками, запутывая все еще больше. Убежденный, что встретились мы не случайно, и забывший поведать для чего. Утверждавший, что мы должны быть вместе, потому что видел в этом нашу миссию, но в чем она заключается, рассказать так и не пожелал. «Или сам

не знал и просто интриговал», – подумала я с обидой.

Я вымыла чашки и убрала их в шкаф, дав себе слово, что ноги моей не будет в доме Бергмана.

Утром, около девяти, я отправилась к подруге в офис, где она работала, и по дороге купила мобильный. Встретиться с Варькой логичнее вечером, когда она работу закончит, но какая уж тут логика, если путь мой лежал как раз мимо дома Джокера. На этот раз я ехала на своей машине и старательно вытягивала шею, сама толком не зная, что надеялась увидеть. Может, джип Вадима или его самого? Или Димку? Этот на машине вряд ли поедет, предпочитает общественный транспорт или резвую рысь на своих двоих. В общем, что-то вроде этого. А увидела двух ворон на вбитом в землю кольшке как раз посередине все той же клумбы. Теперь к палке была прибита перекладина, с двух концов которой и были привязаны мертвые птицы. Крылья сложены, клювы приоткрыты. Резко затормозив, я таращилась на них, вызвав гнев водителей. Мне сигналили, орали что-то, открыв окна, и нервно размахивали руками. А я оглядывалась. Клумба ближе всего к дому Бергмана. Если неизвестный хотел, чтобы Джокер видел птиц, лучшего места ему не найти. Дом стоит на площади, вблизи никаких других клумб, правда, есть пяток деревьев, но в их листве на птиц вряд ли обратят внимание. На противоположной стороне площади банк. Огромное здание круглой формы, прозванное в народе «шайбой». Левее – здание суда. Очень заманчиво решить, что его обитателям вороны и предназначались, да вот незадача: прямо перед судом распрекрасная клумба с петуниями, втыкай хоть десяток кольшков. Остаются кинотеатр (там не только клумба, но и фонтан – тоже запросто можно птичек подвесить) и жилой многоквартирный дом-«сталинка». Вдруг вороны предназначались одному из жильцов? Слишком большое расстояние, велика вероятность, что птичек даже не заметят. С печалью глядя на ворон, я все больше убеждалась: это не глупая шутка и предназначался «подарок» Бергману.

Я перевела взгляд на его дом. Если честно, пришлось сделать большое усилие, чтобы немедленно туда не отправиться. Интересно, что он думает по поводу появления этих птиц? Что бы ни думал, вовсе не факт, что мне об этом скажет. Скорее предпочтет отшутиться.

Пока я торчала возле клумбы, мешая движению, поблизости появилась машина ЖКХ, дядька в оранжевом жилете подбежал к клумбе и попробовал вытащить вбитый в землю кол, удалось ему это не сразу. Довольно громко матерясь, он его все-таки выдернул и побрел к машине.

Мертвые птицы бились об асфальт. Проводив их взглядом, я отправилась домой, забыв про Варвару. Точнее, о подруге я вспомнила, сворачивая во двор своего дома, досадливо скривилась, сама толком не зная, стоит к ней теперь ехать или нет, и тут увидела машину Бергмана.

Роскошный «Ягуар», припаркованный в трех шагах от моего подъезда, радовал взор, а вскоре, заметив мою машину, появился и сам Бергман, широко улыбнулся и помахал мне рукой. Восемь женщин из десяти наверняка бы сочли его неотразимым. Две оставшиеся, решив, что их собственные шансы привлечь его внимание равны нулю, проворчали бы «чересчур хорош». Подозреваю, что я отношусь как раз к этим двум. Чего бы в противном случае мне так раздражаться, видя это великолепие? Длинные угольно-черные волосы падали на плечи, на концах завиваясь кольцами. Они всегда были приблизительно одной длины, бог знает, как он этого достигал: стригся каждую неделю? Бергман носил очки прямоугольной формы без оправы, из-за стекол на мир смотрели пронзительные ярко-синие глаза с большим зрачком, оттого глаза при искусственном освещении казались темными: два бездонных омута, рождавшие в душе легкую оторопь. Нос с едва заметной горбинкой. Дополняли картину губы, которые романист непременно назвал бы чувственными, и мужественный подбородок. Они притягивали взгляд, отвлекая внимание от его глаз оборотня. Представляю, как глупо это звучит, но меня не покидало ощущение, будто в это тело, привлекательное во всех отношениях, вселился кто-то еще, чужой и страшный.

Приткнув машину на парковке, я направилась к подъезду. Бергман терпеливо ждал, вертя в руках ключи от машины, этот привычный для многих мужчин жест меня раздражал, словно был маскировкой, уводя взгляд от чего-то важного, что, по мнению Джокера, я не должна видеть.

– Привет, – произнес он.

Сегодня Миксимильян одет был демократично – джинсы и белоснежная футболка. Уверена, стоили они кучу денег, а с таким ростом и фигурой Бергман и в самом простецком наряде выглядел умопомрачительно.

– Привет, – ответила я, злясь, что вырядилась как на пляж: шорты, майка, на ногах босоножки без каблучков. Конец лета, а жара стоит июльская, что меня извиняет. Хотя сейчас я бы предпочла платье и туфли на каблуках: не могу сказать, что я комплексую из-за своего роста, но не отказалась бы быть немного выше. – Ты здесь какими судьбами? – поравнявшись с ним, задала я вопрос, очень стараясь, чтобы прозвучал он без раздражения или язвительности.

– На мое приглашение ты ответила отказом, вот и пришлось к тебе заглянуть. Ты не против?

– Заходи, если пришел.

Мы вместе поднялись в квартиру. Принадлежала она не мне, а моей подруге, которая оставила ее в мое полное распоряжение, и оглядывался Бергман с такой старательностью зря: во-первых, все здесь осталось неизменным с его последнего визита, а во-вторых, от меня тут мало что было.

– Эта квартира совсем тебе не подходит, – вынес он вердикт.

– По-моему, ты повторяешься.

– Разве? – Он сел в кресло, закинул ногу на ногу и уставился на меня. – Как отдохнула? Как мама?

– Отлично. Мама в порядке. Я должна спросить, как отдохнул ты?

Он покачал головой:

– Ты ничего не должна.

– Тогда я не буду спрашивать и на твои вопросы отвечать тоже.

– Я бы выпил кофе, – улыбнулся Бергман, мои слова, похоже, совсем его не задели.

– Послушай, это бессмысленно. Я не вернусь.

– А я этого и не хочу, – огорошил он.

– Что?

– С чего ты взяла, что это мое желание?

Тут я криво усмехнулась и даже выжала из себя смешок.

– Все предопределено свыше?

– Конечно.

– Я вся внимание, может, наконец просветишь, в чем состоит наша миссия?

– Парадокс в том, что ответ знаешь только ты. – Я присвистнула и нервно рассмеялась, а Бергман спокойно продолжил: – Я же говорил, ключевая фигура в колоде – девушка. Все остальные карты притягивает она, то есть ты.

– А в том, что я и есть та самая девушка, ты не сомневаешься?

– Не сомневаюсь. Впрочем, как и ты. Твоя нерешительность и беспокойство, даже неверие, вполне понятны. Никто не обещал, что миссия будет приятной. – Тут он развел руками и засмеялся, так что при желании его слова можно было принять за шутку. – Но если господь дал тебе необычные способности, логично предположить, что неспроста.

– Я не умею пользоваться его подарком. – В голосе против воли звучала горечь.

– Это не беда. Жаль, что ты отказываешься от моей помощи. Уверен, вместе мы могли бы... – Он внезапно замолчал, приглядываясь ко мне. – Ты знаешь, что совершила ошибку, выбрав Поэта, но злишься отчего-то на меня. Дуешься, как маленькая девочка.

– Маленькой девочкой я была довольно давно. А злюсь, потому что ты пытаешься контролировать мою жизнь.

– Контролировать? Я не вмешался вовремя. И вот результат. Димка страдает от неразделенной любви... а ты отлыниваешь от работы.

– Страдает от неразделенной любви? – переспросила я, решив, что ослышалась, но он игнорировал вопрос.

– К слову сказать, с Димкой подобная неприятность уже случалась, он ее пережил, переживет и сейчас. В общем, я не вижу причины, по которой ты могла бы всерьез злиться на меня, и уж точно не стану принимать это близко к сердцу. Так что давай-ка приступать к работе, тем более что у нас клиент появился. Я перенес встречу на вечер, чтобы ты могла присутствовать.

– Тронута, но... – Джокер смотрел насмешливо, а я покачала головой, злясь на себя, на него, на весь мир в придачу, и, наверное, в отместку спросила: – Что, по-твоему, означают мертвые птицы?

– Мертвые птицы? – вроде бы удивился он.

– Вороны. Кто-то второй день исправно вывешивает их под твоими окнами.

– Уверена, что под моими? – спросил он неожиданно серьезно.

А я кивнула:

– Уверена.

– Вообще-то я тоже уверен, – в ответ кивнул он. – Это вестник.

– Кто? – растерялась я.

– В каждой истории непременно должен быть вестник. С него-то история, как правило, и начинается. Герой получает некое послание, оно разрушает его привычный мир и заставляет отправиться в странствие.

– И, разумеется, его сопровождают верные соратники, – хмыкнула я.

– Само собой, куда же без них.

– А есть идеи, кто такой этот вестник?

– Пока никаких. Он может быть положительным персонажем и не очень. Сомневаюсь, что хороший человек убьет несчастную птицу, то есть теперь уже трех, так что есть все основания предполагать, что мы имеем дело...

– С психом, – подсказала я. – Только псих станет развешивать убитых птиц под окнами.

– Птицы – ерунда. Куда важнее, что появится там в следующий раз.
– Ты видел его? – спросила я серьезно.
– Кого? – удивился Бергман.
– Этого типа.
– Конечно, нет. Вряд ли он хотел, чтобы его заметили.
– Подожди. Вчера ты увидел птицу, заподозрил, что это послание и адресовано оно тебе, и... тебе не пришло в голову немного понаблюдать из своего окна?

– Сторожить ночь напролет типа, которого ты сама же назвала психом? По ночам я сплю, если нет более увлекательного занятия. Это во-первых, а во-вторых, я же сказал, куда любопытнее, что появится под моими окнами в следующий раз.

– Три птицы.
– Не лишено логики. Но я бы на его месте не стал затягивать с коронной сценой. В таких вещах главное не переборщить, иначе на смену драматизму придет скука.

– А ты не сам их повесил?
– По-твоему мнению, я похож на психа?
– Когда начинаешь болтать о вестниках – да.
– Хорошо. Это просто вороны. Стоит ли о них говорить?
Я недовольно покачала головой, тягаться с ним в словесных баталиях – не самая лучшая затея.

– Ты знаешь, кто это сделал? Или догадываешься?
– Ни то ни другое. Возможно, затея с птичками вовсе не стоит моего внимания.

– Сомневаюсь, – серьезно сказала я.
– Вот как? – Он вроде бы заинтересовался. – Ты почувствовала угрозу?
– Да.
– Твои ощущения нетрудно будет проверить. Поживем – увидим. – Он хлопнул ладонями по коленям, точно подводя итог разговору, и поднялся. – Уверен, кофе у тебя отличный. Сбор в семнадцать тридцать.

– Выследить этого типа совсем не сложно, раз уж он болтается под твоими окнами.

– Вот и займись, – равнодушно пожал он плечами.
– Непременно, – разозлилась я. – Этой ночью лягу у клумбы.
– В этом случае он вряд ли появится. А наблюдать за происходящим из окна моего дома куда проще.

– С какой стати? Послание адресовано тебе.
– Но тебя очень занимает. Надеюсь еще раз увидеть тебя сегодня.

Он уже был возле входной двери, послал мне воздушный поцелуй и удалился, а я зло выругалась. Хочешь узнать разгадку, займись этим сама. Кстати, вполне здравая позиция. А ему самому это совсем не интересно? Или отгадку он уже знает?

Я устроилась на диване, взяв со стола планшет, и вбила в поисковик слово «вестник», вроде бы даже не осознавая, что делаю. Прошла по одной из ссылок. «...герою бросает вызов некая сила. Эту функцию выполняет вестник, или глашатай, возвещая, что грядут большие перемены...». Очень мило, похоже, мы с Джокером на досуге заходим на одни и те же сайты. Вслед за этим пришло раздражение: он просто морочит мне голову всей этой галиматьей. Но вороны ведь откуда-то появились. Болтаются темной ночью возле клумбы небезопасно. К тому же неизвестный может обратить на это внимание и уйти в тень, а когда мне надоест не спать по ночам, вновь появится. Может, я просто ищу повод вернуться в команду? Не ударив в грязь лицом? Не потому, мол, вернулась, что очень этого хотела, а потому, что за вас, дураков, боялась. Я отложила планшет, уставилась в потолок и постаралась восстановить душевное равновесие. У продвинутых граждан это называется медитировать.

Должно быть, медитация прошла успешно, я благополучно уснула, а проснувшись, увидела, что комната погрузилась в полумрак, и испуганно взглянула на часы. Половина пятого. В следующие полминуты я осознала две вещи: за окном дождь, оттого в квартире темно, а я очень испугалась, что проспала и опоздала на встречу, а это значит: кончай валять дурака и отправляйся к Джокеру. Уйти от него ты всегда успеешь (мне хотелось в это верить), а история с воронами задела за живое, и с ней надо разобраться.

Быстро приняв душ, я надела костюм, легкий и вместе с тем достаточно строгий, чтобы произвести нужное впечатление на клиента, побросала в сумку кое-какие вещи, которые могли бы понадобиться, и, прихватив зонт, припустилась к своей машине.

Дождь перешел в ливень, и я успела насквозь промокнуть, зонт в этом смысле помог мало. Завела мотор и немного понаблюдала за работой дворников. Потоки воды били в лобовое стекло и неслись по асфальту, весело пузырясь.

Когда я подъехала к воротам, во дворе уже стояли джип Вадима и машина Димки, старенькая и изрядно помятая. Из-за ливня он решил, против обыкновения, ею воспользоваться. Я посигналила, и автоматические ворота открылись. На этот раз я обошлась без зонта и,

высоко поднимая ноги, в рекордный срок достигла двери, предупредительно незапертой. Поднялась по лестнице, стряхивая с волос капли дождя, и еще внизу услышала голоса, что послужило лишним подтверждением: все уже в сборе.

Возле кабинета я на мгновение замерла, чтобы перевести дух, так что вопрос Вадима прозвучал вполне отчетливо:

– Как тебе удалось ее уговорить?

– На самом деле мне не пришлось ее уговаривать.

Понятно, что речь обо мне. Очень захотелось развернуться и сбежать отсюда. Довольно глупо, учитывая, что о моем появлении им уже известно. В общем, я вошла, нацепив на физиономию улыбку. Джокер стоял возле окна, выходящего на ту самую клумбу. Он был в костюме из темно-серого шелка и синей рубашке без галстука, зато с запонками. Запонки украшали странные черные камни, говорю странные, потому что ни на один из известных мне камней они не походили. Должно быть, они были для Джокера чем-то вроде талисмана, он неизменно надевал их на встречу с клиентами. На мой прямой вопрос он, по обыкновению, ответил туманно: к запонкам действительно испытывает слабость, а камни – странники вроде него. Оттого они так настроены друг на друга. И, видя ухмылку на моем лице, добавил:

– Это метеорит. Небесный странник.

– Так ты у нас с Альфы Центавра? – тут же съязвила я, язвительность Джокер оставил без внимания, а вопрос, что это за камни, так и остался открытым.

Димка сидел сбоку от огромного антикварного стола, уткнувшись в ноутбук, который держал на коленях. Услышав, что я вошла, положил ноутбук на стол и поднялся с намерением идти мне навстречу, но его опередил Волошин. Здоровяк с насмешливой улыбкой и роскошным загаром. На нем были джинсы и рубашка-поло. На шее шнурок с солдатским медальоном, он для него как крест для христиан.

– Привет, красавица, – пропел Вадим, распахивая объятия. – Господи, как же хороша-то... Я, кстати, соскучился.

Я уткнулась носом в его грудь, а он наклонился и поцеловал меня в губы, должно быть, чтобы подразнить Димку. Тот, решив, что топтаться по соседству в ожидании своей очереди смысла нет, вернулся к столу, сложил руки на груди и на нас уставился.

Вадим между тем перевел взгляд на дорожную сумку в моей руке и не замедлил спросить:

– Что там?

– Вещи. Я тут останусь на некоторое время.

Трое мужчин переглянулись: Вадим с недоумением, Димка с насмешкой, а Джокер с нейтральной улыбкой.

– У нашей девушки возник интерес к орнитологии, – заметил Джокер.

– Это что за хрень? – нахмурился Вадим.

– Это наука о птицах, – сообщил Димка.

А Волошин кивнул:

– Думаешь, дохлые птички появились неспроста?

– Об этом лучше спросить хозяина дома.

– Так это его идея поселить тебя здесь? – насмешливо поинтересовался Димка.

– Будем считать это коллективным решением. – Я постаралась, чтобы мой ответ прозвучал шутливо, но добилась лишь одного: ухмылка на лице Димы стала шире.

– Если тебе нужен помощник, я всегда готов, – заявил Вадим. – Проведем незабываемую ночь по соседству с клумбой и выясним, кто птичек уморил.

Бергман взглянул на часы, которые украшали его запястье, стильные и, безусловно, дорогие, и хлопнул в ладоши, призывая нас к порядку.

– Господа, через пять минут появится наш потенциальный клиент... Кстати, тебе лучше переодеться, – кивнул он Вадиму.

Волошин тут же ткнул пальцем в Димку, который был, по обыкновению, одет в стиле «бедного студента»: бриджи цвета хаки и оранжевую футболку с растянутым воротом.

– Только мне, а ему не надо?

– Я вполне укладываюсь в представление среднестатистического россиянина о том, как должен выглядеть хакер. А ты сейчас больше похож на дворовую шпану, чем на Воина, – ответил Дима.

– Тебе видней, – хмыкнул Волошин и удалился, а через пару минут вновь вошел в комнату, успев сменить рубашку на бледно-голубую футболку, поверх которой надел льняной пиджак.

– Солидно и без излишеств, – весело прокомментировал его преображение Димка, а Бергман удовлетворенно кивнул.

То, что в доме нашлись вещи Волошина, ничуть не удивило. Временами и он, и Димка жили здесь по нескольку дней.

– Как я тебе? – задал вопрос Вадим, адресовался он мне.

Я закатила глаза и прошептала:

– Ты неотразим.

– Слышал? – хохотнул он, поворачиваясь к Димке. – Не одного тебя

девушки любят.

– Сказать по правде, меня лишь одна девушка интересует, – ответил тот, и, несмотря на усмешку, прозвучало это серьезно.

Бергман вроде бы собирался что-то ответить, но тут раздался звонок в дверь, Джокер подошел к переговорному устройству, которое находилось в кабинете, и произнес:

– Поднимайтесь на второй этаж.

Вскоре за дверью послышались шаги и в комнату друг за другом вошли двое мужчин. Один был высокий, плотный, в темном костюме. Поначалу я решила, что ему лет пятьдесят, но, приглядевшись, поняла: он гораздо старше. Седые волосы коротко подстрижены, здоровый цвет лица и румянец свидетельствовали о том, что мужчина немало времени проводит на свежем воздухе. Второй был полной его противоположностью: лет двадцати пяти, среднего роста, худой и весь какой-то нескладный. Нос уточкой, тусклый взгляд, впечатление такое, что его регулярно недокармливали, хотя скорее всего парень просто из тех, кто всем радостям на природе предпочитает компьютер и безвылазно торчит в своей квартире.

– Добрый день, господа, – заговорил старший. – Спасибо, что согласились встретиться.

Подошедший Бергман пожал руку сначала ему, а потом и заморышу, как я мысленно окрестила второго мужчину, и представил прибывших:

– Аллилуев Сергей Борисович. – Старший с достоинством поклонился и даже каблуками щелкнул. – Вербицкий Станислав Янович.

– Можно просто Стас, – пробормотал «заморыш».

– А это, – продолжил Бергман, делая широкий жест рукой, – мои компаньоны. Вадим Волошин. – Воин в долгу не остался и тоже каблуками щелкнул. – Дмитрий Соколов и Елена Кузнецова.

– Не ожидал встретить женщину – частного сыщика, – расплылся в улыбке Аллилуев.

– Я все больше отчетами занимаюсь, – скромно ответила я.

Гости устроились в креслах, Бергман за столом, Димка так и сидел на прежнем месте, Вадим облюбовал диван, а я предпочла стул возле окна и уже пару раз успела бросить взгляд на клумбу. Петунии цвели, никаких кольев и мертвых птиц.

– Кофе? – тоном заботливого хозяина предложил Бергман.

Гости разом отказались:

– Нет, нет.

Оба вдруг почувствовали неловкость и уставились друг на друга, точно ища поддержки.

Аллилуев откашлялся и неуверенно начал:

– Вас рекомендовали как отличных профессионалов...

– Комплименты всегда приятны, но эту часть можно опустить, – сказал Бергман, чем еще больше смутил гостей.

– Тогда я сразу перехожу к делу. – Аллилуев вновь откашлялся. – Чуть больше месяца назад погиб мой близкий друг. Лотман Натан Давыдович. Заслуженный художник России... Гениальный художник, я бы сказал... и замечательный человек. Уверен, вы слышали об этой трагедии.

Чуть больше месяца назад мы были заняты розыском серийного убийцы, и гибель Лотмана для меня осталась незамеченной, хотя фамилию я, безусловно, слышала, а теперь вроде бы даже начала что-то припоминать.

– Мы бы предпочли услышать обо всем от вас, – сказал Бергман, и Сергей Борисович согласно кивнул:

– Да, конечно... Это было чудовищное убийство, от которого я до сих пор не могу прийти в себя. Мой друг был застрелен в собственном доме, вместе с ним погибли его сестра и дочь, и только внучке чудом удалось выжить. В нее тоже стреляли. Она все еще в больнице, но врачи уже не опасаются за ее жизнь. Из дома пропала крупная сумма денег. Грабитель был в маске. И похоже, что у него есть все шансы избежать наказания. Насколько мне известно, у следствия до сих пор никаких зацепок.

– Уверен, они делают все возможное, – пожал Бергман плечами. – Лотман – человек известный.

– Вот именно, – горячо перебил Аллилуев. – И я... я не верю, что это были грабители.

– И мы опасаемся за жизнь Нади, – вступил в разговор «заморыш».

– Вы хотите сказать, что версия убийства во время ограбления не кажется вам убедительной? Можно узнать почему? – Обращался Бергман исключительно к Аллилуеву, решив оставить слова Вербицкого без внимания. До поры до времени, я полагаю.

– Помилуйте, – всплеснул руками Сергей Борисович. – Что это за грабители, которые расстреливают всю семью? Допустим, они боялись, что Натан окажет сопротивление. Допустим. Но женщин-то зачем убивать? И несчастную девочку, которой в тот день исполнилось восемнадцать. Преступник вломился в дом, когда семья находилась за праздничным столом, отмечая день рождения Наденьки. Скромно, в кругу самых близких. Это произошло в четверг, а на субботу был снят зал в гостиничном комплексе «Витязь». Пригласили сорок человек, для внучки Натан ничего не жалел и подарок ей сделал царский: автомобиль. Надя была на седьмом

небе от счастья... Она очень любила деда... Так вот, в тот вечер они ужинали в тесном семейном кругу. Из гостей была только сестра Натана – Ядвига, у нее квартира в городе, дочь и внучка жили в его доме. Должно быть, обратив внимание на подозрительный шум, Натан решил проверить, в чем дело, вышел из столовой и был застрелен. Допустим, грабитель его опасался, не хотел лишних проблем. Но что он делает потом? Методично расстреливает насмерть перепуганных женщин. Зачем? Ведь грабитель в маске, а женщины в таком состоянии, что вряд ли могли оказать сопротивление. Но их расстреляли. Я настаиваю, это была именно казнь. Никто из семьи не должен был остаться в живых. Оттого я и решил обратиться к вам. Полиция идет не по тому пути, вот и нет никаких результатов.

– Но вы ведь делились с ними своими соображениями?

– Конечно. Единственное, чего я смог добиться: они предоставили Надюше охрану.

– Но теперь ее сняли, – вновь вмешался Вербицкий. – Поэтому мы считаем: она в большой опасности.

– Несчастливая девочка, – покивал Сергей Борисович. – Такое пережить... Боюсь, что на этом ее беды не закончатся. Конечно, мы о ней позаботимся, но главное – как можно скорее найти этого негодяя. Пока он разгуливает на свободе...

– Ваши доводы меня убедили, – кивнул Бергман. – И у кого, по-вашему, был повод безжалостно расправиться со всей семьей?

– Ну... – Аллилуев пожал плечами. – Мне сложно ответить на этот вопрос. Но кое-какие предположения, конечно, есть... Мотивом могла послужить элементарная зависть. Натан – человек успешный, его картины висят в лучших музеях мира, а в их среде такого не прощают. Вы не представляете, какой травле он подвергался...

– А расстреливать успешных людей в их среде тоже принято? – хмыкнул Волошин, чем немедленно привлек к себе внимание.

– Я не думаю, что кто-то из его коллег сам, своими руками... – довольно путано начал Сергей Борисович, с полминуты разглядывая Воина. – Но поспособствовать могли. Например, сообщив кому надо о деньгах. И посоветовав избавиться от хозяев. Думаете, такое невозможно?

Бергман кивнул, вроде бы соглашаясь, и спросил:

– Откуда крупная сумма в доме? Или для Лотмана это норма?

– Нет, конечно, нет. Он состоятельный человек, но деньги предпочитал хранить в банке. У Натана богатейшая коллекция живописи. Как любой

коллекционер, он что-то покупает, что-то продает... Накануне он продал картину, кого-то из русских художников. Не самого знаменитого...

– Но на кучу бабок она потянула, – влез Волошин.

– Вот именно, – кивнул Аллилуев.

– А почему вдруг наличными?

Этот вопрос Сергея Борисовича смутил.

– Не знаю. Возможно, так было удобней покупателю.

– Или он светиться не хотел, – добавил Вадим.

А вслед за ним и Димка вставил слово:

– Или налог платить не желал.

Аллилуев вдруг занервничал:

– Послушайте, я знал Натана двадцать лет и...

– Мои друзья правы, – мягко перебил его Бергман. – В ходе расследования может выясниться нечто такое, что покажется вам весьма неприятным. Это первое. И второе, если вы хотите, чтобы мы нашли убийцу, вам следует быть предельно откровенным.

– Поверьте, о его делах я мало что знаю. Я человек простой, и вся эта живопись... Вот рыбалка – это мое. И Натан был отменный рыбак. На этой почве мы и познакомились. У него свой бизнес, у меня – свой. Друг другу в карман не заглядывали. Он был моим другом и хорошим человеком, что бы вы там ни раскопали, а его убийца должен сидеть в тюрьме.

– Странно, что забрали только деньги, – решила я вступить в разговор. – Если в доме полно ценных картин.

– Их еще надо продать, – пожал плечами Бергман. – Деньги куда надежнее. Допустим, зависть, – вновь повернулся он к Аллилуеву. – Что еще?

Тот ответил с некоторой неохотой:

– Возможно, месть. У Натана была женщина. Они недавно расстались. Стервозная дамочка, которая надеялась все прибрать к рукам, выйдя за него замуж. Но Натан со всей откровенностью заявил, что этого не будет.

– Он в принципе не склонен был жениться или дама его чем-то не устраивала?

– Его жена умерла больше двадцати лет назад. Сильная женщина, очень ему помогала... Натан говорил, он никогда бы не стал тем, кем стал, не будь ее рядом. Она была и другом, и компаньоном, секретарем, матерью, если угодно. Она всю свою жизнь положила ради его успеха. Но... знаете, чрезмерная забота иногда тяготит. В общем, после ее смерти Натан решил, что больше никогда не женится. Подружек у него было предостаточно, а хозяйство вела дочь. Даже выйдя замуж, она продолжала жить с отцом.

В общем, никаких неудобств от своей холостяцкой жизни он не испытывал. Так вот, эта дама, о которой я говорю...

– Имя у нее есть? – невежливо перебил Вадим.

– Разумеется, – с достоинством ответил Аллилуев. – Черновцова Галина Андреевна. Она куратор нашего музея. Выпросила у Натана несколько картин, с этого начались их отношения.

– Для себя выпросила? – уточнил Бергман.

– Для музея. Но все равно это отлично характеризует человека: стремление сделать себе имя за чужой счет.

– У вас с ней отношения, как я понимаю, не сложились?

– Как только она влюбила в себя Натана, первым делом постаралась избавиться от всех его друзей. Я имею в виду, наши встречи она не приветствовала и всячески настраивала Натана против меня. Конечно, он ее не слушал, но некоторое время мы встречались исключительно на нейтральной территории. К тому же у этой особы криминальные связи: ее брат сидит в тюрьме. Сами понимаете, от таких людей можно ждать чего угодно. Разрыв с Натаном она воспринимала очень болезненно, он ведь не только известный художник, близкое знакомство с которым, безусловно, помогало ей продвинуться по карьерной лестнице, он еще и материально поддерживал ее. Плюс женская гордость. И обида. Я не могу утверждать, но... странно, что следователи не приняли все это к сведению. По-моему, она первая в списке подозреваемых. Ну и еще.... – Тут Аллилуев вздохнул и отвел взгляд, вроде бы усомнившись, стоит ли продолжать. – У Натана был приятель. Точнее, Натан считал его близким другом. Большой любитель живописи: Шацкий Лев Валерьянович, вы наверняка о нем слышали: у него галерея в центре города, прямо напротив собора. – Бергман кивнул, а Сергей Борисович продолжил заметно увереннее: – Натан завещал ему свои картины. Не знаю, с чего вдруг такое счастье, но я не раз слышал, как Натан говорил: «Вот помру, все это, Лева, тебе достанется. Бабам моим картины ни к чему, а денег я им и так до полна оставляю». А буквально накануне убийства они поссорились. Я чисто случайно стал свидетелем. Мы с Натаном собирались встретиться, он просил заехать за ним в галерею Шацкого. Я приехал чуть раньше, вот и решил зайти внутрь, соприкоснуться, так сказать, с искусством. А они ругались в кабинете Льва, и Натан обозвал его жуликом, так и сказал: «худшего жулика я не встречал», Лев вроде бы оправдывался, Натан вышел от него сам не свой. Я пробовал расспросить, что случилось, но он только отмахнулся. Теперь я думаю, после этой ссоры Натан мог переписать завещание. Или Лев мог подумать, что он поступит именно так.

– И убил и Лотмана, и его семью? – криво усмехнулся Вадим.

– А что? – возмутился Аллилуев. – Каждая его картина в среднем стоит десять тысяч долларов, их около пятидесяти штук. Неплохая сумма, скажу я вам.

– Отлично, у нас уже трое подозреваемых, – ласково пропел Бергман, желая успокоить клиента. – Давайте вернемся к тому роковому вечеру. Грабитель расстрелял четырех человек и никто из соседей ничего не видел и не слышал?

– Вы что, не видели в новостях его дом? – нахмурился Сергей Борисович. – Если нет, съездите, взгляните, и все поймете. Вроде бы в городе, но от жилья далеко. Участок огромный. Да там хоть весь вечер стреляй...

– А кто обнаружил убитых? Домработница?

– Полицию вызвала Надя, – ответил Аллилуев, а мы с сомнением на него уставились. – Она была тяжело ранена. Убийца стрелял в сердце, но попал в плечо. Девочка потеряла сознание, а он, видимо, решил, что она умерла. Вся грудь залита кровью... Но Надя вскоре очнулась, убийцы в доме уже не было, по крайней мере в столовой. Девочка поползла до телефона и позвонила в полицию. Когда они приехали, она была без сознания, в критическом состоянии от потери крови, но ее, слава богу, удалось спасти. Если бы она не вызвала полицию, там было бы не три трупа, а четыре. До прихода домработницы Надя вряд ли бы дотянула.

– Ей грозит опасность, – открыл рот «заморыш». – Я в этом убежден.

– А вы, собственно, ей кто? – бесцеремонно спросил Вадим.

– Никто, – смутился Вербицкий и густо покраснел. – Я хотел сказать, что не являюсь родственником или близким другом, но... Моя сестра училась с Надей в одном классе. Они дружили, то есть и сейчас дружат. Надя бывала у нас. И... она осталась совсем одна, наш долг поддержать ее. Разве нет? – Он обвел нас взглядом, я кивнула, соглашаясь, остальные оставили вопрос без внимания, и он торопливо продолжил: – Если честно, я считаю, искать убийцу должны полицейские. Но в сложившихся обстоятельствах... Надю выписывают из больницы. Она пока будет жить у нас, так мы решили, но... Я не уверен, что в нашем доме находиться для нее безопасно. Как и в любом другом. И я пришел к вам... Вы ведь можете организовать ее охрану?

– Говорю тебе еще раз, – разозлился Аллилуев. – Надо бороться с причиной, а не со следствием. Необходимо как можно скорее найти убийцу и отправить его в тюрьму. Тогда Наденька будет в полной безопасности.

– Я бы предпочел... – нерешительно возразил Вербицкий, но Сергей Борисович его уже не слушал.

– Вы можете назвать любую сумму, – глядя на Бергмана, заявил он. – В разумных пределах, конечно. Чем скорее вы раскроете преступление, тем выше будет гонорар и премия. Скажем, пять тысяч долларов на каждого? – Он победно оглядел всех присутствующих, но быстро сник, не обнаружив алчного блеска в устремленных на него глазах. Вадим вообще взирал с откровенной скукой.

– Все это мы обсудим, – сложив руки домиком, с постной миной заявил Бергман. – Нам нужно время навести справки и решить, можем ли мы вам помочь. После принятия принципиального решения поговорим о гонораре.

Я не сомневалась, что Джокер вытянет из Аллилуева много больше, Сергей Борисович, кстати, наверняка подумал о том же, потому что физиономия приняла кислое выражение.

– Очень на вас рассчитываю. – Аллилуев поднялся и, не зная толком, что делать, потоптался на месте, затем нагнулся к Бергману и пожал его руку. – Что ж... Мне позвонить самому или дождаться вашего звонка?

– Я свяжусь с вами. Скажем, завтра к обеду.

Аллилуев направился к двери, Вербицкий, который сидел погруженный в размышления, вдруг вскочил и тоже метнулся к Бергману.

– Максимилиан Эдмундович, поймите, речь идет о жизни юной девушки. Вы должны помочь...

– С вами я тоже свяжусь, – ответил Бергман, Стас потерянно кивнул и с унылым видом присоединился к Аллилуеву.

Дверь за ними закрылась, мы немного посидели в молчании, прислушиваясь к их шагам. Внизу хлопнула дверь, и Воин заговорил, скривившись:

– А деньги у этого типа есть? Как-то он мне не показался...

– Есть, – кивнул Бергман. – Дядя второй год на пенсии, передал дела своему сыну, но дивиденды получает исправно. Бизнес прибыльный, по старой памяти его зовут «королем бензоколонок».

– Уже лучше. А этот заморыш, у него с деньгами как?

– Вербицкий работает в фирме дяди. Отец его умер несколько лет назад, вроде бы оставив неплохое наследство.

– А чего ж он на дядю горбатится?

– Должен человек где-то работать? – пожал плечами Дима, уткнувшись в компьютер. – Я тут, пока их слушал, сделал подборку статей по этому делу. Убийство, как вы понимаете, громкое, и писали о нем много.

Недели три. Сейчас, похоже, оно мало кого интересует.

– И ментов – меньше всех, – хмыкнул Вадим.

– Версий предлагалось много, – продолжил Дима. – Но в итоге остались две: либо это ограбление, шли за деньгами и случайно убили хозяев, либо убийство, замаскированное под ограбление. Весьма туманные намеки, что дело не в Лотмане, а в его семье. Просмотреть все как следует я не успел, предлагаю каждому сделать это самостоятельно, ссылки я вам уже отправил.

– Что ж, займемся предварительным сбором сведений и заодно подумаем, стоит ли нам браться за это дело, – произнес Бергман, давая понять, что разговор, собственно, на этом и закончен.

– Вытряси из него денег побольше, – засмеялся Вадим. – И лично я на все согласен.

– Опять поиздержался? – усмехнулся Дима.

– Еще бы. Денег, как известно, много не бывает. Особенно у меня. Девчонке своей обещал тачку купить.

– Опрометчиво.

– У тебя есть сомнения? – обратился Бергман к Диме, имея в виду предстоящий вердикт.

– Не то чтобы сомнения. Дело резонансное, мы будем у следakov под ногами путаться, а они этого не любят. И вместо помощи и поддержки ожидаются большие трудности.

– Хорошо. Завтра встретимся и все обсудим. А пока изучаем материалы.

Димка, сунув ноутбук в холщовую сумку, с которой не расставался, направился к двери, а Вадим спросил, обращаясь ко мне:

– Хочешь мороженое?

– Что? – не поняла я.

– Предлагаю культурно провести досуг, недогадливая ты моя.

– С чего вдруг?

– Говорил же, соскучился.

– Ладно, пошли есть мороженое, – кивнула я, решив, что все это неспроста.

Димка, внимательно прислушиваясь к нашему диалогу, спросил:

– Меня возьмете?

– Третий лишний, – усмехнулся Вадим, но тут же добавил: – Ладно, пошли.

Кивнув Бергману на прощание, мы втроем покинули кабинет. Джокер к нашему вояжу отнесся с безразличием, но я тут же задалась вопросом:

а не было ли оно напускным? Никто из нас не попросил его присоединиться к компании. Должно это его задеть или нет? Пока мы спускались по лестнице, я продолжала над этим размышлять и, наконец, сказала:

– Наверное, надо было пригласить Бергмана.

– Куда? – не понял Вадим.

– С нами.

Мужчины переглянулись, на лицах обоих появилось одно и то же выражение: большая печаль по поводу чужой наивности.

– Не беспокойся о нем, – заметил Димка.

Волошин высказался куда конкретней:

– Джокеру на фиг не надо таскаться с нами. Сейчас его волнует только одно: как обломать старикана и заполучить козырный аванс. Господи, пошли нам побольше денег, как остро нуждающимся.

– Ты их жрешь, что ли?! – не выдержал Димка.

– В каком-то смысле, да. Вчера ужинал в ресторане, моя девчонка заказала лобстера. Знаешь, сколько с меня слупили за эту членистоногую сволочь? А я и так почти на мели.

– Ешь дома.

– Не могу. У меня тяга к прекрасному.

Они продолжали в том же духе, пока я, потеряв терпение, не спросила:

– Куда мы идем?

От дома Бергмана мы успели удалиться на приличное расстояние, кафе вокруг было множество, но мужчины на них внимания не обращали. Вопрос вернул их к действительности.

– Сюда? – указал Дима на ближайшее кафе, и мы направились к стеклянным дверям.

После дождя было довольно прохладно, но мы все равно устроились на открытой веранде.

– Как тебе эти двое? – спросил меня Дима, лишь только мы сделали заказ.

– Оба очень обеспокоены. Впрочем, понять это можно и без моих суперспособностей.

– Надеюсь, он возьмется за это дело, – вздохнул Вадим.

А я усмехнулась:

– Он? Ты имеешь в виду Джокера? Разве не мы все решаем?

– Не цепляйся к словам, ешь мороженое и будь хорошей девочкой.

Димка достал ноутбук и, пока я ела мороженое, а Вадим пил кофе, прогулялся по ссылкам, цитируя выдержки из статей об убийстве Лотмана,

показавшиеся ему интересными. Меня же в тот момент куда больше интересовало другое.

– Бергман сказал, что вороны под окном – это послание.

– Ему видней, – равнодушно отозвался Вадим.

– Не каждый день находишь убитых ворон, которых кто-то специально подвесил, – обиделась я.

– Может, он сам. А что? Он хотел, чтобы ты вернулась, и ты вернулась. Даже собираешься жить в его доме.

– Не морочь ей голову, – вмешался Димка. – Я думаю, если это послание, то адресовано оно лично Джокеру, по крайней мере он так считает. Вот и не хочет, чтобы мы вмешивались.

– Он не возражал против того, что я понаблюдаю за клумбой.

– Куда проще установить камеру.

В самом деле. Странно, что я об этом не подумала. Еще более странно, что об этом не подумал Бергман.

– Эти птицы мне покоя не дают, – с обидой фыркнула я.

Мы просидели в кафе больше часа, Димка рассказал о своей поездке, Вадим похвалился своей. Мне порадовать было нечем, а потом я и вовсе спросила невпопад:

– Ты говорил с ним по поводу камеры?

– С Джокером? Нет. На самом деле там нет подходящего места, где ее легко повесить. Клумба находится на значительном расстоянии от дома. Самое надежное – повесить камеру на фонарном столбе, возле остановки. Сделать это надо, не привлекая внимания. Ночью, а еще лучше рано утром. Но любитель ворон ее легко обнаружит, если он не болван, конечно.

Я начинаю жалеть, что не родился вороной, – съязвил Вадим. – Только они тебя и занимают.

Вскоре мы простились, вернувшись к дому Бергмана. Мужчины укатили на своих машинах, а я заглянула в букинистический магазин, который находился на первом этаже здания и принадлежал Максимилиану. Надо сказать, магазин всякий раз производил на меня впечатление, хотя пора было привыкнуть ко всем диковинам, что выставлены здесь. Астролябии, макеты старинных парусников, глобусы, на которых Россия называлась «Московия», а Антарктида и вовсе отсутствовала. Ну и, конечно, книги. Их было так много, что я начинала думать: и ста жизней не хватит, чтобы все прочитать.

Хозяиничал здесь Василий Кузьмич, милейший старикан фантастической начитанности и такой же фантастической памяти. Наплыва посетителей не наблюдалось, Кузьмич сидел в кресле возле окна,

на коленях у него лежала книга, и он что-то разглядывал в ней, вооружившись лупой.

– Леночка, – радостно произнес он, увидев меня. – Какой приятный сюрприз.

– Что это за книга? – поздоровавшись, проявила я интерес.

– В своем роде уникальная, – тут же увлеченно заговорил он. – Вы знаете, что у нашего хозяина прекрасное собрание книг, посвященное картам? В основном, конечно, гаданию, значению карт, их комбинаций. Вот эта издана в Баварии в позапрошлом веке, посвящена картам Таро...

Я заглянула в книгу и сказала:

– Жаль, что я не читаю по-немецки.

– Могу предложить вам книгу на русском, она менее авторитетна, но весьма и весьма любопытна.

Василий Кузьмич направился к одному из стеллажей и вернулся с книжкой, которая легко умещалась на моей ладони, но выглядела увесистой.

– Вот, пожалуйста. Хозяин не так давно ее просматривал и отозвался положительно. А он очень сведущ в подобных вопросах.

– Можно взять ее на пару дней?

– Разумеется. Думаю, хозяин не стал бы возражать.

– Тем более что в ближайшие дни я буду жить в его доме. Что ж, спасибо.

Я еще немного побродила вдоль стеллажей и направилась к двери, которая вела к лестнице на второй этаж. Поднялась, прошла в кабинет Максимильяна, но его там не застала. Эта часть дома предназначалась для встреч с клиентами, здесь же Бергман держал особенно дорогие книги, в хранилище вела тяжелая дубовая дверь, и попасть туда было совсем не просто.

Я нажала кнопку «вызов» переговорного устройства, из динамика вскоре раздался голос Лионеллы, домработницы Бергмана. Сама она называла себя домоправительницей, тетка занятная, я пыталась с ней подружиться с целью получения важных сведений о Бергмане, но пока безрезультатно. Она отличалась исключительным немногословием.

– Лионелла Викторовна, это я, – заголосила я в ответ.

Дверь открылась, и я вошла в просторный холл. Лионелла стояла, вооружившись пылесосом.

– Хотите, я вам помогу? – с ходу предложила я из уважения к ее немалому возрасту.

– Уверена, у вас найдутся дела куда более важные, – ответила она

с достоинством. – Хозяин предупредил, что вы здесь останетесь, комната для вас готова. Ужин через час пятнадцать минут. Не опаздывайте. И не забудьте: в этом доме к ужину выходят прилично одетыми.

Она включила пылесос, а мне не осталось ничего другого, кроме как идти себе дальше. И дом, и его обитатели вызывали у меня жгучий интерес. Домик строил тот еще затейник, одни башни чего стоят. Меня так и подмывало хорошенько тут все облазить. Но Лионелла была начеку и пару раз уже застучала меня в комнатах, где, по ее мнению, делать мне нечего, ядовито заявив: «хозяин не хранит здесь свои тайны». То, что и Кузьмич, и Лионелла называли Бергмана «хозяин», смешило и злило одновременно. Просто Средневековье какое-то. Хотя было множество других поводов удивляться местным порядкам. Будь я девушкой впечатлительной, непременно бы решила, что в подвале одной из башен стоит гроб, куда Бергман и Лионелла укладываются по очереди, а милейший Василий Кузьмич превращается в кота и ночи напролет шляется по крышам. Разумеется, все это глупости, но дом производил странное впечатление, я ясно ощущала присутствие чего-то загадочного и враждебного и, торопливо проходя длинным коридором, вдруг оборачивалась, чувствуя чей-то настойчивый взгляд. Конечно, за спиной никого не оказывалось, но тревогу это лишь усиливало.

В прошлый раз я жила в мансарде, но сегодня мне отвели комнату на третьем этаже, где были личные покои Бергмана. Вскоре стало ясно почему. Единственное окно комнаты выходило на площадь, клумбу отсюда прекрасно видно, в чем я и смогла убедиться, отдернув занавески. Постояла немного, приоткрыла окно, решив не включать кондиционер, и стала разбирать сумку, ее предупредительно доставили сюда. Это заняло всего несколько минут. До ужина еще полно времени, и я устроилась на кровати с книгой, которую дал мне Василий Кузьмич.

Карты никогда меня не интересовали, и к гаданию я относилась со здоровым скептицизмом. Лично я узнать свое будущее не спешу, какой от этого прок, если меняется не только твоя жизнь, но и ты сам? И то, что тебя радует или страшит сейчас, может стать своей полной противоположностью в будущем. Помнится, моей тетке цыганка нагадала, что она переживет мужа на двадцать лет. Тетка мужа любила без памяти, и от такого предсказания крыша у нее малость съехала. От каждого чиха благоверного она едва в обморок не падала, таскала его по врачам и постоянно твердила, что дня без него прожить не сможет. За полгода она своими страхами довела себя до того, что пришлось пить успокоительное. В сорок пять лет ее муженек встретил любовь всей своей жизни, само

собой, на двадцать лет его моложе, и принялся делить с теткой нажитое непосильным трудом, та в большом гневе на изменника кричала: «Лучше б ты умер!», но он здоровует до сих пор, оттяпав у тетки половину бизнеса, а та ждет его кончины со дня на день, но сомнительно, что скоро дождется.

В общем, я перелистывала страницы увесистого томика с ухмылкой, постигая премудрости, в них заключенные. Явная польза от всего этого точно была: время до ужина пролетело незаметно.

На ужин я отправилась в джинсах и футболке, из-за довольно глупого желания досадить Бергману. Его порядки – это его порядки, а у меня они свои. Старалась я совершенно напрасно. В огромной столовой, которая всегда ассоциировалась у меня с замком людоеда, стол был накрыт на одного человека. Лионелла, бросив недовольный взгляд на мои джинсы, соизволила пояснить:

– У хозяина срочное дело. Он задержится и просил его не ждать.

– Я могла бы поужинать в кухне, – сказала я, но ответа не удостоилась.

В общем, ужинать пришлось в одиночестве, гадая, куда унесло Бергмана, касается это наших дел или у него есть свои? Вспомнив о делах, я, вернувшись к себе, устроилась возле окна с планшетом и прошлась по всем ссылкам, присланным Димой, делая пометки в тех местах, что показались важными.

Судя по статьям в прессе и комментариям, данным правоохранительными органами, версия ограбления была основной. В связи с этим возникли вопросы к галеристу Шацкому, который, собственно, и нашел покупателя. Его ни в чем не обвиняли, но намеки делали весьма прозрачные. Шацкий отвечал, что о сделке знали все его сотрудники, а учитывая их родственников и друзей – круг осведомленных лиц значительно расширяется. То, что расплачивались наличными, тоже выглядело для многих подозрительно, а о том, что деньги Лотман оставит дома, а не отвезет сразу в банк, вряд ли знал кто-то, кроме самых близких. Учитывая, что вся семья была расстреляна, на ум приходил все тот же галерист. И наш возможный клиент Аллилуев. Я поискала о нем сведения в Интернете и теперь склонялась к мысли: если обращение к нам – это просто хитрый ход и он замешан в преступлении, то вовсе не деньги были тому причиной. С деньгами у него как раз все в порядке. Он переживал из-за смерти друга, я это чувствовала, за время разговора у меня ни разу не возникло ощущения, что он лжет или что-то недоговаривает. Своим ощущениям я склонна верить, хоть и не на все сто процентов, делая скидку на то, что ошибка всегда возможна. Но одно чувство запросто можно спутать с другим, точнее, не сразу понять его

причину и сделать не те выводы. Сам процесс, по моему мнению, был сродни толкованию карт Таро, о которых я только что читала. Одна неверная предпосылка, и все переворачивается с ног на голову. Однако, учитывая материальное благополучие Аллилуева, отсутствие явного мотива убийства и его обращение к нам, я была уверена, что он невинен если и не аки агнец, то близко к тому. Заморыш очень беспокоился, и беспокойство мгновенно нарастало, лишь только речь заходила о Надежде. Ясно, что парень в нее влюблен, до убийцы ему дела мало, о чем он заявил вполне откровенно, но безопасность девушки зависит от того, как скоро он окажется в тюрьме, поэтому Вербицкий Аллилуева и поддержал. А пока хотел бы видеть возле девушки надежную охрану. Так что и его я из числа подозреваемых исключила.

О самом преступлении журналистам писать особо было нечего, то есть все подробно и в деталях описали в самых первых статьях, оттого они переключились на биографию убитых и ближайшее окружение, чем, безусловно, нам помогли. Рыскать по городу в поисках сведений не придется, подробные жизнеописания уже есть, а также намеки на возможные мотивы и прочее в том же духе.

Часам к двенадцати у меня уже голова пухла от различных сведений, которые ни на шаг не приблизили разгадку: кто же все-таки расстрелял трех человек и почему. Все это время я не забывала и в окно поглядывать, но там не происходило ничего заслуживающего внимания.

В двенадцать я отложила планшет и поднялась с кресла, потянувшись с хрустом, и, честно говоря, начала поддаваться соблазну переместиться на кровать. Джокер, пожалуй, прав: вряд ли охотник уже сегодня передаст очередное послание. Тут я подумала вот о чем: а что, собственно, я стану делать, увидев его? Брошусь на улицу с воплем «Постойте, товарищ!»? Остановить его и задать вопросы не получится, но по крайней мере я буду знать, как он выглядит, постараюсь сделать фотографию, а если повезет и он на машине, возникнет шанс узнать, кто он такой.

Я постояла немного в раздумье и направилась к двери. Открыла ее и прислушалась. В доме тишина. Интересно, Бергман вернулся? Я направилась по коридору и вскоре увидела, что дверь в его кабинет приоткрыта, точно он ждал кого-то и нарочно оставил ее в таком положении. В кабинете горел свет, я заглянула и увидела Бергмана, сидевшего за столом. В этот кабинет, который находился в башне, в отличие от того, что был на втором этаже, клиентов никогда не пускали. Подозреваю, здесь вообще редко кто бывал, не считая нас и, само собой, Лионеллы. О личной жизни Максимильяна я ничего не знала, но,

по утверждению Воина, была она весьма насыщенной, что не удивляло: Максимильян у нас красавец, умница да еще со средствами. Кто ж из женщин перед таким устоит? Но ни с кем из счастливиц мне встретиться не довелось.

– Заходи, – позвал Максимильян.

Я вошла и по привычке огляделась. Если столовая навевала думы о людоеде, а «официальный» кабинет походил на логово средневекового алхимика, то здесь все было скромнее. Хотя на отделку комнаты не поскупились. Резные деревянные панели, книжные шкафы до потолка и массивный стол, на котором сейчас стояла уже знакомая мне резная шкатулка и были разложены карты. Весьма странная колода, где у дамы червей было мое лицо, бубновый валет – с физиономией Димки, а крестовый король – наш Воин. Лицо Джокера с ярко-алыми щеками и подведенными глазами могло принадлежать Максимильяну, а могло и нет. Даже здесь выходило, что тип он мутный, вызывавший бесконечные сомнения. Откуда у него эти карты, он не объяснил. Сказал, что однажды обнаружил их в магазине, и никто из персонала не помнил, чтобы их кто-то приносил, выходит, появились они как бы сами собой. В эту байку я не верила, но карты, безусловно, были старыми, это я поняла, лишь только взяла их в руки. И как в этом случае на них оказались наши физиономии? Можно было бы стащить одну из карт и, обратившись к специалисту, провести настоящую экспертизу, но делать этого я не стала. Мои ощущения могут и подвести, а вот если эксперты все подтвердят, как прикажете поступить в этом случае? Поверить в переселение душ и прочую ерунристику? Куда спокойнее решить, что Джокер – умелый фальсификатор и просто пудрит нам мозги.

– Что нашептывают небеса? – спросила я, устраиваясь в кресле напротив.

– Обещают испытания, преодоление трудностей и скорое богатство.

– Это хорошо, не забудь Вадима порадовать.

– Карты обещают, что под ударом окажется наш Поэт. Не интересуешься?

– Картами – нет. Поживем – увидим, кто где окажется.

– Кстати, наши предки считали, у каждой старшей карты есть конкретный исторический персонаж. Король крестей – это Александр Македонский. А кто, по-твоему, дама червей?

– У меня нет настроения участвовать в викторине.

Джокер пожал плечами и замолчал, а я спросила нетерпеливо:

– Кто?

– Елена Прекрасная.

Это имя вызвало странное волнение, оно, безусловно, что-то для меня значило. А что, черт возьми, может значить для девицы двадцать первого века прекраснейшая из женщин в доисторические времена, которой скорее всего и на свете-то никогда не было. Помнится, после фильма «Троя» я взялась читать Гомера, но дальше третьей песни не продвинулась.

Джокер поднялся, достал книгу с одной из полок и вернулся с ней к столу, полистал и пододвинул ко мне.

– Самое древнее изображение Елены Прекрасной.

Я посмотрела равнодушно, но взгляд на иллюстрации все-таки задержала. Невероятно, но женщина на картине была похожа на меня. За исключением волос. У нее они златокудрые, а у меня каштановые, хотя на солнце скорее рыжие. «Не верь ему», – услышала я точно со стороны.

– Художник, надеюсь, был с ней хорошо знаком? – заметила я с усмешкой.

– Вряд ли, – засмеялся Джокер. – Но совпадение любопытное.

– Есть вещи куда более любопытные, – кивнула я.

– Например?

– Например, твой дом забит барахлом под самую крышу. Любой старьевщик, заглянув сюда, лишится чувств от восторга. И при этом нет ничего, что можно связать лично с тобой. Каких-нибудь памятных вещей, дипломчика в рамке или хотя бы фотографий, твоих или родителей.

– Я не сентиментален, – вновь засмеялся он.

«Или прячешь под грудой барахла что-то очень важное. Жаль, не могу понять что», – неприязненно подумала я.

– Расскажи о своих родителях.

– Я рано осиротел. Воспитывали меня чужие люди, и об этом времени у меня не самые приятные воспоминания. Поэтому я не люблю о них говорить.

– Врешь, – уверенно сказала я, а он согласно кивнул.

– Ты совершенствуешься. Правде ты все равно не поверишь.

– Я – Елена Прекрасная, а ты падший ангел. Воин в этом почти уверен.

– Ты умная девочка и должна знать, для того чтобы объяснить весьма сложные вещи доступным языком, приходится прибегать к иносказаниям.

– Разумеется, – усмехнулась я и подошла к окну. Окна комнаты выходили как на улицу, так и во двор, но в отличие от кабинета, так сказать, официального, отсюда интересующую меня клумбу не увидишь.

– Караулить возле окна – довольно примитивный способ разобраться в происходящем, – насмешливо заметил Максимилиан, обратив внимание

на мою тягу к окнам.

– Само собой, карты куда надежнее.

– Если бы ты доверилась мне... – начал он и замолчал.

– Продолжай, – попросила я.

Он засмеялся:

– Например, ты смогла бы очень быстро развить свой дар. –

Он вроде бы ответил, а чувство было такое, что от ответа ловко уклонился.

– Развить дар? – переспросила я, чтобы заставить его продолжить.

– Он у тебя, безусловно, есть, но, по твоим собственным словам, ты не умеешь им управлять. Возьми свою карту, – совсем другим тоном произнес он, и я точно под гипнозом протянула руку к даме червей, впрочем, почему «точно», уверена, это и был гипноз. Едва карта оказалась в моей ладони, по телу прошла дрожь, сердце забилося так, словно хотело выпрыгнуть из груди, и стало ясно: еще мгновение и я, чего доброго, лишусь сознания. Я испуганно отбросила карту, она упала на стол крест-накрест на карту Джокера.

– Со мной у тебя эти штучки не пройдут, – сказала я со злостью.

– Нас ждут испытания, – глядя на карты, серьезно заявил он и вдруг опять засмеялся: – Но все непременно закончится хорошо.

Кабинет я покидала в большой спешке, мысленно матерясь. «Он гипнотизер, – думала я. – Все это не более чем фокус». Но в душу уже закралась тоска, предчувствие не беды даже, а чего-то такого, что невозможно выразить словами и что, возможно, по этой самой причине пугает еще больше.

Вернувшись к себе, я устроилась возле окна. Свет фонаря на остановке освещал клумбу, цветочки радовали глаз. Я паялилась на нее примерно с полчаса, после чего стало ясно: еще немного и я усну, сидя в кресле. Я перенесла настольную лампу ближе к окну и прихватила книгу. Свет хоть и не яркий, но на него, безусловно, вестник обратит внимание. Тут я усмехнулась и даже головой покачала: я начинаю говорить как Бергман. Если этот тип, как бы его ни называли, заметит свет в окне, он вряд ли станет совершать что-то противоправное. Интересно, привязать мертвых птиц к колышку – это противоправное действие? Если подобным образом развлекаться в центре города, то это вполне подходит под статью «хулиганство». Свет горит не только в моей комнате, но и в коридоре, где тоже есть окно, выходящее на площадь, и в кабинете Бергмана. Я не слышала его шагов, значит, Максимильян все еще там, то есть свет горит в нескольких окнах, и мое окно в этом смысле ничего не решает. Интересно, вестнику известно расположение комнат? Тут я вновь покачала

головой и подумала: что, если сейчас появится ватага мальчишек с воронами в руках. Все-таки подобные выходки как раз в их духе. Максимильян в этом случае будет выглядеть полным идиотом.

– Вестник, – передразнила я и вновь принялась листать книгу, рассудив так: если через каждый прочитанный абзац поглядывать в окно, есть шанс, что я «вестника» не провороню и не усну. Не самое мудрое решение, но другого не нашлось.

Я продолжила постигать премудрости карт и вскоре, глядя в окно, задумалась. Безусловно, Бергман руководствовался какой-то системой, мне пока малопонятной, возможно, он сам ее и выдумал, но все толкования, которые я находила в книге, странным образом укладывались в нашу историю. Крестовый король – военный человек, соотносится с личностью Александра Македонского: великий полководец, Воин. Валет бубен – юноша, доверенное лицо, друг, мечтательная натура, Поэт. В сочетании друг с другом обещают верное получение денег и бесполезную трату их на удовольствия. Лучше и не скажешь. Деньги заколачивают бешеные и легко их спускают. Интересно, Бергман подбирал команду по таким вот признакам? Дама червей – карта женщины, которая гадает, то есть я сама, если это я раскладываю колоду. По словам Бергмана, все вращается вокруг девушки, и моя карта центральная. Она также означает интуицию, любовь и необходимость выбора.

Я торопливо поднялась, отыскала авторучку и блокнот в сумке и по памяти записала комбинацию карт, которую увидела на столе Джокера. На то, чтобы дать подробное толкование, у меня ушло больше двух часов, а вышло следующее: получение известия, предупреждение о грозящей опасности, человек из прошлого, друг или враг, возможно, бывший друг, а теперь враг, не сильна я пока в трактовках. Одно зло приводит к другому, малая беда – к большой. Под ударом окажется бубновый валет, есть риск его потерять. Только от Джокера зависит, как повернутся дела, точнее, от того, кем выступит сам Джокер, захочет он спасти наш хрупкий мир или, напротив, обострит ситуацию до предела. То есть от этого зависел исход событий до тех пор, пока моя карта не легла сверху. А теперь выходило следующее: женская интуиция способна разрушить все его планы, а заодно и планы тех, кто игру затеял.

Все это так меня увлекло, что про клумбу я забыла, а вспомнив, чертыхнулась и бросилась к окну. Цветочки явились взору в своем обычном виде, что вызвало вздох облегчения. «Вот так людям крышу и сносит», – с усмешкой подумала я. Все начинается с невинного увлечения, а заканчивается паранойей. Может, Бергман и верит во всю эту

хрень, но я-то делать этого не собираюсь. Да, некоторое сходство обескураживает, но это не более чем совпадение.

Чтобы избавить себя от сомнений, которые явились как по команде, я сунула книжку в шкаф, решив завтра вернуть ее Василию Кузьмичу. А что, если старик в сговоре с Бергманом и нарочно мне ее подсунул? Еще немного, и я стану буйным параноиком, который подозревает абсолютно всех. Я выключила свет и устроилась на подоконнике, не сводя глаз с клумбы и изо всех сил стараясь не уснуть. Мысли, само собой, вертелись вокруг Бергмана и его карт, что очень нервировало. Я пробовала читать стихи вслух, но через строчку сбивалась из-за навязчивых мыслей. Интересно, чем занят Бергман? Занял позицию возле окна, хоть и не пожелал признаться, что не хотел бы пропустить появление новых птичек, если таковое произойдет. Продолжает сидеть в кабинете? Или ушел спать, а я, занятая толкованием карт, его уход проворонила?

Открыв окно и высунувшись почти наполовину, я смогла убедиться, что свет в кабинете горит. Спустилась на пол и босиком направилась к двери, приоткрыв ее, выждала с минуту и, стараясь двигаться бесшумно, пошла по коридору. Свет здесь так и остался включен, что упрощало мне жизнь (не налетишь впотьмах на консоли с вазами, бюстами великих и прочим старьем). Дверь в кабинет была открыта, а кабинет пуст, то есть за столом никто не сидел, и по углам Бергман не прятался, по крайней мере со своего места я его не видела. Вряд ли он забыл выключить свет, значит, ушел ненадолго. Вернется и застанет меня за столь неблагоприятным занятием. Ступая на носках, я ретировалась к ближайшей двери, но она оказалась заперта. В прошлое мое водворение в этом доме запертые двери здорово меня возбуждали. Чтобы фантазии мои не особо разыгрались, Лионелла одну из дверей открыла. За ней оказалась комната, ничем не примечательная. В остальных побывать не удалось, однако вряд ли бы и они особо порадовали.

Я толкнула следующую дверь и убедилась, что она тоже заперта. Что все-таки за странная манера держать их закрытыми? Предположим, ими не пользуются, предположим, даже сочли, что их лучше держать на замке, чтобы, например, от сквозняка не открылись, но ключ можно в замке оставить, хотя бы для того, чтобы не потерялся и был под рукой. Ключа, конечно, не было. Придется возвращаться в свою комнату, если я не хочу, чтобы Бергман меня здесь застукал.

И тут я услышала, как он кашлянул. Негромко, но в тишине звук был отлично слышен, чтобы не вызывать сомнений. И доносился он из кабинета. В некотором недоумении я направилась туда. Осторожно

заглянула и увидела, что Бергман стоит у стены напротив. Просто издевательство какое-то... Не мог он там оказаться, если только речь не идет о телепортации. Я так разозлилась, что уже собралась войти и поинтересоваться, где он прятался и зачем взрослому мужику все эти штучки, но тут заметила, что одна из деревянных панелей, которыми был отделан его кабинет, примыкает к стене неплотно. Черт, это замаскированная дверь... Подобную в его доме я уже видела, но тогда решила, что это аттракцион, рассчитанный на клиентов, чтобы произвести впечатление. Сюда клиентов точно не пускали. В подтверждение моей догадки Бергман коснулся рукой панели, и она с легким щелчком встала на место. Я отпрянула, боясь, что он догадается о моем присутствии. Бергман подошел к столу и выключил настольную лампу, следовательно, собирался покинуть кабинет. Я на цыпочках, но с максимальным ускорением прошмыгнула в свою комнату, дверь плотно закрывать не стала, чтобы Джокер не услышал щелчка, и теперь ждала, когда он к себе отправится.

Дверь кабинета хлопнула, а звук шагов ясно давал понять, что движется Максимильтян в моем направлении. Я бросилась к подоконнику, только успела сесть, как Бергман, постучав, заглянул в комнату.

– Все еще на страже?

– Как видишь.

– Может, выпьем кофе?

– Неплохо бы. Но боюсь проворонить злодея.

– Вестник – не обязательно злодей.

– Да, а кто?

– Просто функция. Любой, кто способен доставить послание, – пожал Максимильтян плечами. – Не разочаровывайся, если под окнами вдруг появится какой-нибудь бомж...

– Но он ведь должен знать, кто его послал?

– И это совсем необязательно.

– По этой причине слежка тебя совсем не занимает? – догадалась я.

Он вновь пожал плечами.

– Так как насчет кофе?

– Пожалуй, откажусь.

– Тогда спокойной ночи. И удачи, – добавил он и плотно закрыл дверь, оставив меня гадать: он появился, потому что заподозрил, что я за ним шпионю, или в самом деле решил справиться о моих успехах, перед тем как лечь спать.

Я была уверена: он застукал меня возле двери. В общем-то, особого повода прятаться у меня не было, однако очень не хотелось, чтобы Бергман догадался: мне известно о потайной комнате. Ну и домик. Не зря его прозвали «дом с чертями», хотя тайная комната – еще не повод подозревать хозяина во всех смертных грехах. Василий Кузьмич, да и сам Бергман, говорили не раз, что в доме есть очень редкие книги, хранят их не в магазине, а на втором этаже. Возможно, и в личных покоях. Книг здесь действительно тьма тьмущая. И в тайной комнате могут быть наиболее ценные экземпляры. Предосторожность, кстати, не лишняя. Кроме книг, здесь полно всякого антиквариата. Магазин открылся пять лет назад, годом раньше Бергман купил этот особняк. Все это я знала точно, а вот о том, где он жил до этого времени и чем занимался, понятия не имею. И если честно, в комнату с замаскированным входом попасть очень хотелось. Просто чтобы убедиться: там нет ничего особенного...

Хотя мысль о том, что в комнате можно найти разгадки многочисленных тайн Бергмана, само собой, весьма волновала. Что нормальный человек стал бы прятать? – увещевала я себя, но, должно быть, «нормальным» Бергмана все же не считала. Тайн у него точно пруд пруди. И дом этот он купил не просто так, не зря у меня здесь возникает чувство, что я в покоях Синей Бороды. Кстати, в этой сказке любопытные девицы очень быстро становились очередной тайной хозяина. Само собой, меня это не остановило. Более того, желание заглянуть в комнату лишь усилилось, я даже подумала: а не попробовать ли прямо сейчас? Потопталась возле двери, прислушиваясь. А если Бергман только этого и ждет? Застукает меня за неблагоприятным занятием, вряд ли на пирожки отправит, ведь Димке и Вадиму мое исчезновение надо как-то объяснить, но наблюдать насмешливую улыбку на его физиономии придется. Дождаться более подходящего момента, когда хозяин отсутствует, а Лионелла занята уборкой? Сомнительно, что мне повезет и они одновременно покинут дом, у меня вообще такое впечатление, что старуха здесь безвылазно обретаётся.

Я вернулась к окну, посмотрела на цветочки, все больше соглашаясь с тем, что моя затея ни к чему не приведет. Теперь я была даже на алкаша согласна или подростков-хулиганов. Но клумба даже их не интересовала. Из упрямства я придвинула кресло вплотную к окну и, борясь со сном всеми доступными способами, просидела до самого утра.

В шесть, когда на улице показались троллейбусы и редкие прохожие, я решила, что вестник уже не появится, и отправилась спать, констатируя, что ночь прошла впустую.

Проснувшись я от шумно работающего под дверью пылесоса, протерла глаза, взглянула на часы и подскочила как ошпаренная: половина двенадцатого. Хотя чему удивляться, если легла я в шесть.

Быстро приняв душ, я вышла из комнаты, Лионелла, выключив пылесос, сообщила:

– Ваш завтрак на кухне. Мужчины в кабинете хозяина, на втором этаже.

Решив, что завтрак подождет, я отправилась в кабинет.

– Твоя задача – охрана девчонки, – говорил Бергман, обращаясь к Вадиму в тот момент, когда я вошла.

Воин был в джинсах и темной рубашке, сидел, откинувшись на спинку кресла, Димка, все в тех же шортах и футболке, что и накануне, пил воду из бутылки, которую при моем появлении поставил на пол.

– Надеюсь, ничего интересного я не проспала?

– Мы беремся за это дело, – улыбнулся Дима. – Воин на мели, Максимильян умирает от скуки, а мне все равно.

– Серьезный повод, – кивнула я. Можно было съязвить: «А меня, конечно, не спрашивают?», но это показалось глупым.

– На самом деле я тоже нуждаюсь в деньгах, – улыбнулся Бергман. – Предложили редкую книгу...

– Что-нибудь о картах?

– Нет, об оборотнях. Кстати, тебе известно, что у некоторых народов оборотень мог стать не только медведем, кошкой или волком, но и вороном.

– Да хоть ежиком. Максимильян, ты ходячая энциклопедия, а мне диплом достался кровью и потом, знания улечиваются, не успев усвоиться...

– Не наговаривай на себя, – серьезно заявил Вадим, хотя я вроде бы шутила. – Ты умная девушка. А насчет ворон... думаешь, кто-то охотится на оборотней? И это должно нас беспокоить? – вопрос адресовался Бергману.

Я нахмурилась и спросила:

– Надеюсь, ты ни в кого превращаться не собираешься?

– Только в полнолуние, милая, – ответил Вадим и поскреб здоровущей ладонью грудь, а я некстати подумала, что временами он похож на медведя. – А вот молодые волки всегда готовы. – Тут он ткнул пальцем в Димку, и тот с серьезной миной кивнул, точно соглашаясь.

– Вам не приходило в голову, что мои мозги могут и не выдержать? – разозлилась я.

– В самом деле, – вмешался Бергман. – Что о вас девушка подумает.

Но вместо благодарности нарвался на ехидный вопрос:

– А Максимилян кем становится? Спрашиваю не из простого любопытства, полнолуние со дня на день, вдруг столкнусь на лестнице...

Вадим и Димка переглянулись и уставились на Бергмана, ожидая ответа.

– Есть какие-нибудь догадки? – спросил меня Димка, ничего не дождавшись.

– Есть. Библейский змей-искуситель.

Мужчины вновь переглянулись, и Вадим, сурово нахмурясь, буркнул:

– Я же говорил, она нас видит насквозь... – После чего все трое весело заржали, а я почувствовала себя полной идиоткой за свой внезапный испуг. Пусть всего лишь на мгновение, но я поверила, что говорят они серьезно. Не пора ли обратиться к психиатру?

– Спасибо за блестящую характеристику, дорогая... – с кривой ухмылкой заявил Максимилян. – А сейчас, если не возражаете, перейдем к делу. Мы решили за него взяться. Твое мнение?

Я пожала плечами:

– Будем считать, решение принято большинством голосов.

– В таком случае займемся возможными версиями...

Я села возле окна, не удержалась и взглянула на клумбу. Подъехала поливальная машина, и теперь саму клумбу было видно плохо, а я в досаде за бессонную ночь мысленно буркнула: «Век бы ее не видеть». И постаралась сосредоточиться на разговоре, в результате которого решено было взять за основу версию ограбления, но и прочими не пренебрегать.

– Воин и Девушка отправляются к Наде. Приглядись к девчонке, – обращаясь ко мне, произнес Бергман. – Вполне возможно, она знает куда больше.

– Вот посмотрите, – сказал Дима и положил на стол увеличенные фотографии. Это были снимки с места убийства. Наличие фотографий, так же как и копий протоколов, меня не удивило. Не знаю, каким образом Бергману удалось их заполучить, но удалось.

На первой фотографии женщина сидела, откинувшись на спинку стула. Лицо ее полностью скрывали длинные темные волосы. На второй тоже женщина, с короткой стрижкой, голова на столе, лицом вниз, белая скатерть залита кровью, в тарелке, что стоит перед ней, тоже кровь. Я невольно поежилась. На третьей мужчина, лежит на полу, раскинув руки. Убит двумя выстрелами: в грудь и в голову. На четвертом снимке лишь контуры тела, обведенные мелом.

– И что не так? – нахмурился Вадим.

– Лотмана застрелили, как только он оказался в холле. Грабитель врывается в комнату, убивает женщин. Надя в этот момент находилась в туалете. Услышав выстрелы, выскочила в коридор. Здесь киллер в нее и выстрелил. Она пришла в себя, смогла поползти до телефона и позвонить, а потом потеряла сознание. Так?

– Ну...

– На фото видна трубка... лежала у девчонки под рукой, а Надю обнаружили примерно метрах в двух от консоли, где стоит база.

– Ну и что? Она пыталась добраться до двери...

– С трубкой в руке?

– Почему нет?

– Из протокола следует, что Надежда лежала на спине, лицом к стене. Либо она смогла подняться, а потом упала, либо...

– Что?

– Не знаю.

– Дай-ка еще раз взглянуть. – Вадим некоторое время рассматривал снимок, а потом стал перечитывать протокол.

Пока Воин читал, почесывая затылок в больших сомнениях, Димка и Максимильян молча наблюдали за ним.

– Я бы сказал, что девушка находилась в таком положении сразу после выстрела. От удара в плечо отлетела в сторону и упала. – Тут он усмехнулся. – Потом очнулась, поползла до телефона, позвонила и вернулась в первоначальное положение.

– Эта первая странность, – кивнул Бергман. – Уверен, будут и еще. Звонки в полиции записываются. Этот точно сохранили. Надо раздобыть копию, а пока я бы уделил самое пристальное внимание галеристу и бывшей подруге.

– Женщины в гнев страшны, – кивнул Вадим. – А подруга должна была разгневаться.

В этот момент я вновь посмотрела в окно. Поливальная машина исчезла, я уже готова была отвернуться, но тут мое внимание внезапно привлек предмет, лежащий прямо посредине клумбы.

– Там что-то есть, – пробормотала я.

– Опять вороны? – усмехнулся Вадим.

– Нет. Похоже на мешок для мусора.

Вадим, а вслед за ним и Дима подошли к окну, Бергмана происходящее, казалось, вовсе не волновало.

– Мусорный пакет, – произнес Вадим. – Только очень большой. Что за идиот выбросил его на клумбу? – Он вдруг нахмурился,

пробормотал: – Твою мать... – И бросился к двери.

Мы за ним, на этот раз Бергман к нам присоединился. Правда, обычным шагом и с недовольной миной.

Пришлось ждать зеленого сигнала светофора, и это позволило Бергману нас догнать. Никто не заговаривал о том, что ожидал увидеть, но напряжение нарастало. Похоже, что, кроме нас, на мешок, оказавшийся на клумбе, внимания никто не обращал. Впрочем, с тротуара его не особенно разглядишь, и из машин, возможно, тоже.

Наконец-то зажегся «зеленый», мы пересекли проезжую часть и подошли к клумбе. Прохожие начали поглядывать на нее с недоумением.

– Он решил не мелочиться и прислал сразу десяток ворон, – сказал Димка, видимо, с намерением разрядить обстановку.

Вадим надорвал мешок и грязно выругался.

– Звони в полицию, – обращаясь ко мне, произнес Дима.

– Что там? – задала я вопрос, хотя ответ уже знала.

– Труп.

Мужчину лет тридцати задушили, после чего убийца упаковал его тело в большой пакет для мусора. Убийство произошло как минимум сутки назад, тело успело заостенеть, и приехавшим полицейским пришлось укладывать его на носилки в скрюченном виде.

Мы подробно рассказали следователям, как из окна заметили мешок и прибежали сюда. Бергман, кстати, от встречи с полицейскими уклонился, еще до их приезда вернувшись в дом. Наш рассказ у сотрудников правоохранительных органов вызвал настороженность. Не тот факт, что мы заметили что-то из окна, а то, что мы втроем (о Бергмане мы не упоминали) припустились к клумбе, чтобы заглянуть в мешок. Пришлось рассказать о воронах, которые накануне появились на этой самой клумбе.

Про ворон рассказывала я, и следователь, записывавший мои показания, смотрел с таким выражением на физиономии, точно намеревался спросить: «Вы что обычно пьете?»

Тут к нему подошел один из коллег и что-то зашептал на ухо.

– А вы убитого раньше видели? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Я его и сейчас не видела.

– Почему? – видно, подобный вопрос идиотским ему не казался.

– Спать по ночам хочу.

– Понятно. Но придется все же взглянуть. Вдруг узнаете. При нем нет ничего, что позволило бы установить его личность, а это сейчас очень важно.

Мы направились к носилкам, которые как раз загружали в машину.

– Говорят, у вас тут детективное агентство? – спросил следователь и весело фыркнул.

Я решила не отвечать, а он продолжил:

– А вы, значит, тоже сыщик? Шерлок Холмс?

– Я – баба-дура и мужикам кофе завариваю, – ответила я, чем служивого смутила.

Был он молод, одет с иголочки и явно тяготел к женскому полу, на меня по крайней мере поглядывал с интересом.

– Я ничего такого не имел в виду, – забубнил он. – И не считаю, что женщины должны дома сидеть, постоянно занимаясь уборкой...

– Ну, это понятно. Иначе когда мы будем стирать и готовить.

Мы подошли к машине и дискуссию о месте женщины в современном мире решили прервать по обоюдному согласию. Он кивнул на лицо убитого и с легким подхалимством попросил:

– Посмотрите, пожалуйста.

Рыжие волосы покойного, когда-то яркие, сейчас имели ржавый оттенок. Красноватая кожа, как это часто бывает у рыжих. И веснушки. Они покрывали все лицо, которое было мне совершенно незнакомо и все равно вызвало внезапную тоску, напомнив, во что мы все превратимся. Я увидела след удавки на шее, но не это потрясло меня.

– Что у него во рту? – задала я вопрос.

– Не понял, – растерялся следователь.

– У него во рту что-то есть, похоже на листок бумаги, взгляните, кончик виден между зубов.

Он посмотрел так, точно я спятила или еще хуже – издеваюсь.

– Вы его видели раньше? – задал он вопрос с начальственным видом, я покачала головой и отошла в сторону, услышав, как он сказал: – Проверьте, что у него во рту.

Через минуту выяснилось: во рту у убитого действительно листок бумаги, свернутый вчетверо. Когда его развернули, смогли прочитать следующее: Л 24:19–20.

– Какой-то шифр? – Следователя, должно быть, потрясла моя прозорливость, и он вновь обратился ко мне в тайной надежде, что я с легкостью расшифрую надпись. Я с усмешкой ответила:

– Понятия не имею.

Волошин и Димка, которых уже отпустили с миром, сидели на скамейке возле остановки и оттуда наблюдали за происходящим.

Когда я к ним присоединилась, Димка спросил:

– Видела его когда-нибудь?
– Нет. У него во рту была записка. – Я назвала комбинацию цифр и букву.

Вадим хмуро уставился на Соколова, а тот пожал плечами.

Бергмана мы обнаружили в кабинете, здесь же была Лионелла, при нашем появлении удалилась, а я пожалела, что не могла услышать их разговор. Уверена, он касался нашей находки. Джокер встретил нас короткой речью:

– Добропорядочные граждане обязаны оказывать помощь следствию, но полдня мы уже потеряли, между тем формула «время – деньги» сейчас актуальна как никогда. Девушка и Воин отправляются в больницу...

– Ты хочешь взяться за дело Лотмана? – удивилась я.

– Решение принято большинством голосов. Разве нет? – в свою очередь, удивился Бергман.

– Но... я думаю, сейчас куда важнее выяснить, чей труп подбросили под твои окна, и найти убийцу. Он оставил послание: Л 24:19–20. Если мы его расшифруем...

Бергман едва заметно поморщился.

– Думаю, речь идет о библейской книге Левит. Оригинальностью убийца не блещет...

– Дима, посмотри, что это значит, – попросила я.

Бергман, глядя на меня, развел руками.

– Выражение хорошо известно даже тем, кто Библии никогда не читал. «Око за око, зуб за зуб».

– Выходит, это чья-то месть?

– Давай предоставим полиции заниматься всем этим, – отмахнулся Максимильян, чем вызвал недоумение.

– Мы не будем искать убийцу? – решила уточнить я.

– У нас есть клиент? – вопросом на вопрос ответил он.

– Нет. Но...

– Если он вдруг появится, мы обязательно этим займемся. А пока я бы советовал тебе позавтракать и наконец-то отправиться в больницу.

Завтракала я в компании Вадима, он тоже решил подкрепиться, раз уж нам предстояло отправиться в больницу вдвоем. Воин жевал с праздным видом, встречаясь со мной взглядом, беспечно улыбался. Судя по всему, он не видел в ситуации ничего необычного. Я же пребывала в недоумении. Мало того, подозрительность в отношении Бергмана достигла прямо-таки

небывалых высот.

– Ты понимаешь, что происходит? – не выдержала я. Вадим взглянул озадаченно.

– Ты об этом труп?

– Разумеется, о трупе.

– И чего?

Я бы решила, что он издевается, однако взгляд, обращенный ко мне, был скорее озадаченным. И вовсе не поведением Бергмана, как выяснилось чуть позже.

– Дался он тебе, – проворчал Вадим, продолжив жевать. – Джокер прав, пусть менты разбираются.

– Человека убили под его окнами...

– Не передергивай. Убили его не здесь.

– Хорошо. Не здесь. Но это послание. Он сам об этом сказал. Так?

– Ну... – кивнул Воин без особой охоты.

– Послание адресовано Максимилиану. Но оно вроде бы его не интересует. По крайней мере он пытается убедить нас... Этому должна быть причина, – раздраженно закончила я.

– Угу, – буркнул Вадим. – Например, Джокер не хочет, чтобы мы лезли в его дела. Неужто непонятно?

Само собой, так оно и было. Удивляло отношение к этому Вадима.

– И тебе неинтересно? – помедлив немного, спросила я со вздохом.

– Как сказать... – Он почесал за ухом, улыбнулся и продолжил: – Хочешь совет? Не забивай голову.

– Лаконично. И доходчиво, – усмехнулась я.

– Я старался, – раздвинул он рот до ушей и произнес лениво: – Джокер прав, у нас есть клиент. Клиент – это деньги, я в них остро нуждаюсь. Давай займемся девчонкой...

– Ты что, боишься? – куда резче, чем хотела, спросила я. Вадим смотрел с недоумением, точно гадал, о чем речь.

– Джокера – нет, – ответил он не меньше, чем через минуту, в продолжение которой мы таращились друг на друга.

– Тогда чего?

– Совать свой нос, куда не просят. Даже если делаешь это из лучших побуждений, чтобы другу помочь. Улавливаешь мою мысль? Надеюсь, если ему понадобится помощь, он об этом скажет.

– Он не позволяет вмешиваться в свои дела, но охотно вмешивается в наши.

– Это ты сейчас о чем? – удивился Вадим. – А... понял. Злишься,

что Джокер считает: с выбором ты поторопилась?

– Откуда ему, черт возьми, знать об этом? – зло фыркнула я. – Тоже мне, провидец.

– Он не такой, как мы, – совершенно серьезно заявил Вадим. – Ты и сама это знаешь. – Я недовольно кивнула, намереваясь сказать, что в данное определение вкладываю совсем другой смысл, но Вадим продолжил: – Только пока не понимаешь, насколько велика разница.

Я собралась ответить, что в действительности думаю о Бергмане, но тут в кухне появилась Лионелла. Окинула нас суровым взглядом и спросила:

– Вы закончили? Мне здесь надо убрать.

– Выпьем кофе и исчезнем, – подхалимски ответил Вадим. Лионелла, задержав взгляд на мне, степенно покинула комнату.

– Уверена, она подслушивает под дверью, – усмехнулась я.

– На нее-то ты за что взялась? – удивился Вадим. – Милейшая тетка... а как готовит... – Тут он закатил глаза и причмокнул.

– И запросто сыпанет яда в свою стряпню, если хозяин прикажет. – Говорить такое у меня не было никаких оснований, но, само собой, это скорее раззадорило. – Она работает у него много лет, но не пожелала ответить ни на один вопрос о его прошлом. Даже самый невинный. Например, кто его родители.

– А с чего ты взяла, что это невинный вопрос?

Я уставилась на Вадима, пытаюсь понять, что он имел в виду, тут он вздохнул и добавил:

– Постарайся ему доверять. Тем более что он очень хорошо к тебе относится.

– Ты что-то знаешь? – спросила я шепотом, придвинувшись к нему, потому что действительно была уверена: Лионелла подслушивает под дверью. – Ни за что не поверю, что ты даже не пытался раскопать всю его подноготную.

– Правильно не веришь, – кивнул он.

– И что?

– Ничего, – покачал он головой. – Если он не захочет, чтобы о его прошлом знали, значит, мы не узнаем. А теперь потопали, нас ждут великие дела. Или просто хорошо оплачиваемые.

Само собой, такой конец разговора меня совсем не устроил. И я попыталась его продолжить по дороге в больницу. Но Вадим на все мои слова лишь усмехался или начинал свистеть, в общем, стало ясно: настаивать бессмысленно.

В больнице медсестра в ответ на наш вопрос о самочувствии Надежды Мызиной (именно такую фамилию носила внучка Лотмана) пожала плечами.

– Вам лучше с лечащим врачом поговорить.

– В какой она палате? – уточнил Вадим.

– В одиннадцатой. Врач сейчас у нее.

Однако врача мы там не застали. Постучав и не дождавшись ответа, Вадим вошел в палату, я последовала за ним. Палата оказалась одноместной. Окно было закрыто рулонной шторой, оттого в комнате царил полумрак. На тумбочке возле окна стоял роскошный букет цветов, тут же бутылка воды и поднос, еда на тарелке не тронута. На кровати, укрывшись с головой, лежала девушка, до того хрупкая, что контуры тела едва угадывались под одеялом. К нашему появлению она никакого интереса не проявила, я было подумала, что девушка спит, но тут она несколько раз вполне отчетливо всхлипнула.

Вадим кашлянул, желая привлечь внимание, придвинул мне стул, и сам устроился на табурете возле окна. Несколько минут мы сидели в молчании. Надежда не выдержала первой, стянула с головы одеяло и повернулась к нам.

– Вы кто? – спросила сердито.

На вид ей было лет шестнадцать. Светлые кудряшки падали на лоб, лицо бледное, с покрасневшими глазами. Не красавица, но, безусловно, привлекательная. Особенно глаза хороши: большущие, ярко-синие, с длинными ресницами. И ресницы, и брови были темнее волос. Вздернутый нос и аккуратный ротик, нижняя губа меньше верхней.

– Вы кто? – повторила она вопрос, переводя взгляд с меня на Вадима. В этом взгляде не было ни испуга, ни даже любопытства, все, что она чувствовала в тот момент, – отчаяние. Абсолютная безысходность, давившая тяжким грузом.

– Нас прислал друг вашей семьи Сергей Борисович Аллилуев, – ответил Вадим, избегая упоминания о родственниках.

– Аллилуев? – переспросила Надя. – Друг деда? – Слезы хлынули из ее глаз потоком, а я предложила:

– Хотите воды?

Девушка покачала головой, растирая слезы ладошкой. Ладони у нее были неестественно маленькими, точно у ребенка, а пальцы казались прозрачными.

– Не возражаете, если я немного приподниму штору? – Не дожидаясь

ответа, я потянула за цепочку, и в комнату хлынул солнечный свет.

– Не надо, закройте, – взмолилась девушка, но я оставила штору опущенной примерно на две трети и открыла окно. Свежий воздух ей точно не помешает.

– Меня зовут Лена, – сказала я. – А это Вадим. Он побудет с вами.

– Здесь?

– Да. Мы считаем, что в больнице вы в безопасности, но на всякий случай...

– Думаете, меня убьют? – нахмурилась она. И вновь я не почувствовала страха, только отчаяние.

– Нет, – покачал головой Вадим и улыбнулся. – Такая красивая девушка будет жить долго и счастливо.

Она внимательно посмотрела на него.

– Вы в самом деле так считаете? Ну... что я красивая? Вы ведь это просто так сказали?

– Конечно, не просто так. Будь я моложе лет на десять, обязательно бы в тебя влюбился.

– У вас есть семья? – спросила Надя.

– Нет.

– У меня теперь тоже нет. Мама не считала меня красавицей, переживала, что я ни с кем не встречаюсь, а дед смеялся над мамой, твердил, что она отстала от жизни. Девушкам теперь ни к чему спешить с замужеством... – Тут она стиснула рот рукой и вновь зарыдала горько и безысходно.

Я стояла, толком не зная, как ей помочь, предложить еще воды? Вадим между тем сел рядом с девушкой, обнял ее, слегка похлопывая по спине, а она прижалась к нему. Уткнулась носом в его грудь, постепенно успокаиваясь.

– Все нормально, – сказал он, когда девушка, чуть отстранившись, посмотрела на него.

– Нет, – покачала она головой. – Вы не понимаете. Мне теперь незачем жить.

– Вот уж глупость... – фыркнул он. – Сколько тебе лет? Восемнадцать? Ты говоришь, у тебя даже парня не было? По-моему, стоит хотя бы узнать, как на самом деле происходит то, о чем так много пишут в книжках.

– Вы говорите о любви? – прошептала она.

– Конечно. О чем же еще?

– А если меня никто не полюбит?

– Такого не бывает, – усмехнулся Вадим.

– Бывает. Моя мама была одинока.

– А как же твой отец?

– Он не любил ее. И меня не любил. Ему нужны были мамины деньги. Дедовы. А когда дед их не дал, он просто возненавидел маму. Даже бил ее.

– Отец жив?

– Нет. Умер уже давно. У меня никого не осталось, понимаете? – Я заподозрила, что сейчас она вновь разрыдается, и поспешила вмешаться.

– Ты могла бы ответить на несколько вопросов? Это очень важно.

Девушка нахмурилась, а Вадим взглянул укоризненно, решив, что торопиться ни к чему.

– Какие вопросы? – жалобно посмотрев на Волошина, спросила девушка.

– О том, что случилось тем вечером. Полицию вызвала ты?

– Да.

– Расскажи об этом подробнее.

– Что рассказывать? Я ничего не помню.

– Не помнишь, как звонила? Тогда почему решила, что звонила ты?

– А кто еще? Остальных убили. Я обо всем рассказала следователю. Я больше не хочу вспоминать об этом...

– Понимаешь, это очень важно, – вмешался Вадим. – Мы не следователи. Мы твои друзья. Мы хотим помочь. Для нас главное, чтобы ты была в безопасности. А для этого надо знать, кто мог желать тебе зла.

– Вы в самом деле останетесь со мной? – робко поинтересовалась девушка, а я подумала, что первая любовь, возможно, не за горами. Вряд ли Вадим – подходящая кандидатура, но кого это останавливало?

– Конечно. А сейчас тебе нужно ответить на вопросы. Будет тяжело – сделаем перерыв. Договорились? Расскажи все, что помнишь о том вечере.

– У меня был день рождения, – вздохнув, начала девушка. – Мама приготовила ужин. Приехала тетя Ядвига, подарила мне кольцо. Красивое. Мы сели за стол. Дед еще утром мне машину подарил. Мы даже прокатились немного...

– О чем вы говорили за столом?

– Вот об этом и говорили. Я была так счастлива...Потом я пошла в туалет и услышала выстрелы.

– Сколько было выстрелов?

– Не знаю. Я так испугалась. Сначала просто стояла возле умывальника, затем подумала, надо запереть дверь. Она была закрыта, но не заперта. А потом подумала: нужно бежать. Я... я сама толком

не знаю, о чем думала. Было так страшно... я ничего не понимала. Когда стало тихо, я открыла дверь и вышла...

– Туалет был рядом со столовой?

– Да. В коридоре. Из холла дверь в коридор, а еще в сад. Я подумала, надо бежать через сад. И позвонить... кому-нибудь. Но я хотела знать, что с мамой и с дедом... Я... вышла и увидела его.

– Убийцу?

– Да. Он появился из столовой, в руках у него был пистолет. Это я точно помню. Я подумала, нужно спрятаться. Вернуться в туалет, запереть дверь. Глупость, да? Мобильный остался в столовой... Он бы вышиб дверь и убил меня. Но было так страшно, я хотела спрятаться... – Тут девушка зажмурилась, было видно, как трудно ей говорить, какую боль причиняют воспоминания. – Никуда я не побежала, стояла и смотрела на него... на его руку. А потом он выстрелил. Больше я ничего не помню.

– Очнулась ты уже здесь?

– Нет. Я очнулась, когда приехала «Скорая». Меня положили на носилки, и я пришла в себя. Мне так сказали. Но я ничего не помню. Следователь спросил, кто вызвал «Скорую». У меня об этом очень смутные воспоминания. Помню, что ползла к телефону, но, может, это было в бреду? Когда следователь спросил о звонке в полицию, я поняла: это вовсе не бред. Я смогла добраться до телефона.

– Это тот телефон, что был в холле?

– Да. Совсем рядом с туалетом. Когда приехали полицейские, трубка валялась на полу.

– Но сам звонок в памяти не остался?

– Нет.

Этот звонок не давал мне покоя, понятно, что позвонить могла только Надежда, остальные к тому моменту уже скончались. Но что-то упорно смущало, а теперь выяснилось: девушка ничего не помнит. Вполне логично заключить: звонила она. Но логика иногда подводит.

– Ты знала, что в доме находится крупная сумма денег?

– Не знала... то есть я знала, что дед картину продал. Я слышала их разговор с мамой. Деньги в доме всегда были. Дед говорил: ничего нет надежнее наличных. – Она произнесла это с серьезным видом, имитируя интонацию деда, получилось очень смешно, хотя вряд ли она этого хотела.

У меня были еще вопросы, например, о Лотмане, о возможном любовнике матери, но я поняла, что задавать их сейчас не стоит. Тем более что есть люди, которые могут рассказать об этом вместо нее.

– Что ж, спасибо, – сказала я, поднимаясь и едва заметно кивнув

Вадиму.

– Вы будете его искать, да? – тихо спросила Надя.

– Кого?

– Убийцу. Будете?

– Вообще-то это дело полиции, – пожала я плечами. – Наше дело – ваша безопасность, – успокоила я ее, как могла. Она вздохнула с заметным облегчением, а я, сказав: – До свидания, – покинула палату.

По коридору навстречу мне шла медсестра, с которой мы разговаривали на посту.

– С лечащим врачом виделись? – спросила она.

– Нет. В палате его уже не было.

– Он сейчас в ординаторской. – И кивнула куда-то за мою спину.

Развернувшись и последовав в указанном направлении, я вскоре обнаружила ординаторскую, постучала и, услышав короткое «да», вошла в комнату. Три стола были пусты, за четвертым сидел мужчина лет тридцати пяти, пил чай из бокала с сердечками и одновременно что-то искал в компьютере. На меня взглянул с интересом.

– Я бы хотела поговорить с лечащим врачом Нади Мызиной, – поздоровавшись, сказала я.

– А вы кто? Родственница, подруга? – спросил он вполне доброжелательно и кивком указал на стул, предлагая сесть. Предложением я воспользовалась и ответила уклончиво:

– Родственников у нее не осталось... Как ее дела?

– В физическом отношении – хорошо, – пожал он плечами. – При других обстоятельствах я бы выписал ее еще неделю назад, но... подобные трагедии накладывают отпечаток. Ей, безусловно, понадобится помощь психолога, а еще любовь близких. Только она способна исцелить.

– Значит, она практически здорова?

– Пару дней мы ее здесь можем поддержать. А дальше... – Он пожал плечами. – У нее, кстати, есть где остановиться? Вряд ли ей следует возвращаться в дом, где все случилось.

– Мы что-нибудь придумаем, – кивнула я. – Можно вопрос? Насколько серьезным было ранение?

– Любое огнестрельное ранение – серьезно. Она потеряла много крови.

– Надя мало что помнит. Она могла позвонить в полицию после того, как в нее стреляли?

– Она могла прийти в себя, а потом вновь потерять сознание. Будь на ее месте мужчина, да еще тренированный, военный, к примеру, мог бы

сам себе оказать первую помощь, не только позвонить.

– То есть ранение не было смертельно опасным?

– Что-то я не пойму, – покачал он головой. – К чему вы клоните?

– Я думаю, следователь задавал вам подобный вопрос. Нет? – Я сделала паузу, но врач ничего не ответил, и мне пришлось продолжить: – Убийца хладнокровно расстреливает всю семью, вполне логично...

– Вот вы о чем... – кивнул врач. – Пуля попала в плечо, прошла навывлет, не задев жизненно важных органов. Но это могло быть везением. Это первое. И второе. Если бы «Скорая» не приехала вовремя, девушка просто бы истекла кровью.

– То есть он хотел ее убить?

– А у вас, что же, есть сомнения? Странные вопросы вы задаете, – усмехнулся он.

– На самом деле вопрос разумный. Если хотел убить, вдруг да и решится повторить попытку.

Я поднялась и поспешила удалиться, пока врач сам не начал задавать вопросы, на которые мне не захочется отвечать. От встречи с Надей осталось тягостное чувство. Я очень хорошо понимала, каково ей сейчас. Отчаяние, нежелание жить дальше в мире, где все, кого ты любишь, могут погибнуть в один миг. И вместе с тем возникло ощущение, что нечто важное ускользало от моего внимания.

Досадливо чертыхнувшись, я покинула больницу и достала мобильный. Следовало позвонить Бергману, рассказать о разговоре с Надеждой и узнать новости, если они есть. А также получить новое задание, коли таковое появится. Лично у меня особых идей не наблюдалось, надо было успокоиться и немного подумать после встречи с девушкой. Авось и замаячит на горизонте то самое, что пока словами не обозначишь: тревожащее и ускользящее.

Но вместо Бергмана я для начала позвонила Диме, что, в общем-то, неудивительно: он во всех смыслах куда симпатичнее, к тому же мне не терпелось обсудить с ним недавние события наедине. Дима ответил сразу.

– Привет, – голос звучал так, точно он только-только пробежал стометровку.

– Ты чем занят? – засмеялась я.

– Пытался догнать троллейбус.

– Я знаю о твоей нелюбви к личным автомобилям, но... о такси ты, вероятно, слышал.

– Обещаю им воспользоваться, если скажешь, где тебя найти.

– Я возле больницы «Скорой помощи».
– Какое впечатление о пострадавшей?
– Тягостное. Жалко девушку. Кстати, Вадим вызвал у нее большую симпатию.

– Тогда ей следует готовиться к испытаниям, – усмехнулся Дима. – Воин обожает интрижки, но вряд ли способен на высокие чувства. А ведь о них девочки обычно и мечтают.

– Обо всех не скажу, но я мечтаю однозначно.

– Тогда тебе повезло, что ты выбрала меня. Жди возле больницы, я сейчас подъеду.

Он отключился, а я отправилась в сквер прямо напротив центрального входа в больницу. Первые пятнадцать минут я рассматривала прохожих, потом начала поглядывать на часы. Еще через пятнадцать минут стало ясно: либо Димка находился на другом конце города (о чем мог бы и предупредить), либо на такси решил сэкономить и не спеша передвигается на общественном транспорте. Проще всего было позвонить и спросить, куда он запропастился. Однако было интересно, как скоро вспомнит обо мне сам Димка, появится или позвонит, скромно извинившись за задержку.

Ждать пришлось больше часа. За это время легкое раздражение сменилось недоумением, а потом и вовсе философскими размышлениями. Например, такими: любопытно, какое место я занимаю в списке его ценностей? С каждой минутой мой рейтинг опускался все ниже, пока я не начала сомневаться: а присутствую ли я там вообще? Когда ответ мною был дан, причем отрицательный, Соколов наконец объявился. Правда, только по телефону.

– Это я, – произнес он виновато.

– Привет, – отозвалась я. – Как раз подумала: где ты? Около больницы тебя нет, а ты вот где, в телефоне.

– Извини. Срочное дело. Ты все еще возле больницы?

– Сама толком не знаю, что здесь делаю.

– Я в кафе, возле Театра кукол. Кафе «Крендель».

– Дурацкое название.

– Согласен. Сможешь приехать?

– Наверное. Любопытно узнать, что тебя задержало.

Злости на Димку не было и в помине, но если причина, по которой он забыл про меня на час с лишним, того не стоила, я, вполне возможно, соглашусь с Бергманом, что с выбором возлюбленного поспешила, то есть выбор мог быть и получше. Себя я считала девушкой демократичной

и терпимой, а теперь вдруг выяснилось, что подобное Димкино поведение запросто может поставить крест на наших отношениях.

В общем, возле театра я появилась в довольно скверном настроении. Собиралась отправиться троллейбусом, но все-таки поехала на такси, однако не потому, что не хотела выглядеть мстительной, а из соображения удобства.

Димка сидел за столом и, против обыкновения, пялился не в ноутбук, а в окно. Я было решила, что высматривал он меня, но, судя по тому, что на мой приход он поначалу внимания не обратил, от этой мысли пришлось отказаться.

– Что интересного за окном? – спросила я, устраиваясь напротив.

– Ничего, – улыбнулся он. – Задумался. Прикидывал, какую байку следует тебе рассказать, потом вспомнил, что ты вранье чуешь за версту и шансы у меня нулевые...

– Можно попробовать рассказать правду, – пожала я плечами.

– Нет, – покачал он головой.

– Нет так нет, – кивнула я. – Не будем делать трагедию из того, что ты забыл про меня ненадолго.

– Все-таки обиделась? – вздохнул он.

– Ничего подобного. И давай закончим на этом.

– Твой кофе, наверное, остыл, – повеселел он. – Заказать еще что-нибудь?

– И этот сойдет.

Я придвинула чашку, которая предназначалась мне. Кофе действительно успел остыть. Интересно, давно здесь Соколов сидит? И что это у него за тайны? Впрочем, тайна может быть на удивление простой: встретив бывшую подружку, проболтал с ней, обо мне ни разу не вспомнив. Странно, но мысль эта даже подобие ревности не вызвала. Ворот его футболки был разорван, что усилило любопытство. В одежде мой возлюбленный небрежен и запросто мог облачиться в барахло, которому место в мусорной корзине. Но в доме Бергмана ворот футболки выглядел вполне пристойно. Значит, порвал он его уже позже. Физиономия никаких изменений не претерпела. Может, он выяснял отношения с бывшей пассией и она схватила его за ворот?

– Классная футболка, – сказала я.

– От Армани, – ответил Димка. – Честное слово. Сам подписал фломастером... – И улыбнулся. За эту мальчишескую улыбку ему, должно быть, прощалось многое. О чем он прекрасно знал. Но на сей раз она не подействовала. Именно это я и собиралась продемонстрировать,

но вовремя сказала себе: «Не будь занудой» – и засмеялась весело и задорно. Иногда притворяюсь я весьма ловко, и Димка в отличие от меня не чувствовал чужое вранье за версту. Хотя кто знает...

Он взял мою руку и поцеловал. И я сразу ощутила исходящее от него тепло и подумала с недоумением: «Он меня любит».

– Я тебя люблю, – сказал он, и я опять засмеялась, отметив, что он стал произносить эти слова непривычно часто.

«Главное, что он искренен», – напомнила я себе и почувствовала что-то сродни угрызениям совести, теперь уже за свои поступки, точнее, мысли, а вслух сказала:

– Ты меня любишь, но у тебя есть секреты.

– Не секреты, – покачал он головой. – Просто глупость, в которой стыдно признаться.

Это не было враньем, но и не было правдой. Глупостью свой секрет он точно не считал, а вот стыд имел место. Похоже, Димка пытается закрываться от меня, и это понятно, кому понравится, что его видят насквозь? Иногда мои способности воспринимались большим наказанием. Сейчас как раз такой случай.

– Меня куда больше интересуют другие тайны, – сказала я с усмешкой.

– Ты новое дело имеешь в виду?

– Я имею в виду вестника, как его назвал Бергман. Расскажи, что ты знаешь о Джокере?

Он криво улыбнулся и покачал головой.

– Если у тебя есть вопросы, задай их ему.

– Не уверена в правдивом ответе. Зная твои способности... тебе проще, чем мне или Воину, узнать всю его подноготную.

– Наверное, – пожал он плечами. – Но я не считал нужным этого делать. Джокеру это не понравится.

– И что будет?

– Что будет? – переспросил он с удивлением. – Ты не поняла. Я просто имел в виду, что ему, как любому нормальному человеку, не понравится возня за его спиной. Уверен, он ответит на все твои вопросы.

– Но сам их задавать ты не пробовал? Тогда откуда знаешь, как он поступит?

– Лена. – Он укоризненно покачал головой. – Почему ты так к нему относишься?

– Потому что у меня сколько угодно поводов думать, что он манипулирует вами.

– Называй это как хочешь... но... – Димка придвинулся ближе и,

понижив голос, продолжил: – Сначала он пугал меня до чертиков. Как в киношных страшилках, когда какой-нибудь тип выглядит в точности как человек, но при этом является кем-то совершенно иным.

– Среди нас бродят инопланетяне? – хмыкнула я, поразившись тому, как похожи наши ощущения.

– Нет, тут другое, – серьезно ответил Димка.

– Предупреждаю сразу: ни в какую чертовщину я не поверю, так же как в инопланетян, вампиров и оборотней.

– Вот с этим не спеши. Сначала нужно договориться о терминологии. Например, кого следует называть оборотнем? Или вампиром?

Самое нелепое, что он говорил серьезно, абсолютно серьезно. Тут же явилась малоприятная мысль, что моего возлюбленного с нетерпением ожидают в психушке и на воле он явно задержался. Но все мое раздражение сразу обратилось против Бергмана: как основательно он успел заморочить головы компаньонам!

– Может, стоит устроить ему проверку? – с той же серьезностью предложила я. – Против оборотней хороши серебряные пули.

– По-твоему, Воин бы до этого не додумался? – хмыкнул Димка. – Только не спрашивай у него, что из этого вышло. Он очень не любит об этом вспоминать.

Тут, признаться, я решила, что и по мне психушка плачет.

– Вадим стрелял в Бергмана серебряными пулями? – в легком обалдении спросила я.

– Надеюсь, что нет. Говорю тебе, он не любит об этом рассказывать. Главное, чтобы ты поняла: не надо устраивать Бергману проверок. И еще: ему можно доверять. Можно и нужно. Джокер не из тех, кто ударит в спину. У нас было сколько угодно возможностей убедиться в этом. В любом случае копаться в биографии Джокера – пустая трата времени.

– Он позаботился о том, чтобы там все было чисто? – усмехнулась я.

– Конечно, – с готовностью согласился Димка. – Ты же знаешь, кое-кто из ментов не очень нас жалует, считая, что мы лезем не в свое дело. Причем, скажу без ложной скромности, всегда успешно и очень прибыльно. Думаешь, у них не возникло желания проверить, что он за тип?

Это был серьезный довод. Я вздохнула и уставилась в чашку. Если менты ничего не нашли, вряд ли повезет мне, однако желание покопаться в биографии Бергмана меньше не стало. Выходит, движет мною банальное любопытство. Димка откинулся на спинку стула, своей ладонью накрыв мою ладонь, и улыбнулся слегка виновато.

– Лотман подарил внучке машину в день ее рождения, – резко меняя

тему, сказала я. – Возможно, никакой крупной суммы в доме не было.

– Машину он купил еще за месяц до этого, – покачал головой Димка, не скрывая своей радости от того, что тему Бергмана мы оставили. – По безналичному расчету. До дня рождения она оставалась в салоне, старик хотел сделать сюрприз.

– Ты этим сейчас занимался?

– И этим тоже. Всегда полезно проверить сведения. – Тут Димка взглянул на часы, и на его физиономии появилась виноватая улыбка. – Мне надо бежать. Увидимся вечером?

– Если получится.

Он позвал официантку, расплатился, поцеловал меня с большим чувством и растворился в толпе за окном.

– Отлично, – проворчала я, сама толком не зная, к чему это относится. Наверное, я отстала от жизни. Мне хочется, чтобы мой мужчина был рядом, интересовался, чем занимаюсь я, и временами рассказывал, чем занят он. Говорят, есть такие пары, а еще говорят, что иногда мужчины и женщины живут вместе и у них бывают дети. – Но это явно не наш случай, – фыркнула я и, покинув кафе, направилась к дому Бергмана. Пешком отсюда полчаса, не больше, разомну ноги и заодно подумаю.

Возле калитки я едва не столкнулась с мужчиной, лицо которого показалось смутно знакомым. На клиента не похож, а гостей в доме Максимильяна встречать не доводилось. Пока я напрягала свою память, мужчина, успев отойти на десяток метров, повернулся и, сурово глядя на меня, спросил:

– Вы Елена Кузнецова?

– Угадали, – кивнула я. – А вы кто?

– Производите впечатление приличной девушки... Деньги в голову ударили?

– Заметны последствия? – разозлилась я, успев вспомнить, кто передо мной.

– Конечно, если успешно влились в коллектив.

– Вы ему просто завидуете, – не осталась я в долгу.

– Вашему Бергману? Вот еще. Не удивлюсь, если карьеру он закончит в учреждении закрытого типа. Очень закрытого.

– От сумы и от тюрьмы... – пожала я плечами и наконец-то вошла в калитку, а следовательно, чью фамилию я так и не вспомнила, заспешил к машине, что была припаркована неподалеку.

Теперь я уже жалела об этой дурацкой стычке. Во-первых, вступать в конфликт с представителями закона ни к чему, во-вторых и в-главных,

мне бы не помешал союзник, особенно такой.

В холле Лионелла мыла пол с таким видом, точно выполняла священный ритуал.

– Нас посетил слуга закона? – все еще пытаюсь вспомнить фамилию мента, задала я ей вопрос.

– Шляются тут всякие, – буркнула она, вполне возможно и меня причисляя к этим «всяким».

– А хозяин где?

– У себя в кабинете.

Бергман сидел на стуле, положив руки на книгу. Вряд ли читал. Смотрел в окно? Кстати, запросто мог видеть сцену у калитки или просто догадаться о нашей встрече. Учитывая временной промежуток, мы со следователем просто обязаны были столкнуться. Не похоже, что его это волнует.

Услышав, как скрипнула дверь (двери в доме всегда скрипели, в этом я видела хитрость: хозяева хотели знать о передвижении гостей), так вот, услышав скрип, Бергман повернулся. Я беззастенчиво его рассматривала, привалившись к стене. В наклоне его головы и твердом взгляде ощущались жесткость и властность, но на губах блуждала улыбка, казалось, он посмеивается над самим собой. Приходилось признать: это противоречие лишь прибавляло ему привлекательности.

– Будешь обедать? – спросил он, а я ответила:

– Нет, спасибо. – И задала свой вопрос: – Чего от тебя хотел мент?

– Ты о Кудрине? Его интересует труп под моими окнами.

– Он считает, убийство этого парня имеет к тебе отношение?

– Боюсь, я не смог его переубедить. Иногда он упрям точно осел.

– Я его понимаю, – заметила я с усмешкой. – Ты, безусловно, что-то знаешь. Но молчишь, и это ужасно раздражает.

– Тебя, как я понимаю, тоже? Не трать на это время, и уж тем более ни к чему тратить время остальных. Сейчас у всех будет много работы.

– Неужто успели донести? – зло усмехнулась я, не очень-то приятно зная, что и Вадим, и Димка сразу после разговора со мной позвонили Джокеру.

– Нет, – покачал он головой. – Не тот тип людей... к тому же оба питают к тебе слабость.

– А-а, – кивнула я. – Яблочко по блюдечку покатал? И сам все увидел?

Улыбка исчезла с его лица, и спросил он исключительно серьезно:

– Ты чувствуешь во мне врага? – Слово «чувствуешь» он выделил и с заметным напряжением ждал ответа. Я молчала, и он, нахмурившись,

продолжил: – Будь внимательна, пожалуйста. Это очень важно для всех нас. Не хочу, чтобы ты ошиблась.

Он не сказал «опять», и за это я была ему благодарна.

– Так чувствуешь или нет?

– Ты меня бесишь, – вздохнула я. – А эти двое с их дурацкими рассказами о тебе бесят еще больше. Прибавь к этому любопытство. Я не думаю, что ты враг, то есть я ни в чем не уверена. Я просто хотела бы убедиться, что ты нормальный парень, с несколько своеобразным чувством юмора и забавным хобби морочить людям головы.

– Отсутствие определенности раздражает, – кивнул он. Непонятно было, что сейчас он имел в виду, мои чувства или свои собственные. – Наберемся терпения, дорогая. Я просто прошу быть внимательной к себе.

«Ничего личного, – мрачно подумала я. – Мне плевать, как ты ко мне относишься, лишь бы это шло на пользу делу. Вот только что это за дело такое?»

Бергман поднялся, прошелся по комнате, вроде бы о чем-то размышляя. Остановился за моей спиной. Я не видела его, но ощущала его присутствие почти физически, точно он касался меня руками.

– Будь добр, вернись на прежнее место, – попросила я.

– Предпочитаешь держать собеседника в поле зрения? – спросил он, но в кресло вернулся.

– Боюсь, что шваркнешь по башке чем-нибудь тяжелым.

– Странные фантазии. Расскажи мне о девушке. Какое она производит впечатление?

– Симпатичная. И очень несчастна. Буквально раздавлена происшедшим.

– У тебя не возникло мысли, что она что-то скрывает?

– Нет. Хотя... Она в отчаянии, это совершенно точно. Все остальные чувства меркнут перед ним, извини за цветистый слог. Ей не хочется жить.

– Надеюсь, это пройдет. Юные девушки легко разочаровываются в жизни и так же легко возвращаются к мечтам о счастье. Стоит лишь появиться симпатичному парню...

– Они с Вадимом, по-моему, нашли общий язык...

– Прекрасно, значит, и с душевным состоянием все не так плохо. Что тебя смущает? – вдруг спросил он.

– Сама толком не знаю, – честно ответила я. – Ты не думал о том, что убийц может быть двое?

– Девушка видела лишь одного мужчину, на присутствие другого человека вроде бы ничто не указывает.

– И это странно. В доме четверо взрослых. Он начинает стрелять, когда Надя в туалете. А если бы у нее с собой оказался мобильный? И она успела бы вызвать полицию? Или, пока он занят расстрелом, попросту сбежала?

– В одном ты права, – кивнул Бергман. – Это не профессиональный киллер. Профи дождался бы, когда все соберутся вместе, или, напротив, перебил бы всех в тишине и поодиночке. Выходит, это новичок. Или кто-то из близких?

– Всех, кто имел отношение к семье, наверняка тщательно проверили.

– Не сомневаюсь. Однако это не мешает проверить все еще раз. Я звонил любовнице Лотмана, она готова с нами встретиться. Присмотрись к ней повнимательнее. Совсем забыл, – взглянув на часы, добавил он. – Тебе ведь надо пообедать.

– Перебьюсь, – ответила я, и через несколько минут мы уже садились в машину Бергмана, успев получить нагоняй от Лионеллы. Если в ее стряпне не нуждаются, может, ей стоит забыть дорогу на кухню?

– Она давно у тебя работает? – не преминула я задать вопрос уже в машине.

– Мне кажется, всю жизнь.

Черновцова Галина Андреевна назначила нам встречу в музее, где работала. Музей современного искусства находился в старом здании в самом центре города, бывшей пожарке. С тех времен остались каланча и странное сооружение по соседству, что-то вроде вышки для прыжков с парашютом. Зданию долго не могли найти применение, а снести не рискнули, как-никак памятник городской архитектуры девятнадцатого века, хоть и не единожды перестроенный. В конце концов здесь разместили музей. Гаражные ворота заменили на французские окна, каланча по вечерам теперь сияла огнями и больше напоминала маяк, а странное сооружение украсила не менее странная фигура то ли космонавта, то ли пожарного в спецкостюме, который завис на уровне второго этажа.

Современным искусством я не особо интересовалась и в музей до этого дня не заглядывала. В холле, пустом и гулком, из мебели лишь конторка, за ней дверь, из которой незамедлительно появилась девушка лет двадцати. Посмотрела на нас так, точно не могла взять в толк, за каким лешим нас принесло, и спросила:

– Вы на экскурсию?

– Мы к Галине Андреевне, – ответил Бергман.

– А-а, – протянула девушка с заметным облегчением. – Тогда вам

на второй этаж, там направо.

Театр, как известно, начинается с вешалки, а этот музей – с лестницы. Вместо балясин существа с острыми ушами в самых немыслимых позах. Рожи у всех были злобные, и от перил я старалась держаться подальше. Бергман это заметил и улыбнулся. Хорошо хоть ума хватило промолчать.

Кабинет Галины оказался за ближайшей дверью. Бергман постучал и, получив разрешение, распахнул дверь, пропуская меня вперед. Галина Андреевна стояла посреди кабинета, скрестив на груди руки, и разглядывала что-то на холсте, прислоненном к стене. Говорю «что-то», потому что, по моему мнению, любоваться там было нечем: беспорядочные мазки и полосы, которые мог нарисовать любой, и не обязательно даже человек. Я вспомнила шутку одного из противников импрессионизма, который выставил картину, написанную, по его утверждению, ослом. Тот якобы окунал хвост в ведерки с краской, а потом ее разбрызгивал, весело помахивая хвостом. История всегда мне казалась сомнительной, но теперь, еще раз взглянув на холст, я готова была в нее поверить.

– Что скажете? – кивнув на картину, спросила Галина, не поздоровавшись и даже не поинтересовавшись, кто мы такие.

– Энергично, – ответил Бергман, с минуту пялясь на полотно. – Похоже на глубокое отчаяние.

– Да? – вроде бы заинтересовалась Галина. – Автор назвал картину «Коитус».

– После полового акта люди часто испытывают вселенскую печаль, – продолжил Максимилиан. – Так что я был недалек от истины.

Галина засмеялась коротко и резко, разглядывая его с большим интересом. Однако и мне внимание уделила.

– А вы что скажете?

– Лучше не спрашивайте, я даже толком не знаю, что такое коитус.

– Серьезно? Попросите вашего спутника вам объяснить. Вы – Бергман? – протягивая ему руку, спросила Галина. – Признаться, я иначе представляла частного сыщика.

– Жаль, что я обманул ваши ожидания, – усмехнулся Максимилиан.

– Шутите? Это самый приятный сюрприз за последние несколько дней. Присаживайтесь.

Галина прошла к столу и села в кресло так, что мы хорошо видели ее ноги, закинутые одна на другую. На ней была узкая юбка с разрезами по бокам и белая блузка с низким вырезом. Наряд вроде бы консервативный и вместе с тем откровенно сексуальный. Галина оказалась старше, чем я думала, лет сорока, с красивым лицом, изнуренным диетами

и бесконечными косметическими процедурами.

– Курите? – Она взяла сигарету, закурила и придвинула пепельницу ближе к Бергману. Но, поняв, что предложением он не воспользуется, вернула ее на прежнее место. – Значит, Аллилуев нанял частного сыщика, – произнесла она с насмешкой. – Я всегда считала его идиотом. Деньги на ветер. Я вовсе не хочу вас обидеть, но вряд ли вам удастся то, что не смогла полиция.

– У нас отличные рекомендации, – насмешливо заметил Бергман. – Надеюсь, вы не откажетесь нам помочь?

– Не откажусь. Копайте на здоровье, мне скрывать нечего. Уверена, вы успели внести меня в список подозреваемых. О криминальном прошлом моего брата вам уже сообщили? – Она вновь резко хохотнула. – Кстати, моего дурака-брата поймали на взятке. Он был помощником мэра, недолго. Таких, как он, к деньгам подпускать нельзя. Теперь я навещаю его раз в два месяца. Ума у него не прибавилось, строит грандиозные планы, но с ними придется подождать еще пару лет. Если вы решите, что он способен найти киллера, я вас разочарую: мой брат бездарно завалит любое дело. Мне бы в голову не пришло к нему обратиться, это во-первых. Во-вторых, мне бы не пришло в голову нанимать киллера. Даже если бы я здорово разозлилась. Близкое знакомство с нашей пенитенциарной системой не способствует желанию рисковать. И самое главное, инициатором разрыва с Лотманом была я, и у меня нет ни малейшей причины на него злиться.

– Я слышал другую версию, – спокойно возразил Бергман.

– От кого слышали? От Аллилуева? Что может знать этот идиот?

– Значит, вы расстались по вашей инициативе? А причина?

– Банальная. Встретила мужчину. Молодого. Красивого, – затушив окурок в пепельнице, сказала Галина. – У которого нет проблем с потенцией. Лотман страшно разозлился. Устроил скандал. Грозил забрать картины... много всего успел наговорить. Но впечатления не произвел. Он был ужасный жмот, и лично я от большой любви с ним ничего не имела. Картины он подарил музею, и если он хотел их забрать... да ради бога... В худшем случае – лишусь работы, но и это не страшно. Мой мужчина готов меня содержать.

– Искренне за вас рад, – ввернул Бергман. – И все-таки долгое время вы были близки с Натаном Давыдовичем и как никто осведомлены о его делах, а также взаимоотношениях в семье. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

– Послушайте, – нервно произнесла Галина. – Я не имею к убийству

никакого отношения. И не меньше вашего хочу, чтобы убийца оказался в тюрьме. Справедливость восторжествует, а меня избавят от дурацких подозрений. Именно поэтому я согласилась ответить на ваши вопросы. От полиции мало толку, они до сих пор топчутся на месте. Может, вам повезет больше. Но, ради бога, прекратите со мной разговаривать так, точно я – главная злодейка.

– У меня ничего подобного и в мыслях не было, – с намеком на удивление ответил Бергман.

– Хочется верить, – помедлив, буркнула Галина и заговорила совсем другим тоном. – Сожалеть о нашем разрыве мне в голову не пришло. Если кто и был в выигрыше от нашей связи, так это Натан. Он безбожно меня эксплуатировал. Я помогала в организации выставок, находила покупателей на его картины, искала заказчиков, организовывала интервью. И все это совершенно бесплатно, не считая скромненьких подарков ко дню рождения и Восьмому марта. Заполучив меня в работники, он здорово сэкономил. Я профессионал, меня отлично знают в художественных кругах и охотно воспользовались бы моими услугами за очень неплохие деньги. А Натан тратился только на ресторан. Да и то умудрился пару раз забыть карточки, и платить пришлось мне. Как вам такое?

– И что заставляло вас терпеть все это?

– Любовь, конечно, – фыркнула она. – Или собственная глупость. Называйте как хотите. Он ведь гений, а женщины падки на гениев. Рядом с каждым великим человеком есть великая женщина. В общем, навывдумывала себе всякой ерунды, сдувала с него пылинки, терпела его капризы. Аборт сделала, потому что гению ребенок был ни к чему. А для меня это был последний шанс. Но он сказал «нет», и я, как овца, отправилась на заклятие. Восемь лет я была секретарем, нянькой, импресарио – кем угодно. А потом у меня точно глаза открылись. В тот раз я нашла покупателей на его картину, он получил весьма хорошие деньги, наличными, он всегда предпочитал наличные. Мы выпили по этому случаю, я собралась остаться у Натана, но он сказал, что устал и хочет побыть один. За руль я сесть не рискнула, он вызвал мне такси. Тут выяснилось, что наличности в кошельке у меня нет, и я попросила денег у Лотмана. Сущие копейки по сравнению с тем, что он получил. И знаете, что он ответил: снимешь по дороге в банкомате. В такси я рыдала до самого дома. Меня бесстыдно эксплуатировали, вот что я поняла тогда. Впрочем, он этого даже не скрывал. На следующий день я позвонила ему и предупредила, что впредь за свои услуги хочу законный процент. Он только посмеялся. А я перестала заниматься его делами. Учитывая,

что весь его штат состоял из меня и дочери, он очень скоро почувствовал перемены. Интервью никто не просил, в почетные гости не звал, а, главное, юбилейной выставкой, о которой он так мечтал, пришлось заниматься самому. Он устроил мне грандиозный скандал. Обозвал алчной дрянью, проституткой и прилипалой. Очень мило, правда? А я указала ему на дверь. В отместку он, где только можно, болтал о том, что я требовала от него, чтоб он на мне женился. Совершеннейшая ложь. Я из тех дур, которые готовы довольствоваться малым. И бросила я его потому, что он пожалел мне денег на такси.

– После той ссоры вы продолжали общаться?

– Пришлось. Он взял на работу какую-то девицу, но через неделю ее уволил. Ему хотелось, чтобы она делала то же, что и я, подозреваю, и в постели. Но это дело не мое. Он так и не понял, чтобы вырастить помощника моего уровня, нужны годы. И переложил все заботы на дочь. Уверена, опять из жадности: дочери можно не платить. Ну и Ядвигу подключил, свою малахольную сестрицу. Суперкоманда. Юбилейную выставку едва не сорвали, он прибежал ко мне. Я включилась в работу, но можете поверить, ободрала его как липку. Он рыдал, когда со мной расплачивался. И предложил мне выйти за него замуж. Не от любви, сами понимаете, а в целях экономии. Вполне вероятно, что предложение я бы приняла. Но, на счастье, в моей жизни появился другой мужчина.

– И вы Лотману отказали? – спросила я.

– Честно? – повернулась ко мне Галина. – Сказала, что подумаю. Жизнь кое-чему научила: бог знает, как все обернется. Обернулось скверно, как вам известно.

– Лотман незадолго до гибели продал картину. Вы участвовали в сделке?

– Нет. У него был друг, Лев Шацкий. Я его терпеть не могу, есть такие людишки, что трутся возле талантов, по сути, обычные спекулянты. У Натана была неплохая коллекция картин, он постоянно что-то продавал, покупал, и Шацкий был его правой рукой в этом деле. Меня он к этим сделкам близко не подпускал.

– Почему?

– Ну, во-первых, я не хотела. Меня интересует современное искусство, а в его коллекции самая поздняя картина – русский авангард. В основном он коллекционировал живопись девятнадцатого века. Очень солидная коллекция, но лично я считаю подобную живопись совершенно неинтересной. Просто красивые картинки. Должна быть идея, понимаете?

Тут я перевела взгляд на картину и задумалась: где тут эта самая идея?

Наверное, запрятана очень тщательно, потому что я, хоть убей, ничего, кроме брыз краски, не вижу.

– А во-вторых? – спросил Бергман после того, как Галина, вновь закулив, затянулась несколько раз, вертя левой рукой пепельницу.

– Что?

– Это во-первых, а во-вторых?

– Его обычная жадность. Небось боялся, я узнаю, сколько получает Шацкий за посредничество, и тоже захочу такой же процент. – Галина вдруг бросила сигарету в пепельницу, закрыла лицо руками и заплакала навзрыд. – Это ужасно, – пробормотала она. – Я все еще на него злюсь. Только когда он погиб, я поняла, как его любила. Мне его не хватает. А я все еще злюсь из-за этих проклятых денег. – Ей понадобилось минут десять, чтобы успокоиться. – Извините, – резко сказала она, поднимаясь из-за стола, и покинула комнату, а когда вернулась, никаких следов недавних слез на лице уже не было. Галина вновь опустила за свой стол и хмуро посмотрела на Бергмана.

– Основная версия следствия – ограбление, – заговорил Максимильтян. – В доме была крупная сумма, за ней грабители и пришли.

– Грабители? – переспросила Галина. – Вроде бы он был один?

– Возможно. Куда важнее понять, кто знал об этих деньгах?

– По опыту могу сказать – очень многие. Я узнала, потому что мне об этом сказал сам Лотман. Позвонил и спросил, свободен ли Миша, это наш работник. Картину надо было упаковать и доставить Шацкому.

– А Шацкий этого сделать не мог?

– Конечно, мог. Но Натан предпочитал Мишу. Все картины, из коллекции или его собственные, упаковывал и перевозил обычно Миша.

– А тот мог рассказать об этом?

– Утверждает, что не рассказывал. Его допрашивали в полиции. После звонка Натана я спустилась к нему в мастерскую, сказала, что его услуги понадобятся. Наш разговор могли услышать сотрудники и рассказать еще кому-то... Натан звонил мне из ресторана. Там рядом тоже были люди. Плюс домашние, их знакомые и так далее. То есть на самом деле о продаже картины могло знать множество людей. Всем им, скорее всего, не было до этого никакого дела...

– Но среди них был тот, кому информация показалась очень интересной, – кивнул Максимильтян.

– Вот именно.

– Хорошо. Но этот кто-то не мог знать, что расплатятся с Лотманом наличными и они будут в доме.

Галина пожала плечами, а Бергман спросил:

– О его страсти к наличным многие знали?

– Все, кто хоть раз покупал его картины. Прибавьте к ним тех, кому они об этом рассказали.

– Да, круг подозреваемых стремится к бесконечности. Вернемся к Шацкому. Говорят, Натан Давыдович завещал ему свои работы.

– Чушь, – фыркнула Галина. – Это вам кто сказал? Аллилуев? Его наивность умиляет. Чтобы Натан кому-то что-то отдал бесплатно? И обещать такое мог разве что в издевку. В любом случае о завещании трубили бы на всех углах. Но никакого завещания нет. Натан не собирался умирать. И точно ничего не хотел оставлять Шацкому.

Бергман кивнул, вроде бы соглашаясь.

– Лотман был осторожным человеком?

– Болтать о деньгах точно бы не стал.

– А оставить, к примеру, открытой дверь в своем доме? Следов взлома не обнаружено.

– Не знаю, – подумав, ответила Галина. – Я там бывала редко. Дом ставили на сигнализацию, ну и тревожная кнопка была, конечно. Я советовала установить видеонаблюдение, но Натан не хотел присутствия посторонних в доме. На самом-то деле, по обыкновению, жмотничал.

– А где хранилась коллекция?

– Картины развешаны по всему дому. Самые ценные из тех, что не его, висели в библиотеке, смежной с ней комнате и кабинете. Его собственные картины в студии и в большом зале рядом. Картин Натана в доме не так уж и много. Те, что он предпочел оставить себе, почти всегда участвуют в каких-то выставках. Он был во многом человеком старых взглядов, из тех времен, когда о видеонаблюдении и прочем знать не знали. Решетки на окнах, железная дверь – вот и вся охрана. Кстати, бог миловал, никто никогда на его собственность не посягал. В те времена, когда он был моложе и еще жил в квартире, все стены от пола до потолка были завешаны картинами. А замок на двери открывался дамской шпилькой. Но воры его квартиру обходили стороной.

Тут я вновь взглянула на картину и подумала: нормальному вору в голову не придет, что такая мазня денег стоит. И попыталась вспомнить какую-нибудь картину Лотмана, но не преуспела, хотя видела их не раз, художник он действительно известный. Надо сегодня же посмотреть...

– А что вы скажете о его близких? – спросил Бергман, меняя позу, теперь руки он сложил на груди и с интересом рассматривал что-то у себя под ногами. Я на всякий случай тоже посмотрела: ничего.

– Сестра, дочь, внучка, – пожала плечами Галина. – Бабье царство, как он их называл. Все его до смерти боялись.

– Боялись?

– Характер у него взрывной, мог наорать. Ударить, кстати, тоже мог. Мне один раз влепил пощечину. Я попросила больше этого не делать, если не хочет получить сковородкой по башке. А эти инфузории вряд ли способны на отпор. Прости, Господи, – торопливо добавила она. – О покойниках плохо не говорят.

– Давайте все-таки поговорим, – усмехнулся Максимильян. – Начнем с сестры.

– Ядвига мне всегда казалась чокнутой. В брате души не чаяла. Обожала племянницу и ее дочь. Абсолютно неприспособленная. После смерти жены Натана о его дочери она заботилась и вырастила свое подобие. Дочка отца боялась до судорог. Доставалось ей от него частенько, особенно когда она стала у него работать. Материально все зависели от него. А он, прежде чем денег дать на любую мелочь, полчаса втолковывал им, какие они ничтожества.

– То есть особого повода любить его у них не было.

– Вот уж не знаю, был или не был. Но по собственному опыту могу сказать, любят не за, а вопреки. Ядвига без брата жизни не мыслила. Она до того дура, что просто не знала, что с этой жизнью делать. Вера... может, и хотела бы уйти от отца, но характера не хватало. Привыкла во всем ему подчиняться.

– А ее замужество?

– Единственный акт неповиновения, – засмеялась Галина, – закончился бесславно. Прибежала к отцу в ночнушке и тапочках. Пьяный супруг надавал затрещин, и это при том что она была на последнем месяце беременности. Муж поутру ее забрал, она, конечно, простила. Так и мыкалась туда-сюда, пока Гаврила от передозировки не скончался. Внучку Натан у них отобрал, она жила у него с нянькой вместо матери. Вера возражать не стала, а муженьку было все равно. Вряд ли он вообще заметил отсутствие дочери.

– Лотман внучку любил?

– Конечно. Из трех баб эта самая толковая и не без характера. Мать с теткой ни во что не ставила, и правильно. Дедом в меру сил вертела, он был готов на все, если это стоило недорого.

– А машина?

– Подарок на восемнадцатилетие? Вы эту машину видели? Сомневаюсь, что о ней девчонка мечтала.

– Молодые люди у Надежды были?

– Понятия не имею. Но вряд ли бы она пригласила их в дом. Натану бы никто не понравился. Если только арабский шейх, но и в нем он бы усмотрел одни недостатки. У него была жуткая боязнь, что Надя отправится по стопам матери, то есть выскочит замуж за какое-нибудь отребье. Он твердил об этом девчонке с утра до вечера и разглядывал всех друзей-подруг под микроскопом. Кто такое выдержит?

Бергман задавал вопросы еще минут десять, после чего, вежливо поблагодарив хозяйку, поднялся.

– Извините за беспокойство, – уже возле двери сказал он.

– Беспокойте в любое время, – усмехнулась Галина. – И ради бога, найдите того, кто это сделал.

– А вы сами что думаете по этому поводу? – спросил Максимильтян, стоя к Галине боком и разглядывая картину.

– Я? – вроде бы удивилась женщина.

– Ну да. Вы ведь наверняка задавались вопросом: кто мог совершить убийство? Точнее, три убийства?

– Не знаю, – ответила она с большой поспешностью. – Недоброжелателей у него было много. Но убийство... наверное, все дело в этих деньгах... Грабитель-отморозок...

Бергман кивнул, словно соглашаясь, и мы покинули кабинет. Не дожидаясь привычного вопроса «что скажешь?», я заметила, как только мы вышли из музея:

– Мне показалось, она говорит искренне...

– Кроме разве что последнего вопроса, – усмехнулся он, и я согласилась:

– Да, кроме разве что последнего. Подозрения у нее есть, но она не захотела ими делиться.

– Или не рискнула.

– Или так, – кивнула я.

Мы сели в машину, но уехали недалеко. Развернувшись на светофоре, Бергман припарковал «Ягуар» возле небольшого сквера. Отсюда музей был хорошо виден.

– Надеешься, что Галина бросится сломя голову к своему возможному сообщнику? – съязвила я.

– Женщины всегда наступают на одни и те же грабли. Даже самые умные.

– Что ей мешает позвонить?

– Вот уж не знаю. Но в девяти случаях из десяти женщина

срывается...

Договорить он не успел: из дверей музея показалась Галина, быстрым шагом прошла на парковку и села в белый двухдверный «Мерседес». На светофоре она свернула, и мы спешно отправились за ней. Я – с легкой досадой. «Могла и потерпеть пару часов», – думала я, стараясь не терять «Мерседес» из виду.

Наша слежка продолжалась недолго. Уже через семь минут Галина тормозила возле двухэтажного здания с табличкой возле единственной двери «Галерея Шацкого». Ниже еще что-то написано, должно быть, часы работы, но отсюда не разобрать.

– Вполне естественное желание рассказать о нашем разговоре, – скорее из вредности заметила я.

– Тогда торопиться не стоило. Может, у нее возникли вопросы? Или появилось беспокойство?

– С какой стати? Ничего такого в нашем разговоре не было, на те же вопросы она уже отвечала следователю.

Галина между тем, бросив машину у тротуара, подошла к двери и нажала кнопку звонка. Дверь открылась, и дамочка исчезла из поля зрения.

– Что же ее насторожило? – пробормотал Максимильян, вроде бы просто подумав вслух. – Ясно, что подобная публика не любит привлекать внимание сыщиков...

– Чего им бояться, если они просто продавали или покупали картины. Занижали цену, чтоб налог не платить?

– И это тоже. Явится следователь по одному делу, и в тюрьме окажешься по другому, – засмеялся Максимильян.

Место для парковки мы нашли с трудом и довольно далеко от галереи. Прошло минут двадцать, Галина не появлялась.

– Разговор затянулся, – взглянув на часы, Бергман заглушил машину и повернулся ко мне: – Что ж, давай и мы нанесем визит.

– Галина поймет, что мы за ней следили.

– Наведаться сюда после беседы с ней тоже вполне естественно. Идем. Вдруг пропустим что-нибудь интересное.

Не знаю, на что он надеялся, запертая дверь галереи препятствовала внезапному вторжению. Теперь пришлось мне давить на кнопку звонка. Дверь открыли, не поинтересовавшись, кто мы и зачем пожаловали, что, признаться, удивило. Нас встретила молодая девушка в платье с пышной юбкой, наряд завершал кокетливый бант в волосах. Девушка приветливо улыбнулась.

– Могу вам чем-то помочь?

– Мы бы хотели встретиться с господином Шацким, желательно прямо сейчас, – ответил Максимильян, протягивая ей визитку.

Визитка была выдержана в благородно-золотистых тонах и, кроме фамилии, имени и номера мобильного, ничего не содержала, так что девушке оставалось лишь гадать, кто перед ней. Само собой, Бергман успел произвести впечатление. Она окинула его еще одним оценивающим взглядом. Дорогие тряпки и часы без внимания, уверена, не остались, а личные достоинства Джокера вообще выше всяких похвал.

– Прошу минуточку подождать. Может быть, пока вы заглянете в наши залы? – Она указала рукой на арочный проход, а сама поспешно скрылась за стеклянной дверью.

– За мной, – скомандовал Бергман и воспользовался той же дверью, которая, как оказалась, вела в небольшой коридор. Слева туалет, чуть дальше кабинет хозяина, оттуда доносился голос Галины:

– Этот тип куда хуже ищеек в погонах.

– Любопытно, – мурлыкнул Максимильян и дверь распахнул.

Девушка стояла с его визиткой в руках и от нашего внезапного появления вздрогнула. Галина сидела в кресле возле окна с бокалом белого вина, наверное, нервы успокаивала, хотя, кто знает, что у них здесь за порядки.

Сам Шацкий, мужчина лет шестидесяти, маленький, кругленький и совершенно лысый, метался от одной стены к другой. Увидев нас, замер, как по команде, смешно хлопая глазами.

– Лев Валерьянович? – заговорил Максимильян. – Моя фамилия Бергман, думаю, мне не стоит объяснять, кто я и по какому делу.

Губы Шацкого растянулись в совершенно неестественной улыбке, как будто кто-то растягивал его рот руками, взгляд при этом оставался испуганным, он продолжал хлопать глазами, и я заподозрила нервный тик. Но неожиданно все прекратилось.

– Иди отсюда, – рявкнул он на девушку, та вновь вздрогнула и бросилась из комнаты. – Садитесь, – вздохнул он, на сей раз обращаясь к нам. – Хотя я совершенно не понимаю...

– Приятно увидеть вас снова, – заявил Бергман Галине, невежливо перебивая хозяина кабинета. В голосе ни намек на иронию или, боже упаси, издевку, тихая, неподдельная радость. Галина растерянно кивнула, не зная, как на это реагировать.

– Послушайте, – начал Шацкий, сев в кресло, но тут же вскочил и метнулся к окну. – Мы все потрясены чудовищным злодеянием и...

– Готовы на все, чтобы преступники понесли заслуженную кару, – продолжил Бергман.

– Ну... в общем, да. Однако вы должны понять... я устал от постоянных вопросов, в конце концов, все это вредит бизнесу.

На Шацком была белая рубашка, которая едва сошлась на его объемном брюшке, и бордовые брюки из вельвета. Он сунул руки в карманы, поднял плечи и смотрел на нас исподлобья. Выглядело это комично. Гневливость мало соответствовала его облику, впрочем, как и имя.

– Мы не собираемся отнимать у вас много времени, – с легкой усмешкой произнес Бергман, Лев Валерьянович в досаде покачал головой.

– Мне совершенно нечего вам сказать. Да, мой покойный друг продал картину, получив за нее наличными. Покупатель – солидный коллекционер из Самары. В полиции с ним беседовали. Подобные сделки стараются не афишировать, но знать о ней могло довольно много людей. Я выступил посредником. Картину доставили мне, отсюда ее забрал покупатель.

– И расплатился наличными?

– Нет. Перевел деньги на мой счет. А я выплатил Натану наличными за минусом суммы, которая причиталась мне. Мы совершали подобные сделки довольно часто, три-четыре раза в год. Иногда он что-то покупал, чаще продавал. О его коллекции знали, и, если он собирался что-то продавать, это всегда вызывало интерес.

– То есть вы оповещали об этом всех заинтересованных лиц.

– Раньше именно так и было. Но в последние годы... в общем, у меня сложился определенный круг клиентов, которые были готовы купить все, что решит продать Натан из своей коллекции. И я договаривался с этими людьми напрямую. Это стоило клиенту чуть дороже, зато он мог быть уверен, что нужная картина непременно окажется у него. А Натан был избавлен от необходимости ждать. Стоило ему принять решение, и покупатель уже возникал на его пороге... в переносном смысле, конечно.

– И что вы помогли продать в этот раз?

Шацкий, быстро взглянув на Галину, неохотно ответил:

– «Сельский пейзаж» Киселева, если это вам о чем-то говорит. Не из самых именитых, но, по-моему, достойный художник и пользуется спросом.

– Вы были с покойными большими друзьями... – начал Бергман, Шацкий, заподозрив подвох, нахмурился, но согласно кивнул. – Эта страсть к наличным... она относилась не только к сделкам? Свои сбережения он где предпочитал хранить?

– Вот уж не знаю, – фыркнул Лев Валерьянович. – Мне бы в голову не пришло расспрашивать, а Натану мне об этом рассказывать. Может, он деньги в саду закапывал... – Тут он досадливо поморщился и замолчал.

– Про сад не скажу, – вмешалась Галина, успев дотопить вино из своего бокала, – но на счетах у Лотмана куча бабок. И здесь, и за границей. Это мне следователь сказал... доверительно. Плюс дом, его картины, коллекция. Богатое наследство. Жаль, что я отказалась выйти за него замуж.

– Что ты говоришь! – всплеснул руками Шацкий.

– Да уж, и сейчас отбоя от ментов нет, а будь я его женой, меня бы и вовсе упекли за решетку.

– Вполне возможно, что вы бы отправились в последнее путешествие вместе с Лотманом, – ласково произнес Бергман.

– Типун вам на язык, – отмахнулась Галина. – Я просто неудачно пошутила.

– Что ж. – Бергман неожиданно для меня поднялся. – Я вас понял. Вы бы очень хотели, но ничем, к сожалению, помочь следствию не можете.

Решив, что прощаться ни к чему, Максимильян удалился, и я, само собой, тоже. В холле девушка тихо плакала, вытирая слезы бумажной салфеткой.

– У вас есть моя визитка, – понизив голос, сказал Бергман, проходя мимо. – Захотите позвонить, буду рад.

– Это приглашение на любовное свидание? – съязвила я, когда мы направлялись к машине, и нарвалась:

– Тебе-то что за дело?

– Просто интересно, какого лешего ты вдруг с места сорвался? Ясно, что эти двое что-то скрывают...

– Ясно, – согласился он. – Но не факт, что их секреты связаны с убийством. В любом случае сегодня нам они ничего не расскажут. Подождем более подходящего момента. Кое-что интересное мы от них все же слышали.

– Да? Верю на слово.

– Денег в доме могло быть гораздо больше, чем предполагали вначале, – продолжил Бергман, а я хмыкнула, досадуя, что сама об этом не подумала.

– То есть сумма могла быть настолько значительна, что убить из-за них четверых человек для кого-то вполне приемлемо?

– Мы не имеем в виду граждан, готовых убить по ничтожному поводу. Здесь явно не тот случай. Или я не прав?

- Прав.
- Итак. Большая сумма денег и убийца-дилетант. А дилетанту достать оружие не так-то просто, даже в век Интернета. И еще. Милейшая Галина Андреевна напомнила нам, что Надежда теперь богатая наследница.
- Ты ее подозреваешь? – спросила я с сомнением.
- Пока нет повода. Но кто знает, вдруг есть еще наследники?
- Внебрачные дети Лотмана? – нахмурилась я. – Они получают наследство, только доказав свое родство. Иначе грех на душу зря взяли. Но если Лотман их признал, следователям об этом уже известно.
- У нас три женщины, которые очень зависят от Лотмана и вместе с тем его боятся. Беременность скрыть трудно, если живешь с ним в одном доме. А вот...
- Тайный брак, – кивнула я. – Но как только этот тип заявит о своих правах, тут же попадет под подозрение.
- У него есть несколько месяцев, чтобы подготовиться, заявить о праве на наследство он должен в течение полугода. У нас этих месяцев нет.
- Бергман завел мотор, и мы наконец тронулись с места. Максимильян набрал Димкин номер и заговорил с ним по громкой связи. Коротко рассказал, чем мы были заняты, и дал задание проверить, не вступали ли дамы в тайный брак.
- Какой период нас интересует? – спросил Димка.
- Я бы расширил его лет на десять.
- Уйма работы. Надеюсь, эти тетki предпочли наш город, иначе затрудняюсь предположить, сколько на это уйдет времени.
- Димка отключился, а Бергман сказал, обращаясь ко мне:
- Пора взглянуть на дом Лотмана. Позвони Воину, пусть спросит Надежду, у кого есть ключи.
- С ключами Вадим обещал разобраться, но удивил известием, что он ждет нас в доме Бергмана.
- А как же девушка? – не поняла я.
- Приезжайте, все объясню.

Вадим в одиночестве то ли обедал, то ли ужинал в кухне. Выглядел довольным.

- Окрошка просто супер, – заявил он. – Присоединяйтесь.
- Сначала объясни, в чем дело, – ответил Максимильян, но за стол все-таки сел.

Тут же откуда ни возьмись появилась Лионелла и виновато поинтересовалась:

– Не здесь же вы будете ужинать? Накрою в столовой через пять минут.

Она отправилась накрывать на стол, а я попросила Вадима:

– Не томи.

Сама налила себе окрошки и устроилась напротив. Понятно, что Бергману не по чину трескать в кухне, но если все же решится, пусть сам о себе позаботится.

– Докладываю, – отодвинув тарелку, заговорил Вадим. – Ключи у домработницы. Я ей звонил, она сейчас в доме Лотмана.

– Ты-то почему здесь?

– Я здесь потому, что к Наденьке нагрянули Вербицкие. Стас, который, судя по всему, метит в женихи, и его сестра с мамашей. Дамочка, я вам скажу, чисто дракон. Заняла место у постели больной, предложив мне погулять где-нибудь. Мамаша не терпит конкурентов, очень для сынка старается, а тот вьется ужом. Она зашла так далеко, что собралась до утра сидеть, но Наде идея, по-моему, не очень приглянулась. От меня избавлялись вежливо, но с большим усердием, я решил не перечить. На ночь там остается Вербицкий личным охранником. Он наш клиент и должен понимать, что все риски его. Правильно? – Вопрос адресовался Бергману. Тот молча кивнул, а Вадим продолжил: – Тем более что эту ночь я предпочел бы провести дома. У меня новая подружка. Хотя и старая еще никуда не делась. А новая просто офигительная красотка.

Бергмана данная новость не заинтересовала, а я решила разговор поддержать:

– И кто она такая, твоя красотка? Что делает?

– Что делает? – вроде бы удивился Вадим. – Да все, о чем ни попросишь, – и радостно заржал.

– Ну, если Вербицкий сам решил немного потрудиться, не будем ему мешать, – сказал Максимильтян. – А мы отправимся в дом Лотмана.

– Я тоже? – сморщился Вадим.

– Само собой. Прикинешь, что к чему, с точки зрения профессионала.

– Ты сейчас какую профессию имеешь в виду? Как бы наша девушка чего не подумала.

– Трепло, – беззлобно заметил Бергман, и оба засмеялись. – Поели? – поинтересовался Максимильтян минут через десять. – Тогда поехали, – позвал Лионеллу и сообщил, что трапеза отменяется. Вряд ли ей это понравилось, но возражать она не стала.

Выпив кофе, мы покинули дом, Бергман успел позвонить Димке, сообщил о наших планах и выразил пожелание, чтобы Соколов к нам

присоединился. Его намерение обследовать дом всей командой было вполне понятно, риск, что мы упустим что-то важное, уменьшался в четыре раза. При этом каждый будет осматривать место преступления со своей, так сказать, позиции.

Отправились мы на двух машинах, по дороге подобрали Димку. Я ехала с Вадимом, а вот Димка сел к Бергману. Это меня слегка задело, хотя скорее всего они собирались что-то обсудить. Все чаще являлась мысль: правы те, кто не советует заводить шашни на работе.

Дом показался мне огромным. Он стоял посреди обширного участка, огороженного двухметровым забором. На участке в большом количестве росли липы, березы и несколько сосен. И никаких следов вмешательства в естественную жизнь растений, если не считать того, что трава была аккуратно скошена, причем совсем недавно. Даже возле самого дома не было ни цветов, ни декоративных кустарников. Видимо, Лотман предпочитал видеть природу такой, какая она есть, а мнения женщин, как уже выяснилось, тут никто не спрашивал. Дом в плане представлял букву «Т», фасад – та часть, что покороче. Во второй половине, которая была одноэтажной, находилась мастерская художника, зал с его картинами и зимний сад, или, как ее здесь называли, «оранжерея». Французские окна с двух сторон, о безопасности тут вряд ли особо пеклись, правда, на всех окнах рольставни, сейчас опущенные.

На территорию мы попали без проблем. Притормозив у ворот, Вадим набрал номер на мобильном. Звонил он домработнице, которая ожидала в доме. Ворота незамедлительно открылись, по гравийной дорожке мы подъехали к крыльцу, где увидели женщину лет шестидесяти. Темное платье, туфли на невысоком каблуке, аккуратная прическа. Не знай, кто она, скорее бы приняла за хозяйку.

Мы вышли из машины, в этот момент из-за угла дома выскочил пес, здоровенная немецкая овчарка.

– Фу, Цезарь! – крикнула женщина. – Сидеть тихо.

Пес неохотно подчинился. Подъехавшие следом Дима и Бергман машину тоже покинули, и мы друг за другом поднялись на крыльцо.

– Ольга Степановна? – заговорил Максимильян. – Надежда вас предупредила?

– Проходите, звонила она мне. Вы что же, частные сыщики? Я думала, они только в кино бывают. А на полицию, получается, надежды никакой?

– Одно другому не мешает, верно? – улыбнулся Бергман и первым вошел в дом.

Вадим для начала решил осмотреть его снаружи, я отправилась с ним.

– Странные существа люди, – ворчал он, шагая впереди. – Любят жить за высоченными заборами, подальше от себе подобных, жмут деньги на охрану, а потом удивляются, что в них стреляют. Если его мазня чего-то стоит, мог бы подумать о безопасности. В это окно на танке проедешь.

– Танк проедет везде, а рольставни выглядят вполне надежно.

– Ага, – фыркнул он и продолжил осмотр, а я, сделав полный круг, вернулась в дом.

Бергман, Димка и Ольга Степановна находились в холле. Пес, кстати, был тут же, пристроился возле ее ног. На меня взглянул неприветливо.

– Я не знала, что у хозяев есть собака, – сказала я.

– Пес мой, – ответила Ольга. – Меня вроде как не увольняли, и за порядком в доме следить все еще моя обязанность. Пока Надя из больницы не вернется. А вернется, сразу рассчитаюсь. Жуть берет в этом доме. Как подумаю о том, что здесь случилось... вот собаку и привожу с собой, одна бы сюда ни за какие коврижки не вошла.

– Не возражаете, если мы немного осмотримся? – спросил Бергман.

Чувствовалось, что Ольге он пришелся по душе, она его явно выделяла. Впрочем, я бы удивилась, будь по-другому. Бергман мог выглядеть просто душкой, когда обнаруживал в том необходимость. Мужчины из холла направились в столовую, а Ольга в кухню, предложив:

– Давайте я вас чаем напою, что ли...

Я осталась одна, прикрыла глаза и к себе прислушалась. Почти сразу возникло беспокойство, предчувствие близкой беды. Тревога, страх, смятение. Ощущения менялись как в калейдоскопе. Это до сих пор пугало, хотя теперь я уже знала, догадывалась, это те чувства, что испытывали жертвы. Воздух в доме был словно наполнен их переживаниями. Неудивительно, что Ольге здесь не по себе.

Сердце вдруг забилося учащенно, по затылку прошел холодок, и возникло ощущение, что за спиной кто-то есть. Я медленно повернулась, уверенная, что увижу кого-то из погибших. Едва заметную тень, бледный отпечаток того, кто недавно был из плоти и крови...

Я увидела его так явно, что в первое мгновение решила – передо мной живой человек, горе-грабитель, явившийся в дом во внеурочное время, когда в нем полно людей, а следом еще мысль: это Вадим вздумал пошутить и напаялил балаклаву, и тут же вся нелепость подобного предположения стала очевидной: он не только спрятал лицо под маской, но успел переодеться, а главное, стал меньше ростом и уже в плечах. Мужчина перемещался от двери в моем направлении, совершенно на меня

не реагируя, казалось, еще мгновение, и мы неизбежно столкнемся, но контуры фигуры начали подрагивать, а потом и вовсе размываться, пока окончательно не исчезли.

Я с трудом перевела дыхание, вытерла испарину на лбу и постояла немного с закрытыми глазами, силясь унять сердцебиение.

– Все в порядке? – услышала я голос Бергмана и кивнула. Мне пришлось выждать какое-то время, прежде чем, откашлявшись, я смогла заговорить.

– Он был один и вошел через эту дверь.

– Ты хочешь сказать, у него был ключ?

– Да. Дверь он открыл ключом.

– Это точно?

– Не смейся. О какой точности может идти речь? Это ведь не признательные показания убийцы, скрепленные его личной подписью. Это то, что я увидела. Он чуть выше среднего роста, худой, но сильный. Он молод и, входя сюда, ничего не боялся и не знал сомнений.

– Все-таки киллер?

– Убийца по своей сути, по убеждению, если угодно. Но возможно, раньше ему не приходилось убивать.

– Почему ты так решила? – нахмурился Бергман.

– В нем было любопытство.

Примерно в этот момент я поняла, что на ногах стою с трудом, скорее всего я бы повалилась на мраморный пол, если бы Бергман не подхватил меня под руки и не помог устроиться на банкетке, что стояла в холле.

– Принести воды? – спросил заботливо.

– Не надо. У меня такое в первый раз, – испуганно сказала я. – Это как удар... Шквал чувств и мыслей... Я успела понять очень немного...

– Все приходит с опытом. Ты молодец.

– Послушай, меня это пугает, ничего подобного раньше не было... – Я поняла, что повторяюсь, и досадливо покачала головой.

Входная дверь хлопнула, и в холл вошел Вадим.

– Просто удивительно, как их раньше не ограбили, – начал он, но тут же нахмурился и спросил, тревожно обращаясь к Бергману: – Что с ней?

– Видела убийцу.

– В смысле... забыл, как это правильно называется... ментальное тело? Надо передачку про экстрасенсов посмотреть, пополнить знания...

– Не ко времени, – сухо бросил Бергман, что при желании можно было

перевести как «заткнись, да поскорее». Именно так Вадим его и понял.

– Серьезно что-то видела? – спросил он.

– Девушка считает, убийца вошел через эту дверь, у него был ключ. Он был один и шел убивать.

– А что... – Волошин почесал затылок, приглядываясь ко мне. – Очень может быть. Эту часть холла не только из других комнат, но и из коридора не видно. Минимальный риск. Если бы он воспользовался верандой, как считают менты, рисковал бы куда больше. Слишком близко к столовой, его могли засечь раньше времени. Лотман вышел на шум и был убит. Судя по направлению выстрелов, убийца появился в столовой с этой стороны, если стрелять начал сразу, а не совершил ознакомительную прогулку по всему дому, что, в общем-то, глупость. – Вадим, продолжая говорить, покинул холл. – Если б он вошел через веранду, ему пришлось бы двигаться по коридору. А укрыться здесь негде. Он бы почти наверняка столкнулся с Надей. Выстрелы она услышала вскоре после того, как вошла в туалет. Парень просто не успел бы за это время пройти коридором, войти в столовую и начать пальбу.

Вадим вернулся и теперь стоял, разглядывая меня с любопытством мальчишки, который с одинаковой поспешностью готов во все поверить или все осмеять.

– Ты раньше вроде только покойников видела, а теперь, что же, духи живые наведываться стали?

– Тут два варианта, – съязвила я. – Либо у меня налицо прогресс, либо он успел скончаться.

Мужчины переглянулись.

– Интересная мысль, – очень серьезно заметил Бергман.

В этот момент появилась Ольга.

– Чай готов... батюшки, а ты что такая бледная?

– Привидение увидела, – брякнул Вадим, если он хотел, чтобы прозвучало это шутливо, то добился прямо противоположного результата.

– Чего же удивляться, – покивала Ольга с мрачным видом. – Такое злодейство... Никак, бедные, упокоиться не могут. По дому хожу, а чувство – вроде бы за спиной кто-то... Обернусь – никого, а волосы на руках аж дыбом стоят, и как бы дыхание рядом чувствую. Нет, мне бы только Надежду из больницы дожидаться, в тот же день уйду.

Она настойчиво предлагала мне выпить чаю, и я отправилась с ней в кухню. Чай был крепкий, ароматный, к нему прилагалось варенье двух сортов и сухарики. Ольга составила мне компанию, и мы легко разговорились. Выяснилось, что здесь она работала уже четыре года,

приходила трижды в неделю, обычно часов в девять. Уходила ближе к шести. Дом большой, и работы всегда хватало. Платил ей Лотман немного, но надбавки она просить стеснялась, потому что человек известный.

– Вы лишь уборкой занимались? А готовил кто?

– Вера, дочка его. На ней готовка была, чужой стряпни хозяин не признавал. И рубашки ему только она гладила. Я раз хотела помочь – не угодила. А в химчистку носить запрещал. Все не так. Да и прижимист был, если честно, – засмеялась она. – Вере-то часто от него доставалось. Характер у Натана горячий, если что не по нему – хоть святых выноси. А Вера терпела, ни одним словечком не возразит, поплачет в сторонке и опять «да, папа, хорошо, папа». Боялась его очень.

– Боялась? – не поняла я.

– А то... она ведь во всем от него зависела. Податься некуда, работы никакой, она вроде и с образованием, но как-то все определиться не могла.

– Может, не хотела, и на самом деле такая жизнь ее устраивала?

– Может. Откуда мне знать, что да как. Одно я тебе скажу, девонька, если гайки круто закручивать, непременно жди беды. Сорвет гайку-то. И ребяенок пойдет по кривой дорожке.

– Это вы сейчас о ком? – насторожилась я.

– О Вере, само собой, о ее замужестве. Отец-то над ней коршуном вился, не смей да не моги, она точно с цепи и сорвалась, как только ей восемнадцать исполнилось. Из дома ушла, потом против отцовской воли замуж выскочила. А парень-то непутевым оказался. И пил, и наркоманил. Натан еле-еле дочку-то от беды уберег, она ведь тоже... пристрастилась. Он ее в клинику, на излечение. А муженька как раз бог прибрал. – Тут Ольга понизила голос и сказала весело, вроде бы желая выдать свои слова за шутку: – А Натан вроде богу-то помог.

– Интересно. И каким же образом?

– Ну, уж этого не скажу, не знаю. А разговоры слышала, Вера Ядви́ге, тетке своей, говорила: Гаврилу, мол, отец убил. Та руками замахала: что ты, что ты, не смей такое думать, а Вера свое... Отца она ненавидела, – совершенно неожиданно закончила Ольга. – Прости меня, господи. О покойниках плохо не говорят, но... тут все друг друга едва терпели.

– Вы следовательно об этом рассказывали? – насторожилась я.

– Нет, – покачала она головой. – Следовательно – лицо официальное, брякнешь лишнее и того... потом себе дороже. Я сказала, так, мол, и так, полы мою, деньги получаю, а чего там у хозяев – дело не мое. Они отстали. А тебе говорю, потому что совесть мучила, что промолчала. Может, оттого

душегуба до сих пор и не нашли. Хотя глупости это. Ничего такого я не знаю...

– То, что вы о Верином муже рассказали, очень важно. Допустим, Ядвига брата боялась и поэтому недолюбливала...

– Ядвиге из них больше всех доставалось. Натан ее совсем затюкал. А без него она перья расправит и, что ты, будто королевна. Благородных кровей, и нос воротит, и губы трющит... тьфу ты, опять грешу.

– Вы ж для пользы дела, – напомнила я.

– Все равно грех.

– Ядвига – понятно, дочь – тоже. Личная жизнь не сложилась...

– Какая уж личная жизнь... Отпросится на пару часов, так Натан непременно скажет: надеюсь, ты за это время не успеешь подцепить какое-нибудь отребье. Он ведь грозил ее материнских прав лишить. Это когда она из клиники вернулась. Поселил здесь и глаз с обеих не спускал. Если по правде, так в том, что Вера ни дня не работала, он сам и виноват.

– Хорошо. Сестра и дочь вызывали его недовольство, но внуку он любил...

– Так он и дочку любил, как же без этого? Родная кровь. Любил, да жизни не давал. А уж Надюшке и вовсе туго пришлось. Боялся Натан, что она, как и мать, непременно наркомана какого-нибудь найдет. Вера ее из школы встречала. А то и сам дед. Шагу одна не шагнет. Это ж разве жизнь? Он когда пообещал ей машину ко дню рождения, я ей говорю: «Вот, Надя, какой тебе подарок...», а она только вздохнула: будет, говорит, машина в гараже стоять. Она ведь в институт в Москву хотела, но дед даже слышать не пожелал. В Москву-то она нацелилась, чтоб от него подальше. А училась не то чтобы хорошо. Машину он ей на восемнадцать лет подарил ну и вроде поощренья, что с экзаменом, слава богу, справилась.

– Вера и Надежда, как я поняла, были под пристальным вниманием. Но Ядвига жила отдельно. У нее кто-то был?

– Может, и был, но я об этом не знаю. Надю жалко, – вздохнула она. – Без отца, без матери... ребенок еще. Какая ни есть, а все ж семья... – Ольга тяжело поднялась и стала мыть посуду. В кухне появился Димка.

– Ты как?

– Нормально.

– Максимильтян спрашивает, не хочешь ли осмотреть столовую?

– Да, конечно. – Я уже пошла за ним, но решила задать еще один вопрос Ольге: – Хозяева в последнее время ключи не теряли?

– Нет. Если б такое случилось, Натан бы сразу замки поменял.

– Но ведь у вас ключи были...

– Что ты, ключи мне Надя дала, когда в больнице лежала. Здесь ведь надо было порядок навести.

– То есть вы обычно приходили, когда в доме кто-то был?

– Конечно. Видать, не очень доверяли. Но я не в обиде.

До столовой оставалось несколько метров, я слышала голоса Бергмана и Вадима, Димка шел чуть впереди, а я вдруг поняла, что больше не сделаю ни шагу. Это было сродни панике, когда тебя точно тяжелой волной сбивает с ног. Лицо пылало, сердце ставило мировой рекорд по прыжкам, а в голове ворох мыслей и ни одну не успеваешь додумать до конца. Давящее ощущение беды, запах крови, отчаяние... все перемешалось. С большим трудом я заставила себя преодолеть эти несколько метров и оказалась в хаосе звуков. Выстрелы, крики, глухой удар тела, рухнувшего на пол.

Тяжело дыша, я открыла глаза, за минуту до того машинально зажмурившись, ожидая увидеть обезображенные выстрелами тела. Но не увидела ничего. То есть я увидела троих мужчин, которые смотрели на меня одинаково озабоченно, но Димка еще и с тревогой, Вадим слегка ошарашенно, а Бергман с интересом, словно на подопытную мышь. И это здорово разозлило. Он подошел, взял меня за руку и сказал:

– Не пытайся руководить этим. Расслабься и просто входи, как входят в поток...

Я грубо оттолкнула его руку и бросилась на улицу. Здесь мне понемногу удалось успокоиться, к тому моменту, когда мужчины вышли из дома, я уже дышала ровно и даже испытывала легкую вину за свою грубость.

Максимильян сел в машину и отбыл первым, Димка на этот раз решил ехать с нами. Мы молчали, и молчание это было напряженным. Дима, не выдержав, нерешительно произнес:

– Он просто хотел помочь. Ты...

– Помолчи, – прервал его Вадим. – Ни ты, ни я не знаем, каково это... каково ей... Думаю, приятного мало, когда покойники толпятся вокруг.

– Спасибо, – сказала я.

– Не за что. Но Поэт прав, Максимильян просто хотел помочь.

– Почти убедил.

– Почему ты против него настроена? – возмутился Димка, что было, в общем-то, на него не похоже. – Ты с самого начала восприняла его в штыки.

– Может, это любовь такая, – хмыкнул Вадим. – А что? Чего на свете не бывает...

– Придурок, – фыркнула я, и мы оба засмеялись.

– Ладно, будем считать, что инцидент исчерпан, – сказал Волошин.
– Он здорово разозлился? – минуту спустя спросила я.
– Джокер? Не думаю. В наших общих интересах, чтобы ты ему доверяла.

– Послушайте, – не выдержала я. – Это мои мозги, и я не хочу, чтобы в них кто-то копался. Даже для общей пользы. Он уже предлагал свою помощь, вот только что я увижу, если соглашусь с его предложением? – Я хотела, чтобы это прозвучало насмешливо, но все равно получилось зло. – То, что мне покажет мое «я», или то, что хочет он? Кстати, с кем-нибудь из вас он это проделывал?

– Нет, – ответил Вадим, а Димка покачал головой.

– Ты забыла: ключевая фигура – Девушка. И выбор делать тебе. От нас в этом смысле мало что зависит.

Это что же получается? То, что мы стали любовниками, – лишь мой выбор? А он, выходит, ни при чем? Принял его как данность? Я покосилась на Димку, он сидел рядом и смотрел в окно, а я почувствовала себя так, точно между нами быстро растет и ширится стена из крепкого бетона.

Невеселые размышления пришлось прервать, мы подъехали к дому Бергмана. Его машина стояла во дворе. Чувствуя себя на редкость паршиво, я поспешно вошла в дом. Лионелла встретила нас с обычной суровостью.

– Надеюсь, вы наконец-то сядете за стол.

За стол мы сели, заняв кресла с четырех сторон прямоугольного антикварного монстра. Сама столовая больше бы подошла средневековому замку, а не городскому дому двадцать первого века. Что за дурацкая тяга ко всякому старью?

– Звонил Вербицкий, – нарушил тишину Максимильтян. – Завтра Надежду выписывают из больницы. Надо решить, что с ней делать дальше.

– Вербицкий рвется в бой с девизом «оберегать и защищать», – пожал Вадим плечами. – Деньги, как я понимаю, нам платит Аллилуев, а его интересует убийца друга.

– С деньгами у Вербицкого, кстати, дела обстоят не лучшим образом, – заметил Димка. – Отец считался одним из крупнейших бизнесменов области, но в последние годы допустил несколько серьезных просчетов, а после его внезапной смерти от инфаркта, девять лет назад, компаньоны постарались урвать куски побольше.

– Инфаркт вызвал сомнения? – уточнил Максимильтян.

– Не похоже. Дядя пожаловался на сердце, его госпитализировали, ничто, как говорится, не предвещало, но на третий день он оказался в реанимации, а на пятый умер. Жена в делах ничего не смыслит, сыну едва

исполнилось шестнадцать, а когда он достиг совершеннолетия, фирму спасти уже было поздно. Стас продал ее за бесценок и сейчас трудится у дяди.

– Я правильно понял, с деньгами у него совсем туго? – хмыкнул Вадим. – Тогда понятно, почему он так вьется возле богатой наследницы.

– До бывшего достатка семейству, конечно, далеко, – сказал Димка. – Мамаша да и он с сестрой жить привыкли на широкую ногу, а сейчас особенно не пощипуешь. Выгодная женитьба решила бы его проблемы.

– Я бы хорошенько проверил, чем был занят наш Стасик в вечер убийства, – заявил Вадим, а Бергман спросил Димку:

– Что у тебя с регистрационными записями?

– Пока ничего. В городе ни одна из этих женщин брак не регистрировала, если не считать, естественно, замужества Веры. Сейчас занят специальной программой, чтобы расширить поиски.

– Хорошо. – Бергман отбросил в сторону салфетку и поднялся из-за стола. – У меня запланированы две встречи на сегодня. – Тут он перевел взгляд на меня и добавил: – Надеюсь, ты еще на некоторое время останешься в моем доме.

И ушел. А мы переглянулись.

– Чует мое сердце, он занялся этим делом в одиночку, – проворчал Вадим.

– Каким делом? – продемонстрировал удивительную несообразительность Димка.

– Убийством Рыжего, которого подкинули под наши окна.

– Если это так, почему не сказать нам? Мы бы помогли.

– Потому что это Джокер. И что у него на уме, известно лишь ему. Ладно, будем считать, что сегодня вечером у меня выходной, порадую свою девчонку. И тебе желаю того же, – закончил он насмешливо и вскоре удалился.

– Хочешь, сходим куда-нибудь, – предложил Димка неуверенно.

– Если ты не очень занят.

– Пару часов всегда можно выкроить.

Подобная жертвенность едва не вызвала слезу умиления.

– Давай лучше в другой раз. Чувствую себя неважно.

– Неудивительно, после сегодняшнего... – Мое предложение его вполне устроило, хоть он и силился выглядеть огорченным.

Мы расстались примерно через полчаса, обменявшись братским поцелуем. Я убрала посуду и попыталась в очередной раз разговорить Лионеллу, и в очередной раз безуспешно. Загрузив тарелки

в посудомоечную машину, а остатки ужина в холодильник, она с достоинством удалилась в свою комнату. А мне пришлось отправляться в свою. Я легла на постель поверх покрывала, закинула руки за голову и подумала, что не худо бы подремать часок, раз уж делать мне совершенно нечего. И услышала сигнал мобильного. Пришло СМС. От Димки. «У меня на душе кошки скребут, – писал он. – Что-то не так?» «Все нормально, – ответила я. – Просто день тяжелый». И вздохнула с облегчением, выждав время и не получив очередного сообщения.

Обсуждать наши отношения совсем не хотелось. Собираясь отложить мобильный в сторону, я заметила, что пропустила три СМС и два звонка. Мама и подруга. И той и другой я сразу перезвонила, потратив на разговоры примерно минут десять. Вновь собралась отложить мобильный, но вспомнила об СМС и на всякий случай решила их проверить. Два были рекламными рассылками, а третье содержало вопрос. «Хочешь знать, кто он?» Номер скрыт. Выходило, что на ответ не рассчитывали. Некоторое время я сидела, пялясь на экран мобильного. Можно было бы немного погадать, что имел в виду приславший СМС? Кто убийца семьи Лотман, например? Но я-то как раз очень хорошо понимала, к кому на самом деле относится этот вопрос. То есть не сомневалась, речь идет о Бергмане. А кто в таком случае мог прислать? Вряд ли его друг. Значит, враг? И я готова завязать с ним дружескую переписку, чтобы удовлетворить свое любопытство? Хотя об общении речи пока нет. И все же. Враги моих друзей необязательно мои враги. Но им в любом случае не стоит доверять. Рассказать Бергману? Пожалуй, тоже не стоит. Посмотрим, что будет дальше. Надо ли говорить, какую сумятицу внесло это сообщение в мою и без того беспокойную душу.

На месте мне не сиделось, и я покинула комнату, уверенная: если Бергман уже вернулся, я наверняка застану его в кабинете. Предупредительно постучав, я открыла дверь. Комната оказалась пуста.

За окном сгущались сумерки, и здесь было почти темно. Сама толком не зная, что собираюсь сделать, я шагнула в кабинет, торопливо оглядываясь и пытаясь решить, есть ли тут камера видеонаблюдения. Она могла быть тщательно спрятана.

Здравый смысл подсказывал: надо покинуть кабинет. Есть здесь камера или нет, находиться в чужой комнате без приглашения, мягко говоря, не принято. Но меня уже непреодолимо тянуло к книжным шкафам напротив, точнее, к деревянной панели, которой обшита стена между шкафами. В прошлый раз я именно там застала Бергмана и заподозрила, что это замаскированная дверь.

Я провела рукой по панели. Поверхность оказалась гладкой, без малейших выступов. Но где-то тут должен быть скрытый механизм. Я еще раз огляделась, чувство было такое, что за мной наблюдают, при этом насмешливо улыбаясь. Плевать. Раз уж я здесь, глупо отступить. Я чуть прикрыла глаза, восстанавливая в памяти картину: Бергман стоит возле стены, его левая рука опущена, правая лежит на деревянной панели. Учитывая разницу в росте, это где-то тут.

Я вновь провела ладонью по красному дереву, целиком сосредоточившись на своих ощущениях. Небольшой зазор между обшивкой, металлический рычажок, который и не разглядишь. Я аккуратно нажала на рычаг, сразу же совершенно бесшумно приподнялась одна из плашек деревянной отделки, я потянула ее на себя. Ничего не произошло. Надавила. И панель начала медленно двигаться. Дверь была высотой не более полутора метров и довольно узкой, пространство за ней тонуло в темноте. Сделав шаг, я долго нащупывала выключатель.

Свет был до того ярким, что я на мгновение зажмурилась. А когда открыла глаза, увидела, что нахожусь в комнате, совсем небольшой, метров одиннадцать. Прямо напротив металлический стеллаж, заставленный старинными книгами. Я мысленно чертыхнулась. Никаких тайн, Бергман хранит здесь свои сокровища, решив, что тайная комната куда надежнее банковских сейфов. Впрочем, одного банковского сейфа тут явно недостаточно.

Противопожарная система. И наверняка сигнализация. Никаких внешних признаков сигнализации вроде бы нет, но я уверена, Бергман о ней позаботился. Сигнал передается на его мобильный, а если не только на мобильный? И сейчас появятся парни в бронежилетах? Я сразу же отмела эту мысль. Бергман не захочет, чтобы его тайник видели посторонние, а чтобы ему самому добраться сюда, потребуется время, я успею вернуться в свою комнату и сделаю вид, что понятия не имею, о каком вторжении он толкует. Очень глупо и совсем уж по-детски. Я здесь, и торопиться уже нет смысла. Взгляд мой блуждал по корешкам книг на стеллаже, в основном на латыни. Рядом кресло, торшер. Тут Бергман, должно быть, любит читать, устроившись с удобством.

Я прошла по комнате. В углу, ранее скрытом от меня стеллажом, стоял низкий комод, заставленный фотографиями в рамках. На стене большой портрет: муж, жена и ребенок. Мальчик лет шести сидит на коленях у представительного мужчины с окладистой бородой по моде девятнадцатого века, хотя фотография сделана лет тридцать назад. На женщине вечернее платье с ниткой жемчуга. Не красавица, зато

принцесса, как любит повторять моя подруга Варька, на свой лад объясняя врожденное чувство собственного достоинства, которое получаешь в довесок к десяти поколениям предков-аристократов. Но больше всего меня заинтересовал мальчик. Фотография черно-белая, и о цвете глаз судить трудно, скорее все-таки темные, а вот волосы светлые, аккуратная прическа. Малыш дисциплинированно смотрит в камеру. При желании в лице можно разглядеть что-то знакомое. За тридцать лет люди способны очень измениться... Скорее всего это родители Бергмана, чей еще портрет он стал бы вешать на стену? Кстати, почему бы не повесить его в гостиной или в кабинете, что было бы куда естественнее. Только не для него. Он не хочет, чтобы о его прошлом знали. И убрал портрет сюда. Большинство людей любят похвастать своей родословной, а не прятать ее. Так, может, у Максимильяна все-таки есть на это причина?

Я достала мобильный и перефотографировала портрет. И лишь после этого начала разглядывать другие фотографии, стоявшие на комод. Те же мужчина и женщина, только моложе, он в костюме с галстуком бабочкой, она – в подвенечном платье. Женщина в халатике в нежный цветочек с младенцем на руках. А дальше еще интереснее. Мужчина, одетый по моде начала двадцатого века, держит в руках то ли диплом, то ли грамоту, не разглядишь. Но выглядит очень довольным. Женщины в чепцах, дама в роскошном платье, в шляпе с перьями, под руку с мужчиной в светлой тройке, за их спиной здание с надписью латиницей «Казино...». Название в объектив не попало, но, судя по всему, это где-то за границей, быть может, в Германии? Пляж, мужчина в смешном купальном костюме в полоску, внизу фотографии надпись «Ницца» и дата, успевшая выцвести так, что ее не разобрать, то ли 1907 год, то ли 1917, а может, и 1927. Женщина в черном кардигане, белая блузка с бантом. Некое сходство с дамой в шляпке бросается в глаза. Но эта фотография сделана на два десятка лет позже. Мать и дочь? Беременная женщина в саду, сидит на качелях, руки сложены на животе. Рядом газета, в объектив попала дата: 27 июля 1949 года.

Тут я наконец обратила внимание, что в расстановке фотографий есть своя система: наглядно прослеживается связь поколений, от светловолосого мальчика лет восьми с игрушечным паровозом в руках до мужчины и женщины в меховых шубах. Это если двигаться в обратном направлении. Пять поколений Бергманов? А мальчик – Максимильян? Вроде бы все так, но...

Я отошла на пару шагов и вновь окинула взглядом фотографии. Меня не покидало ощущение некой постановочности происходящего, словно я

в декорациях фильма. Расставленные фотографии, портрет на стене... Меня здесь ждали. И подготовились? И тут кое-что вновь привлекло мое внимание. Пара в мехах стояла на фоне дома Бергмана. Дом выглядел немного иначе, но, безусловно, это «дом с чертями», о чем свидетельствует горгулья на правой башне, под которой и запечатлена была пара.

– Интересно, – пробормотала я и вновь обратила свой взор на комод. Потянула за кованую ручку верхнего ящика. В ящике лежали бумаги. Сверху в папке-файле свидетельство о рождении Бергмана Максимильяна Эдмундовича. В глаза бросилось место рождения: Цюрих. Я не успела взглянуть на дату, услышав за спиной:

– Интересуешься моей родословной?

Задвинув ящик, я повернулась. Бергман стоял, привалившись к стеллажу. Закрывать дверь я не рискнула, не уверенная, что система не таит подвоха и я смогу благополучно выбраться. Но то, что Бергман смог войти в комнату, а я не только не услышала, но и не почувствовала его, неприятно удивило.

– Наверное, я должна извиниться, – задиристо ответила я.

– Если не хочешь, я переживу.

Он прошел и сел в кресло. Взял фотографию пары в мехах и, повертев в руках, поставил на место.

– Мой прапрадед по материнской линии. Я долгое время жил за границей, а когда решил вернуться...

– Почему вдруг? – перебила я.

– Вовсе не вдруг, – проворчал Бергман. – Ностальгия. Отечество, корни... Обосновался в Москве. Навестил как-то малую родину, увидел родовое гнездо в полном запустении и... дальше, думаю, объяснять не надо.

– А прятать это зачем?

– Прятать? – удивился Бергман. – Ничего подобного. То, что я прямой потомок бывшего хозяина дома, сослужило мне неплохую службу, когда я договаривался о продаже особняка с отцами города. Китайцы считают, нельзя смешивать мир живых и мир мертвых. Фотографии предков должны храниться в альбомах, а не висеть на стенах. У меня, как видишь, для них отдельная комната.

– Вот в чем дело, – усмехнулась я. – А этот мальчик – юный Максимильян? – ткнув пальцем в фотографию малыша, спросила я.

– А ты как думаешь? – краешком губ улыбнулся он.

– Это что, проверка? – усмехнулась я.

– Вовсе нет. С чего ты взяла?

– Все эти люди мертвы. Давно.
– Так и есть, – кивнул Бергман и, чуть помедлив, добавил: – Это мой брат.

– Ты когда приехал?
– Минут пять назад.
– Сработала сигнализация?
– Да. Получил СМС, что дверь открыта.
– Ты сделал это нарочно, – сказала я, а он сделал вид, что не понял.
– Что?
– Ты был уверен, я захочу войти...
– Любопытство сгубило кошку, а врать глупо, когда мне прекрасно известно, что ты видишь людей насквозь, – засмеялся он.

– Только не тебя, – ответила я серьезно. – Оправдываться я не собираюсь. Насчет любопытства ты, конечно, прав. Со времен сказки про Синюю Бороду мало что изменилось.

– Согласен, – весело кивнул он.
– Можешь ходить по всему замку, только не открывай одну дверь, – продолжила я. – Но у меня такое чувство, что ты мне показал совсем другую комнату и настоящие тайны вовсе не здесь.

Бергман с минуту смотрел на меня, а потом серьезно ответил:
– Главное, всегда помнить, чем сказка закончилась.
– Любопытная девушка скончалась в расцвете лет? – зло засмеялась я.
– На самом деле, дорогая, сказка закончилась плохо для них обоих...
Для кофе, пожалуй, поздновато, – сказал он, поднимаясь. – Как насчет чая?

По его тону было ясно, он предлагал оставить споры и взаимные подозрения и идти на мировую.

– Отличная идея, – кивнула я.
– Лионеллу беспокоить не будем, чай я сам заварю.
Мы покинули комнату. Бергман тщательно закрыл дверь и кивнул на кресло в своем кабинете, включив перед этим свет и предлагая устраиваться с удобствами.

– Все необходимое для чая у меня есть здесь, – добродушно заговорил он, открыл шкаф, в котором был скрыт мини-бар.

Пока он колдовал над чаем, я обратила внимание на бумаги, лежавшие на его столе.

– Что это?
– Каталог коллекции Лотмана, – ответил Максимильтян. – Попросил Поэта его переснять.
– Зачем?

– Пока и сам не знаю.

Однако каталог меня заинтересовал, точнее, меня заинтересовал тот факт, что он интересен Бергману.

– Ты считаешь, убийство может быть связано с его коллекцией?

Он пожал плечами:

– Не уверен. Просто привык проверять все возможные версии. Пей, – поставил он передо мной чашку. – Чай отличный. Клиент привез из Китая.

Чай и в самом деле оказался необыкновенным. Некоторое время мы сидели в молчании, пили чай и даже не смотрели друг на друга, не то чтобы сознательно избегая этого, скорее были сосредоточены на собственных ощущениях. И к чему-то готовились.

– Итак, это было впервые? – отставив чашку, спросил Максимильтян и теперь сверлил меня взглядом.

– Что? – спросила я, хотя поняла, о чем он. Покачала головой, словно досадуя, и кивнула. – Да. Я впервые увидела убийцу. Так явно... Жаль, толку от этого немного... Я ничего не могу рассказать о нем.

Бергман едва заметно пожал плечами:

– Кое-что все-таки смогла. Он молод, чуть выше среднего роста, нормальной комплекции. И он убежденный убийца. Но не киллер.

– Маньяк, который убил впервые? – нахмурилась я.

– Почему бы и нет?

– Тогда найти его будет трудно. Не обязательно, что он связан с семьей Лотмана. Выбор мог быть случайным...

– У него был ключ. Каким-то образом он его получил. Значит, убийца и жертвы пересекались. Мы его найдем, – неожиданно улыбнулся он. – Не сомневайся.

А я неуверенно начала:

– Там, в доме... я не могла заставить себя войти в столовую... очень испугалась.

– Я понимаю, – кивнул он.

– Я отказалась от твоей помощи, потому что боялась...

– Было бы здорово, научись ты хоть немного мне доверять.

– Хорошо, – ответила я и усмехнулась: – Попытаюсь.

– Это так трудно? – удивился он.

– Если бы ты не валял дурака и не пичкал нас глупыми байками...

– Глупые байки? – переспросил он и засмеялся так весело, так задорно, что стало обидно. – Один из моих любимых авторов рассказывает о том, как средневековый путешественник пытался описать слона, увиденного в далекой Индии. Сограждане, само собой, о слонах

слыхом не слыхивали, и когда он дошел до носа длиной в полтора метра, которым слон легко поднимает бревно, засмеяли беднягу. А сейчас даже маленькие дети знают, что у слона есть хобот, и ничуть этому не удивляются.

– По-моему, не очень удачный пример.

– А по-моему, вполне. Границы познания нелегко преодолевать, о чем бы ни шла речь.

– То, о чем говоришь ты... это просто мистика какая-то. Я не могу в это верить.

– А твои видения – что это? Для скептиков – не более чем самовнушение или вообще психическое расстройство.

– Возможно, так и есть, – кивнула я. – Я хотела тебе сказать... что чувствую себя виноватой. Я убеждена, все это чушь, но ты и Димка с Волошиным, вы чего-то от меня ждете...

– Ты очень помогла нам в предыдущем расследовании, – развел он руками.

– Я не об этом. В общем... давай попробуем.

Не знаю, что на меня нашло. Должно быть, чувство вины сыграло злую шутку. Я отвергла его помощь, а потом, точно заправская воровка, пробралась в комнату, где, кстати, были не только фотографии его предков, но и ценные книги. А он, ничуть не разозлившись, поит меня чаем и говорит о моем вкладе в общее дело.

С минуту он меня разглядывал, точно прицениваясь. Потом молча кивнул, достал из кармана брюк ключи и открыл верхний ящик стола. Вынул шкатулку с колодой карт и протянул мне. Сверху лежала дама червей.

– Я должна ее взять? – хмуро поинтересовалась я.

– Понятия не имею. Могу лишь кое-что рассказать из собственного опыта. Если есть контакт с картой, все происходит довольно быстро. Старайся не спешить, входи постепенно. Бывает очень страшно, и к этому надо привыкнуть. Не паникуй. Я буду держать тебя за руку и, если почувствую неладное, помогу вернуться.

– Что я должна сделать? – пытаюсь скрыть волнение, спросила я. – Я имею в виду там...

– Я же сказал, не спеши. Для начала хорошо бы просто осмотреться.

– А... где я окажусь? – по-детски испуганно спросила я.

– Когда вернешься, расскажешь, – засмеялся Бергман, и это показалось обидным, к тому моменту ничего смешного в ситуации я не видела.

«Откажись, – шепнул внутренний голос. – Пошли этого «фокусника»

на хрен. Не надо ничего себе доказывать. Подобные игры опасны, и ты это знаешь».

Но вместо того чтобы послушать доводы разума, я решительно взяла карту и вдруг подумала: «А если ничего не произойдет?» Мысль эта внезапно напугала, в общем, я уже была готова к приключениям и теперь боялась, что они не состоятся.

В левой руке я держала карту, правую Бергман сжал в своей ладони и сказал:

– Не спеши. Успокойся, дыши ровно, сосредоточься на своем дыхании, глаза старайся не закрывать, так легче...

Дослушать я не успела и, наверное, закрыла глаза: все вдруг исчезло. Я точно падала с огромной высоты, от этого захватывало дух, легкие, казалось, разорвутся, а вокруг была бездна.

– Мамочка, – жалобно позвала я, в глаза ударил ослепительный свет, и все внезапно кончилось. Не падение, а мое физическое существование. Я очутилась в мире, которому не принадлежала, я была здесь чужой и бестелесной, и это пугало. Страх все рос, ширился, пока не перешел в панику. Но вот что поразительно, примерно в то время, когда ужас стал запредельным, вокруг начали проступать предметы, а потом появились и люди. Станный, незнакомый мир, над которым я точно парила на высоте двух метров.

– Все хорошо, – услышала я совсем рядом, и это почему-то напугало еще больше.

«Надо спрятаться», – подумала я, зная не зная, как это сделать. А затем увидела маленькую девочку. У нее были длинные золотистые косы и татуировка на ладошке, какой-то символ. Девчушка бежала, держа в руке узелок, но вдруг остановилась и посмотрела на меня. Внимательно. И я поняла, что она меня видит.

– Привет, – тихонько шепнула я.

– Это опять ты? – нахмурила она светлые брови. – Мне нельзя с тобой разговаривать.

– Почему?

– Потому что тебя никто не видит. Кроме меня. И не слышит. Люди решат, что я сумасшедшая. Так няня сказала. Она думает, ты мой Ангел-хранитель. Хотя и сомневается, что я тебя действительно вижу. Ее послушать, так я все выдумываю.

– А что ты видишь? – спросила я с сомнением. – Какая я?

– А то ты не знаешь?

– Я мужчина или женщина?

– Даже детям известно: у девочек – ангелы-хранители девочки, у мальчиков – мальчики. А разглядеть тебя нельзя, ты светишься, и это мешает. Я тороплюсь.

И она припустилась дальше, а я за ней.

– Как ты себя чувствуешь? – услышала я голос Максимильяна и медленно открыла глаза. Часы напротив показывали полночь. Выходит, я спала больше часа. В том, что это был сон, я не сомневалась. Но пользы он мне явно не принес. Голову точно стянуло металлическим обручем, во рту горечь, спину разламывало от неудобной позы. Бергман хмуро меня разглядывал, стоя рядом. – Все в порядке? – спросил он, я потерла глаза, а он продолжил, вздохнув с заметным облегчением: – Ты отсутствовала слишком долго.

– Максимильян, – поморщилась я. – Я спала. Просто спала и видела сон.

– Расскажи мне о нем.

Тут я поняла, что будет это непросто. Сон, еще недавно такой яркий, такой масштабный, точно голливудский блокбастер, со своей предысторией и переплетением ходов, сложный, как сама жизнь, стремительно распадается на фрагменты и исчезает из памяти, словно вода в сливном отверстии, раз – и нет.

– Там была девочка, – неуверенно начала я. – Эта девочка – я сама. И вместе с тем я видела ее со стороны, я была рядом, и она видела меня. Считала своим ангелом-хранителем.

То, что во сне представлялось логичным и понятным, сейчас показалось сущей галиматьей.

– Она видела тебя раньше?

– Да.

– Продолжай.

– Черт... Я почти ничего не помню. Там был пленник. Его держали в клетке. Прямо посреди площади. Они его ненавидели и боялись, очень боялись. Даже в цепях и в этой клетке. Слушай, я самого простого не в состоянии понять, что это за мир такой? Ничего похожего на то, что мне известно из истории. Хотя познания мои, конечно, весьма скромные.

– Что дальше? – нетерпеливо перебил Бергман.

– Дальше? Девчонка с ним подружилась. Приходила его кормить. За это ей здорово доставалось. Но она упрямая. Она жалела его. А он сначала гнал ее, делал зверские рожи и даже рычал. А потом они стали

друзьями.

– Понятно, – поморщился Бергман, словно был слегка недоволен. – Ты увидела начало истории.

– Да? У моего сна есть продолжение? – съязвила я.

– Конечно. Ты увидела себя и Воина. Девочка поможет ему сбежать. Украдет ключи от клетки у своего отчима. Воин покинет город, и судьба их разведет на долгие годы. Пока они вновь не встретятся на поле битвы. Он будет во главе армии захватчиков, а она станет командовать личной гвардией своего отчима.

– Очень интересно, но в моем сне такого не было. Кстати, ты говорил о четверых: девушка, злейший враг, лучший друг и любовник. Если Воин – злейший враг...

– Не так просто, – усмехнулся он. – Они встретятся и станут любовниками. А человек, которому она была обещана в жены...

– Ты прекрасно все знаешь, – усмехнулась я. – Зачем было меня беспокоить?

– Я знаю историю. Но не могу ответить на главные вопросы. Первый и самый простой: кто есть кто?

Если вопрос и показался простым, то лишь в первое мгновение. Потом начались сложности.

– Ты видела его лицо? – вновь спросил Бергман.

– Конечно. Во сне оно было таким знакомым, хотя сейчас...

– Другими словами, ты не знаешь, кто Воин?

– Другими словами – не знаю, – съязвила я и вздохнула: – Максимильян, это всего лишь сон. Мне не ясно, почему ты придаешь ему такое значение, но искренне надеюсь, что действительно придаешь, а не морочишь мне голову.

– Глупенькая, – улыбнулся он и неожиданно погладил меня по голове, точно я была малым ребенком. – Пожалуйста, вспомни, постарайся вспомнить... не было ли еще чего-то необычного?

– Максимильян, там все необычно, это же сон. Люди сидят в клетках, их спасают маленькие девочки, которые разговаривают с ангелами. Черный колдун, – неожиданно произнесла я. – Кого-то так называли, но я, хоть убей...

– Черный колдун? – На физиономии Бергмана теперь читался явный интерес.

– Это главный злодей, да? – спросила я весело.

– Вообще-то в некоторых традициях, признающих реинкарнацию, черными колдунами называли людей, у которых уже было семь или больше

жизней. Очень часто они обладали приобретенными в предыдущих воплощениях знаниями, которых у них в принципе не могло быть в очередной жизни.

– Остальных это пугало?

– А как же еще? Мы боимся того, чего не понимаем.

– Это как раз про меня. Ты мне можешь сказать, зачем тебе все эти психологические опыты?

– Опыты? – Он весело фыркнул, но продолжил серьезно: – Люди, между собой не знакомые, несколько лет видели одни и те же сны. Все четверо. Невероятное совпадение, которое совпадением быть не может.

– Не знаю, что мне меньше нравится знать: что ты псих или мошенник? Я бы хотела видеть тебя нормальным парнем, без особых закидонов, которому могу доверять. В конце концов, мы вместе работаем. – Я с трудом поднялась и направилась к двери. – Это просто сон, – сказала я зачем-то, и прозвучало это помимо моей воли так, точно я сомневалась.

– Конечно, – согласно кивнул он. – Это просто сон, который видят все четверо.

Отвечать я сочла излишним и заспешила в свою комнату.

– Со мной у тебя ничего не выйдет, – бормотала я, укладываясь спать. Если Димке и Волошину нравятся эти фокусы – на здоровье. Допустим, он не врал, и все четверо видели похожие сны. Это только доказывает, что он гипнотизер и способен внушать... Тут я внезапно осеклась. Этот сон или подобный ему я видела раньше. Девочку-то уж точно. И она... она сказала, что раньше видела меня. «Это, конечно, довод», – фыркнула я и даже головой покачала, всерьез беспокоясь за свое душевное состояние. Но тогда Максимильяна рядом не было, никто меня не гипнотизировал, я даже знать о нем не знала. Я вновь попыталась вспомнить свой недавний сон, продолжая называть его так скорее из упрямства. В памяти осталось лишь то, что я рассказала Бергману. Однако и эти воспоминания блекли на глазах, причудливо меняя очертания, и я уже толком не знала, что из них действительно видела во сне, а что придумала потом.

«Один шаг до психушки», – мрачно констатировала я, прикрыла веки с намерением уснуть, желательно без сновидений, и тут перед глазами возник символ на руке девочки. Я совсем было собралась бежать к Бергману за разъяснениями, но в конце концов решила, что справлюсь сама. Обнаружить символ в Интернете оказалось нетрудно. Выглядел он как круг со спицами и у знающих людей назывался колесом. Оказывается, круг ассоциируется с вечностью. Он связан с солнечной энергией, которая поддерживает жизнь на земле. Это монограмма бога. Круг со спицами –

мощный символ энергии, принятый в буддизме. Замечательно, и что мне с этого?

Я отбросила в сторону планшет и взяла мобильный, тут же вспомнив о сообщении, еще раз его посмотрела. Оно содержало вопрос: «Хочешь знать, кто он?»

Вадим прав, Бергман позаботился о том, чтобы его биография выглядела безупречной. А если попытаться иначе? Проявить интерес к его родителям, к примеру. Может, дело не в китайцах, и их портреты в дальней комнате он держит по другой причине.

Я перевела взгляд на часы. Для звонка слишком поздно. Но что делать, непутевые сестры для того и существуют, чтобы их двоюродные братья просыпались от звонков по ночам.

Выяснилось, что Игорь не спал. Но все равно указал на позднее время и, перейдя на шепот, продолжил:

– Между прочим, у меня появилась личная жизнь.

– Как ее зовут?

– Даша.

– Здорово.

– Но она скорее всего исчезнет, если я продолжу болтать с тобой.

Ни маме, ни двоюродному брату о переменах в своей жизни я не рассказывала. Особенно брату. Он служит в полиции и при словосочетании «частный сыщик» разве что презрительно скривится.

– Нужна твоя помощь, – серьезно сказала я.

– Ты опять... – Он не договорил, но я поняла, что он имел ввиду, и ответила поспешно:

– Нет. Никаких дел с полицией. – Невинная хитрость, и лгуньей себя не чувствуешь. – Встретилась с одним типом, по работе, случайно... Он показался мне немного странным.

– Что значит «немного странным»? – съязвил Игорь.

А я напредила:

– Тебя вроде бы Даша ждет. Уже нет? Я сброшу тебе фотку. Мужчина там предположительно с женой и сыном. Зовут мужчину Эдмунд Бергман.

– Как? – не понял Игорь.

– Я напишу. Постарайся о нем узнать все, что возможно.

– Это срочно?

– Нет. Важно, чтобы ты хоть что-то нашел. Боюсь, это будет непросто.

А время терпит.

Мы простились, и я тут же переслала фотографию родителей Максимильяна на почтовый ящик Игоря. И вслед за этим почувствовала

беспокойство, точно сделала нечто недозволенное, привела в движение силы, которые лучше было не трогать.

«Ерунда», – мысленно отмахнулась я и погасила свет в комнате.

Утром я проснулась поздно и слегка удивилась движению в доме. Обычно здесь царит тишина, словно в могиле, а за последние пять минут по коридору прошли по меньшей мере трижды. И уж точно не Лионелла. Эта в своих войлочных тапках ходит практически бесшумно и, подозреваю, под моей дверью подслушивает.

Сменив ночную рубашку на спортивные штаны и футболку, я выглянула в коридор. Навстречу мне шел Вадим.

– Трубим полный сбор, – весело сообщил он.

– По какому случаю?

– Сейчас клиенты приедут. Надю выписали из больницы. Совет вождей решит, что с ней делать дальше. Ты не особо торопись, минут двадцать у тебя есть, успеешь позавтракать.

Вадим отправился в кабинет Бергмана, а я в душ, размышляя, стоит помыть голову или обойдется. Дверь в ванную запереть не стала, пройти сюда можно только через мою комнату, и, кроме меня, ванной никто не пользовался. Сделав воду погорячее, я намыливала волосы, когда почувствовала легкий порыв ветра. Торопливо смыла пену с лица и увидела Вадима, который, бесшумно внедрившись в ванную, запер дверь на ключ.

– Ты спятил? – с изумлением спросила я.

Он повернулся, окинул меня взглядом и расплылся в довольной ухмылке:

– Красотка.

– Катись отсюда, придурок, – рявкнула я и замахнулась мочалкой, она единственная оказалась под рукой.

– Не выключай воду, – не обращая внимания ни на мое возмущение, ни на мочалку, сказал Вадим, приблизился и, почти прикасаясь губами к моему уху, шепнул: – Есть сведения о Рыжем. Интересно?

– А подождать с ними нельзя? Дай полотенце.

Вадим подал мне полотенце, я в него завернулась и села на бортик ванны. Он сел на банкетку, максимально придвинув ее к ванне.

– Установили его личность, – спокойно заговорил Вадим. – Майоров Степан Викторович. Тридцати восьми лет. Ничем не примечателен. Не женат... В общем, ничего особенного. И вдруг сюрприз.

– Не тани, – разозлилась я. – Иначе решу, что ты пришел задницей

моей полюбоваться.

- Я не успел ее разглядеть. Как-нибудь покажешь, ладно?
- Вадим, – укоризненно сказала я.
- Паспорт липовый. Точнее, липовым было свидетельство о рождении, которое он представил, когда, по его словам, потерял паспорт.
- И кто он на самом деле?
- Большой вопрос, теперь им задаются люди в погонах.
- Откуда сведения?
- От верблюда.
- Бергман знает?
- О чем? О том, что я за его спиной интересуюсь Рыжим? Кстати, а чего не спросишь, почему я это делаю?
- Почему?
- Сам не знаю. Дурное влияние одной красотки.

Он резко поднялся и ушел, а я еще некоторое время продолжала сидеть. Поддельное свидетельство о рождении. Вчера я видела свидетельство о рождении Бергмана. А это здесь при чем?

Я сочла за благо вернуться под душ, после чего высушила волосы феном, подкрасилась. Привычные действия успокаивали, давали надежду, что мир незыблем и существует в единственном числе, а все остальное – идиотские фантазии.

Я заглянула в кухню, решив, что успею выпить кофе. И застала там Димку. Лионелла кормила его яичницей. Мне яичницы не досталось, Димка-джентльмен предложил свою порцию, я отказалась. Лионелла вышла, и он спросил:

- Можно вопрос?
- Валяй.
- Что Вадим делал в твоей комнате?
- Зашел пожелать мне доброго утра.
- Я тоже зашел. Вы были в ванной. За запертой дверью.
- Ты ревнуешь? – удивилась я.
- А как ты думаешь? Вдруг ты решила, что ошиблась с выбором?
- Я так не решила, – ответила я.

Очень хотелось добавить что-нибудь типа: чем ревновать, лучше бы уделял побольше внимания своей девушке. Но тут в голову пришла мысль, что ставки здесь совсем другие, все дело опять упирается в это дурацкое предсказание, и только оно Димку по-настоящему волнует.

- У тебя нет повода беспокоиться, – сказала я с излишней резкостью,

давая понять, что разговор закончен.

– Тогда еще интереснее, – усмехнулся Димка. – Что вы затеяли?

– Я попросила кое-что узнать для меня, – разговор мне не нравился все больше, но ссориться с Димкой совсем не хотелось.

– Кое-что, касающееся Джокера?

– Нет.

– Нет?

– Ты же слышал.

Он вновь усмехнулся и замолчал, а минут через десять мы собрались в кабинете Бергмана.

Хозяин в то утро выглядел щеголем, я бы решила, что у него романтическое свидание. Темно-синий костюм, белоснежная рубашка, галстук в тонкую полоску. Костюм выше всяких похвал и сидел на нем идеально. Вадим рядом с ним выглядел неотесанным здоровяком, а Димка в бежевых шортах и рубашке в клетку – разносчиком пиццы. Кстати, Димка и Вадим утверждали, что с личной жизнью у Бергмана все в порядке, но его избранницу увидеть мне пока не довелось. Впрочем, тот же Вадим с удивлением отметил, что с недавних пор замашки донжуана Максимильян оставил. Интересно, как выглядит его подружка? Блондинка она или брюнетка? Умная или он предпочитает тех, кто поглупее?

– Я предпочитаю блондинок и не таких умных, как ты, – вдруг заявил он, улыбаясь, я как раз собралась свалиться со стула, когда он добавил: – Но должен сказать, ты прекрасно выглядишь. – Бергман усмехнулся, оставив меня в легком недоумении: это что, обычный комплимент, издевка или все же демонстрация возможностей? Слегка завуалированная демонстрация, чтобы я вопросами не донимала.

– Мне тоже нравится, – подмигнул мне Вадим, а Димка раздраженно нахмурился.

Бергман взглянул на часы и обвел нас взглядом.

– Клиенты появятся с минуты на минуту. Пока есть время, поговорим о наших успехах.

– У меня без новостей, – первым отозвался Вадим.

– У меня, в общем-то, тоже, – пожал плечами Дима.

Я лишь развела руками, давая понять: мне похвастаться уж точно нечем.

– Запись звонка Надежды в полицию получить пока не удалось, – в свою очередь, не порадовал Бергман. – Обычно их стирают через несколько дней. Копия, безусловно, есть у следователя. Но...

– Нам попался несговорчивый следователь?

– К сожалению. Господа в погонах видят в нас конкурентов и не очень жалуют. Я говорил с коллекционером из Самары, которому Лотман продал картину. Он потрясен трагедией, но ничего существенного не сообщил. Ранее он уже приобретал картины Лотмана, две картины, если быть точным. Посредником всегда выступал Шацкий, и никаких проблем не возникало. У меня вопрос...

Что за вопрос, мы в тот момент так и не узнали. Лионелла сообщила, что клиенты прибыли, и мы прошли в кабинет Бергмана, где он обычно принимал посетителей.

Их оказалось куда больше, чем я ожидала. По кабинету расхаживал Аллилуев, заложив руки за спину, и о чем-то сосредоточенно размышлял. На диване сидела Надежда в нежно-голубом платье, похожая на фею из сказки. Ее держала за руку девушка лет восемнадцати, с короткой стрижкой, в джинсах и футболке с большим вырезом и босоножках на высоченных каблуках. Я решила, что это сестра Вербицкого, о которой он говорил. Сам Стас сидел тут же, не спуская с Надежды заботливого взгляда. Я подумала, что девушку своей заботой он, скорее всего, успел достать. Чуть в стороне в кресле напряженно замерла дамочка из тех, что не вылезают из салонов красоты. Возраст неопределенный, кожа на лице так натянута, что того и гляди лопнет, татуаж и губная помада морковного цвета. Запястье ее украшали золотые часы и широкий браслет с бриллиантами. Бриллианты в ушах, на шее и на пальцах. Такое впечатление, что она решила продемонстрировать все нажитое непосильным трудом. Улыбаться женщина не умела, хоть и пыталась. Взгляд оставался настороженным, даже злым.

– Доброе утро, господа, – приветствовал всех Бергман.

Гости недружно ответили. Надя подняла голову, взглянула на Вадима и нерешительно улыбнулась, он ответил ей улыбкой, которая не осталась без внимания. Дамочка тут же сурово нахмурилась.

– Как видите, мы забрали Наденьку из больницы, – с вызовом начала она.

Аллилуев решил вмешаться:

– Позвольте представить: Вербицкая Эмма Николаевна.

– Да, я мать Станислава Яновича. Я, как и мой сын, считаю, что мы несем ответственность за нашу бедную девочку. – Тут она попыталась выжать из себя слезу, но, вовремя сообразив, что ничего из этого не получится, продолжила: – Наде опасно оставаться в городе...

– И поэтому вы отказались от охраны? – спросил Бергман без намека на иронию, но лицо Эммы тут же пошло пятнами.

– Мне понятно ваше стремление заработать на чужом горе...

– Эмма Николаевна, – перебил ее Аллилуев, подняв руку. – Я советовал бы вам воздержаться от подобных заявлений. Во-первых, это я обратился к господину Бергману. Во-вторых, нам следует быть благодарными, что он согласился помочь. У этих людей прекрасная репутация, и я рассчитываю...

– Меня все это не волнует, – возразила Эмма. – Вы хотите найти убийцу, ради бога. Хотя заниматься этим должны совсем другие люди, а не какие-то частные сыщики. Меня волнует исключительно судьба Наденьки. Девочка совершенно одинока. Ей нужна не только охрана, но и близкие люди рядом. Мы увезем ее подальше отсюда, о месте не будет знать никто, кроме нас. – Она с вызовом посмотрела на Аллилуева. – В случае необходимости мы способны сами организовать охрану, и, поверьте мне, это будут люди очень высокой квалификации.

Бергман развел руками:

– Мы не навязываем свои услуги. – И повернулся к Аллилуеву: – Все зависит от решения Сергея Борисовича. Он наш клиент и...

– А что по этому поводу думает Надя? – задала я вопрос.

Дамочка готовилась возразить, но тут Надежда обрела голос.

– Мне все равно, – сказала с досадой. – В больнице мне надоело. Ехать домой я не хочу. И вовсе не потому, что боюсь: меня убьют, как маму и деда. Просто боюсь. Если бы у меня были деньги, я бы уехала куда-нибудь за границу. Но в доме денег нет, и адвокат сказал, что получу я их еще не скоро. И ничего продать не могу. Жаль. Дом бы я продала сразу. Никогда туда не вернусь. У меня есть деньги на карточке, но совсем немного.

– Ни о чем не беспокойся, дорогая, – тут же влезла Эмма. – Ты у друзей и ни в чем не будешь нуждаться. Если хочешь, отправляйся с Инной за границу. Мы все оплатим. И Стас поедет с вами. В такое время очень важно, чтобы рядом был мужчина.

Надежда пожала плечами, давая понять, что ей все равно, а Эмма решительно поднялась.

– Не вижу смысла в нашем дальнейшем присутствии здесь. Надеюсь, мы вам ничего не должны за ваши труды? – В эту фразу она вложила столько яда, сколько нашлось в ее организме, а было его там немерено. – Идемте.

Она направилась к двери, ее дочь вскочила и потянула Надю за руку. Шествие замыкал Стас, слегка смущенный.

– Я позвоню, – пробормотал он, непонятно к кому обращаясь.

– Жуткая баба, – когда дверь за ними закрылась, а шаги стихли, буркнул Аллилуев. – Неудивительно, что ее покойный муж постоянно мучился язвой.

– Похоже, она торопится заполучить богатую невесту для сына, – сказал Вадим.

Аллилуев довольно равнодушно пожал плечами.

– Ее можно понять. Да и Стас, по-моему, влюблен в девчонку.

– С ее-то приданым влюбиться нетрудно, – не отставал Вадим.

– Надя была не против отправиться с ними, – словно оправдываясь, сказал Аллилуев. – В конце концов, она взрослая девушка. И действительно будет лучше, если рядом с ней окажется ее подруга или тот же Стас. Слава богу, беды в этом возрасте быстро забываются.

– Вряд ли Вербицкие способны организовать ей охрану, – заметил Максимильян.

– Вы же видели, что это за фурия? Связываться с ней себе дороже. Она берет заботу о девушке на себя, пусть и ломает голову, как обеспечить ее безопасность. В конце концов, если у нее далекоидущие планы, то это в ее интересах. Иначе не видать Стасу богатой невесты.

Мне очень хотелось вмешаться, но я сочла за благо промолчать, вряд ли Бергман сказал бы спасибо за мои слова.

– В общем, сосредоточьтесь на расследовании. Есть новости? – вроде бы нерешительно поинтересовался Аллилуев.

– Новостей сколько угодно, – усмехнулся краешком губ Максимильян. – А вот приемлемой версии пока нет. Точнее, их слишком много.

– Я уверен, вы справитесь.

– Я тоже уверен. У нас возникли некоторые вопросы. Найдется время ответить на них?

– Конечно.

Примерно полчаса Максимильян задавал ему вопросы, касались они в основном семьи Лотмана и его ближайших друзей. Ничего нового я не услышала, однако то, что Бергмана очень заинтересовала коллекция Лотмана, а вчера на его столе я видела каталог, наводило на мысль, что от версии случайного грабителя он уже отказался.

Наконец Аллилуев удалился, а я смогла высказаться.

– Я правильно поняла: судьба девушки нас не волнует? Даже слепой заметил бы, что происходит.

– А что происходит? – вроде бы удивился Бергман.

– Девчонка – богатая наследница. Эта тетка с сынком охмурят ее в два

счета.

– Вообще-то Аллилуев прав, она уже взрослый человек, – возразил Димка. – В загс силой ее никто не потащит.

– Как сказать. Идея о том, что никому, кроме них, о ее местонахождении не будет известно, меня очень насторожила.

– Что ты предлагаешь? – спросил Бергман.

– Поговорить с девушкой.

– У нее есть новый мобильный, о котором никто не знает, с моим номером телефона, – заявил Вадим и в ответ на наши взгляды пожал плечами.

– Как видишь, Воин обо всем позаботился, – сказал Бергман. – Если девушке понадобится наша помощь, она позвонит.

Однако от гнетущих мыслей это не избавило, тетка была из тех, кто способен на многое для достижения своих целей, а цель у нее вполне понятная – поправить собственное материальное положение за счет выгодной женитьбы сына. Дом, с которым Надя готова расстаться, стоит миллионы, а есть еще картины и деньги на счетах.

– Говорят, картины Лотмана после его смерти выросли в цене, – заметил Максимильян вроде бы не к месту, а я вновь подумала: уж не читает ли он мои мысли? При всем скепсисе и подозрении, что он мошенник, подобное меня, как ни странно, вряд ли бы удивило. Человек, безусловно, может обладать необычными способностями, кто же спорит. Вопрос в том, как он их использует. Желание морочить гражданам головы благородным никак не назовешь.

– Ты жаловался на избыток версий, – сказал Вадим, вертя в руках мобильный. – Как насчет мести?

– Многообещающе, – сказал Бергман в своей обычной манере, а Вадим продолжил:

– Я тоже так думаю. И то, что киллер у нас новичок, становится вполне объяснимым. Он не киллер, он – мститель. Оттого был спокоен, считая, что его дело правое.

Кажется, Вадим уже не сомневался в моих словах по поводу киллера, мне бы порадоваться такому внезапному доверию, а я затосковала: вдруг я ошиблась? И мои ощущения заведут расследование бог знает куда?

– Есть идея, кто и за что мстил? – спросил Димка.

– Нет. Но судя по всему, старикан был совсем не прост. Я обежал его друзей-приятелей из числа местных художников. Занятная публика. В основном сильно пьющая. Трое допились до «белочки», с ними говорить было особенно интересно. Лотмана они терпеть не могут, потому что он

выскачка и бездарь.

– И один из них на пару с «белочкой» Лотмана и порешил? – с серьезной миной уточнил Поэт.

– Вполне ничего себе версия, – кивнул Вадим. – Некто Николай Борзенко, на всякий случай сообщаю, если вы не в курсе: вот он как раз лучший из ныне живущих художников, в смысле таланта и вообще... так вот, Коля шепнул по секрету: Лотман не только конъюнктурщик и лизоблюд, но и форменный монстр, своими руками убил человека. И человек этот – его зять. Он считал его недостойным своей дочери, а она упорно держалась за муженька. И тогда Лотман с ним безжалостно разделался. К тому моменту Коля был на подступах к нирване, и я решил, что он бредит. Но на всякий случай проверил обстоятельства кончины Гаврилы Мызина, покойного зятя Лотмана.

– И что? – насторожилась я.

– Может, Коля, конечно, и бредил, а может, и нет. Зятек был наркоманом со стажем, но никогда не кололся. Парень вполне интеллигентно нюхал кокаин, пока в один условно прекрасный день вдруг не перепутал его с герычем. Нюхнул, а сердчишко-то и остановилось.

– А такое возможно? – спросил Дима, чем порадовал: о наркоте ему практически ничего не известно, а то, что мой любимый фильм не является его любимым, я уж как-нибудь переживу.

– «Криминальное чтиво», – напомнила я присутствующим. – Знаменитая сцена, где Траволта делает жене своего босса укол в сердце. Это последствие. А причина остановки сердца как раз та, о которой говорит Вадим. Мия – любительница кокаина, находит в кармане плаща героя Траволты пакетик с героином, который он, само собой, приготовил для себя.

– Они что, одно от другого отличить не могут? – вновь порадовал Димка.

– Они обычно очень спешат, – разулыбался Вадим. – Короче, братья и сестры, парень отдал богу душу, потому что рядом никого не оказалось и укол в сердце сделать было некому, если б такая идея и возникла. Обнаружили его только через сутки. Дочь Лотмана в это время принудительно гостила у папаши. Он увез ее от мужа практически насильно, заявив, что лишит ее материнских прав. Запросто мог подсунуть зятю героин, а тот на радостях разбираться не стал, откуда вдруг такое счастье.

– А что, мне нравится, – кивнул Димка. – Осталось придумать, кто мстил за Гаврилу. Близкая родня у него есть?

– Мать-старушка. Она, кстати, тоже утверждала, что сына на тот свет спровадил тесть. Специально, мол, приезжал, чтоб наркотик подбросить, и Веру увез, оставив сыночка без помощи. Поначалу она даже пыталась отрицать, что сын – наркоман. Ее быстро вразумили, а все ее заявления после этого не особенно впечатляли. Плохо мы знаем своих детей и до последнего верим в их непорочность.

– У тебя есть дети? – удивилась я.

– Нет. Может, и зря. Как считаешь?

– Для начала следует жениться.

– И как это связано? – фыркнул он, а я засмеялась.

История, рассказанная Вадимом, была, безусловно, поучительной (если берешься что-то нюхать, то хотя бы знай, что), но скорее бесполезной, поэтому внезапный интерес к ней Бергмана удивил.

– Можешь отыскать мамашу? – повернулся он к Димке.

– Само собой.

Димка достал из сумки ноутбук и застучал по клавишам, а я позволила себе публичное сомнение.

– Ты допускаешь, что киллера наняла мать Мызина?

– Чего на свете не бывает, – ответил Бергман. – Но дело даже не в этом. Любую информацию всегда стоит проверить. Тем более что родная дочь Лотмана, если верить домработнице, обвиняла его в этом убийстве. Что мы имеем сейчас? Известный художник, уважаемый человек, у которого, безусловно, были завистники и которого могли ограбить, а при ограблении с перепугу расстреляли всю семью. Но у Лотмана вряд ли были враги, способные нанять киллера. История Моцарта и Сальери широко известна, но Сальери не посягал на все семейство.

– Мамаша Мызина всех порешила, включая собственную внучку? – оторвав на секунду взгляд от экрана, спросил Димка.

– Ну, внучка-то как раз жива, – ответил ему Вадим. – Это во-первых. А во-вторых... я понял, что имеет в виду Джокер: одно дело добропорядочный отец семейства, и совсем другое – дядя, способный отправить на тот свет зятя-наркомана. Возможно, кто-то посчитает: он поступил правильно. Но убийство – это убийство, и в связи с этим возникает вопрос: а на что еще был способен наш гений?

– Версии множатся, интересно, до чего мы еще додумаемся. Адрес есть, скинул вам его СМС.

– Отлично. Мы с Девушкой навестим Мызину. Ты работой обеспечен, а ты... – тут Бергман повернулся к Вадиму, – поговори со своими многочисленными знакомыми из тех, что не дружны с законом.

Поинтересуйся, что они думают об убийстве Лотмана.

- Надеешься, кто-то киллера искал?
- Киллера или оружие. Вдруг повезет.
- Не возражаешь, если я здесь останусь? – спросил Дима.
- Конечно, нет.

Втроем мы вышли из кабинета и покинули дом. Во дворе стояла машина Бергмана, свою Вадим бросил на улице. Он помахал рукой нам на прощание и направился к калитке, а я с досадой подумала: всем есть чем заняться, чего не скажешь обо мне. И то, что Максимильян тащит меня с собой, это лишь подтверждает. Толку от моего присутствия мало, а деньги получаю наравне со всеми. Ясно, что в команде я не для того, чтобы напрасно наличные переводить, цель у Джокера иная и разуму моему пока недоступная.

Ехать было довольно далеко, и я внезапно погрузилась в размышления о правах наследования, в которых, если честно, мало что смыслила. Все, что имел Лотман, переходит к его внучке. А если бы девушке не повезло и она погибла так же, как ее мать, дед и тетка? Другой родни у Лотмана нет. Будь отец Нади жив, мог претендовать на имущество Лотмана как наследник своей дочери. А его мать, соответственно, наследует ему. И тогда выходит: дело вовсе не в мести или не только в ней. Но убить собственную внучку? Это, пожалуй, слишком. Хотя, может, она своей ее не считала. И такое бывает. Однако с наследством все как-то туманно. Бергмана спросить, что ли? Он наверняка знает.

– То, что Надежда выжила, могло стать для Мызиной неприятным сюрпризом, если она рассчитывала получить деньги, – вдруг сказал он.

«Это день такой сегодня, – подумала я. – Или он в самом деле провидец. Распрекрасно считывает мои мысли и отвечает на вопрос, не дождавшись, когда я его задам».

- По-твоему, это возможно? – спросила я.
- С хорошим адвокатом, точнее с хорошими деньгами, можно многое.
- Я не об этом. Ты в самом деле думаешь, что родная бабка...

– Надежда дважды сказала, что у нее никого нет. Никого. Такое впечатление, что о существовании родной бабки она даже не знает. Судя по всему, они не общались. Лотман наверняка был против. В любом случае мы скоро все узнаем.

Между тем мы оказались в пригороде, узкая улица шла вдоль реки, дома прятались за высокими заборами. Среди них изредка попадались двухэтажные, на несколько квартир, построенные лет пятьдесят назад. Выглядели они неважно. Возле одного такого дома мы в конце концов

и остановились.

Окинув взглядом обшарпанный фасад, Бергман сказал:

– Небогато.

– Сомнительно, что у старушки есть деньги оплатить услуги киллера, – кивнула я, выходя из машины следом за ним.

– Рассчитывала расплатиться позднее, получив наследство, – отозвался он.

Очень скоро стало ясно: Мызина уже мало на что рассчитывала в этой жизни. Поднявшись по шаткой деревянной лестнице на второй этаж, мы позвонили в дверь, обитую искусственной кожей. Дверь оказалась чуть приоткрыта, и меня это, признаюсь, в первый момент напугало. Мелодия звонка звучала оглушительно громко, и тут женский голос нараспев произнес:

– Иду, иду... – Дверь распахнулась, и мы увидели пожилую женщину в халате в горошек, седые волосы были собраны в пучок на макушке, очки в пластмассовой оправе висели на цепочке. Она водрузила их на нос и с любопытством посмотрела на нас, словно раздумывая, улыбнуться или нет, и в конце концов улыбнулась. – А вы кто?

– Клавдия Александровна? – вопросом на вопрос ответил Бергман.

– Так вы к Клаве? – обрадовалась женщина. – Проходите. Только она сейчас спит. Медсестра была полчаса назад. Проходите, проходите.

Мы вошли в тесную прихожую, женщина махнула нам рукой, призывая следовать за ней, и мы оказались в кухне, миниатюрностью способной поспорить с прихожей. Однако все необходимое для жизни сюда каким-то чудом уместилось.

– Не хочу Клаву беспокоить, – перешла на шепот женщина. – Пусть немного поспит. Я вас пока чаем напою. Вы садитесь...

Оглядевшись, Бергман от чая отказался и предпочел стоять. Я тоже оглядывалась, но в отличие от него делала это сидя, устроившись на табурете, сиденье которого покрывал цветастый коврик. Либо подарок хозяйке, либо она сама рукодельница. Чаю мне налили в бокал со щербатым верхом и поставили на стол вазочку с клубничным вареньем.

– Спасибо, – сказала я, женщина кивнула.

– Не обижайтесь, я чай не буду. С медсестрой только что выпили. Она Клаве капельницу ставила. А я соседка. За Клавой присматриваю. В собесе меня официально оформили, когда с ней болезнь случилась. Деньги плевые, но не в них же дело. Мы двадцать лет дверь в дверь прожили, помогали друг дружке, как могли, а теперь такая беда. Она ведь одинокая...

– А как же внушка?
– Что внушка...
– Люба... – услышали мы голос из комнаты. – Кто пришел?
– Гости к тебе, Клава. Я их чаем пою. Идемте, уж коль не спит, – сказала она нам.

Единственная комната оказалась большой, метров двадцать пять, все здесь было потрепанным и потертым, как символ жизни не очень удачной и уже подошедшей к концу, когда обои, ковры и диваны не имеют никакого значения. Вплотную к окну стояла кровать. Женщина, лежавшая под толстым одеялом, повернулась, равнодушно наблюдая за нашим приближением. Исхудавшие руки застыли поверх одеяла, из вены торчал катетер. Бескровное лицо выглядело измученным, серая тонкая кожа, покрытая сетью морщин. Только глаза еще жили. Я так явственно почувствовала присутствие смерти, как будто она вежливо ждала за дверью.

– Здравствуйте, Клавдия Александровна, – сказал Бергман, ухватил за спинки два стула, подтянув их поближе, один предложил мне, на другой сел сам. – Как себя чувствуете?

– Жива, и слава богу.
– Капельницу поставили, давление нормальное, – заговорила соседка.
– Все будет хорошо, – произнес Бергман, в голосе не было и намека на показную заботу, в нем звучало искреннее сочувствие.

На женщину его слова произвели неожиданное впечатление, в глазах заблестели слезы, она как-то вся потянулась к нему навстречу, а он взял ее руку и теперь баюкал ее ладонь в своих ладонях. И она задышала ровнее, как-то разом обмякнув, успокоившись. Невероятно, но даже на щеках ее появилось подобие румянца.

– Все будет хорошо, – повторил Бергман с улыбкой, а я смотрела на него с весьма противоречивыми чувствами. Я не видела в нем человека, способного сострадать, и теперь злилась то ли на него за возможное притворство, то ли на себя за нежелание разглядеть в нем что-то доброе. «Между прочим, – напредила я себе, – обвинить мне его, по сути, не в чем. Я упорно считаю, он морочит людям головы без особых, кстати, доказательств».

– Инфаркт у нее случился три месяца назад, – заговорила соседка. – Четверо суток в реанимации, затем три недели в больнице. А потом выписали... Ничего, держимся. Бог даст, осенью опять за грибами пойдем. Да, Клава?

– Ваша внушка знает... – начала я, соседка готовилась, что-то ответить,

но Клавдия Александровна ее опередила.

– Внучку ко мне не пускали. Я ее видела всего-то два раза. Ее ведь дед у родителей отобрал. Я приехала к нему, чуть ли не на коленях стояла, чтобы хоть показал. Разрешил к ней в комнату зайти, но к кровати близко не подпустил. Смотрю, лежит младенец, точно ангел. Такой в памяти осталась. А как сын погиб, Лотман сразу сказал: «Тебе в моем доме не место». Сначала Вера хоть фотокарточки внучки присылала... На последней Наде четыре годика. Вон в шкафу стоят.

– Вы знаете, что Лотмана больше нет? – спросил Максимильян.

– Знаю, – кивнула женщина. – Делать мне нечего, вот я то телевизор смотрю, то радио слушаю. По радио и сказали. Грех, только мне его не жалко. Ни его, ни Веру. Надя, слава богу, жива. Ей-то за что такое, ребенок совсем.

– Мы занимаемся расследованием гибели Лотмана. И нам очень важно знать, что произошло с вашим сыном.

– Лотман его убил. Натан Давыдович. Что бы мне ни говорили, но я это знаю. Знаю. Понимаете? Он Гаврюшу терпеть не мог. Не их круга, безотцовщина, всяких умных слов не нахватался. А его Вера много умных слов знала, да что толку? Свою жизнь сгубила и сына моего в могилу свела. Они случайно познакомились, в сквере. Он там на велосипеде катался. Не больно Гаврюше она поначалу и нравилась, он мне говорил «странная она какая-то», но вцепилась в него, точно клещ. И пошло-поехало. Сначала техникум бросил, мол, ни к чему он мне, потом компании с выпивкой... А порошок этот она до него нюхала. И его приучила. Я ее поймала однажды. Пришла она к нам, и в ванную, а там замок хлипкий... Я сначала ничего не поняла, сидит перед унитазом, крышка закрыта, и порошок какой-то... «Что это, Вера?» – говорю. А она меня из ванной вытолкала и орет: «Что вы везде лезете!» Я о наркоманах, конечно, знала, но думала, они все колются. Потом поняла, что к чему. И очень за сына испугалась. Уговаривала его бросить эту Лотманшу, не будет с ней счастья. Но он к тому моменту совладать с собой уже не мог. Женился. Как только Надя родилась, Натан ее у дочери отобрал. А она и рада. Другая бы мать за своего ребенка... а этой хоть бы что, лишь бы отец денег давал. А деньги шли на пьянки-гулянки. Натану это не нравилось, ясное дело, да не того он в этом винил. Дочь выгораживал, хотя как же иначе? Понять я его могу. Жили молодые то врозь, то вместе. Отец пригрозит, что денег не даст, и Вера к нему возвращается, а потом опять сбежит к Гаврюше. Должно быть, все-таки любила его. Отцу бы смириться, Надю бы им отдать, помочь на первых порах, все бы и наладилось. А он по-другому рассудил. И сынок

мой погиб. Никогда им не прощу... – Она помолчала немного, глядя в потолок и пытаясь справиться с рыданиями.

– Почему вы решили, что наркотик подбросил Лотман?

– Вера мне сама на похоронах сказала... Плакала, рыдала и на гроб кидалась. Отца-то рядом не было, не пришел он. Я сначала думала: не в себе она. А потом узнала, что в тот день Лотман заглядывал к ним и даже с Гаврюшей говорил, чаю выпил, раньше такого никогда не было... В общем, стало ясно: неспроста она те слова сказала. Хотела с Верой поговорить, но отец ее уже от себя не отпускал, позвонила ей, она твердит: не помню, что на похоронах было. Но я все равно в полицию пошла. Да без толку. Лотман – знаменитый художник, а у меня сын наркоман и жена его тоже. Что угодно могла наболтать. Вот и все. Ни ее, ни внучку я больше не видела. Когда в больнице оказалась, Люба им звонила, просила с Надей прийти. Не пришли. Наде она, поди, ничего и не сказала. Хотелось бы с внучкой проститься, но... может и лучше... что друг другу-то сказать... совсем чужие люди. Она без меня росла. А я вот одна... хорошо Люба, дай бог ей здоровья, меня не бросает. Я ей квартиру подписала. Еще когда в больнице была, попросила юриста прийти и подписала. Как положено.

– Да ты с ума сошла? – ахнула Люба. – Я что, ради квартиры? У тебя внучка есть, пусть не виделись, но кровь-то родная...

– Наде моя халупа без надобности, а тебе очень пригодится. Вовке, внуку, будет где жить. При свидетелях говорю: подписала еще три месяца назад, в здравом уме. Никто меня не принуждал, чтоб потом на подружку мою не наговаривали. – Она тяжело вздохнула и отвернулась.

В комнате ненадолго повисла тишина, Люба вытерла нос платочком, не зная, то ли радоваться, то ли бежать от наследства отказываться, а Клавдия Александровна продолжила:

– Правду говорят, один грех порождает другой. Он убил, теперь его убили. Да еще с собой дочь с сестрой уволок. А Надю увидите, скажите... да ничего не надо... Я молиться за нее буду, пока жива.

Бергман кивнул, поднимаясь, простился с Клавдией, повторив «все будет хорошо», и мы, сопровождаемые Любой, пошли к выходу.

– Я и знать не знала... Надо же, – бормотала она. – Вот надумала подруга. Еще поживем, даст бог, а она – завещание.

Мы садились в машину, я не выдержала и спросила:

– Она умрет сегодня?

– Ты же знаешь, – пожал он плечами.

– Господи, – покачала я головой в отчаянии, а Бергман улыбнулся:

– Она умрет во сне. Просто уснет и не проснется. Даже испугаться не успеет. Хорошая смерть.

Я не спрашивала, откуда он может это знать, потому что тоже знала: все будет именно так. А еще мучила догадка: Бергман к этому как-то причастен, словно он не просто считывает информацию, а может влиять на события, что уж вовсе никуда не годилось. Себя он называет падшим ангелом... да хоть господом богом... Но на душе было беспокойно, вот я и поспешила заговорить о нашем расследовании.

– Мызину из списка подозреваемых можно смело вычеркнуть. Горячие головы могли бы предположить, будто она квартиру уже продала и вырученные деньги потратила на киллера, но мысль откровенно бредовая. Хотя бы потому, что убивать собственную внучку ей бы и в голову не пришло.

– Внучку не убили, – заявил Бергман. Данную фразу я уже слышала, и сейчас это вызвало раздражение, не его страсть к повторам, а дух противоречия, который угадывался в этих словах. – Предположим, киллер и не собирался в нее стрелять. Но что-то пошло не так... и он был вынужден. Я просто хотел напомнить: пока мы не поймали убийцу, ни одной из версий пренебрегать не стоит.

– Но ты ведь знаешь: Мызина ни при чем, – в свою очередь заупрямилась я.

– И тем не менее, – усмехнулся он.

В этот момент зазвонил его мобильный, Бергман ответил по громкой связи, и мы услышали взволнованный голос Стаса Вербицкого.

– Максимильтян Эдмундович, – торопливо заговорил он. – Извините за беспокойство, но... мне нужна ваша помощь. Срочно. Если честно, я не знаю, что мне делать...

– Я тоже, пока вы не объясните, что случилось.

– Извините, – повторил Стас. – Я сейчас в доме Лотмана. Вы могли бы подъехать? Мне очень нужна ваша помощь или хотя бы совет...

– Хорошо, – неохотно согласился Бергман.

– Он больше не наш клиент, – напомнила я.

– Точно. Но дело, скорее всего, касается Лотмана. А вот за расследование его убийства нам как раз и платят.

Он развернулся, и мы помчались к дому Лотмана. Еще издали я увидела машину Вербицкого. Весьма скромный внедорожник, побитый жизнью и нерадивым водителем. Стас нервно расхаживал рядом, держа руки в карманах брюк. Заметив нас, бросился навстречу, точно мальчишка в надежде на долгожданный подарок.

– Спасибо, что приехали, – сказал он, пожимая руку Бергмана обеими руками.

– Может, вы наконец объясните, что произошло? – Тон Максимильяна ясно говорил о том, что, если Вербицкий теперь не наш клиент, тратить на него свое время никто не собирается.

– Я все по порядку. Наде необходимы кое-какие вещи, но она категорически отказывалась ехать сюда. И я поехал сам. Она дала мне список и объяснила, где что лежит. И, разумеется, дала ключи. Вчера Наде звонила домработница, точнее, уже бывшая домработница. Сказала, что увольняется. Хотела встретиться с Надей, отдать ключи, и все такое. Надя отказалась. Договорились, что ключи домработница оставит на консоли, а дверь черного хода просто захлопнет. Я приехал полчаса назад и... дверь была открыта. Парадная дверь, понимаете? Просто прикрыта, но не заперта. Ключи действительно лежали в холле. Я обошел дом, вроде бы ничто не указывает на ограбление, в доме порядок, но... здесь картины по всему дому, и я понятия не имею, все на месте или нет. И вообще, мало ли тут чего могло быть? Ведь Лотман – коллекционер... Отсутствие беспорядка – это еще не гарантия, что ничего не украли.

– Совершенно справедливо, – кивнул Бергман. – От меня вы что хотите? Вообще-то в таких случаях принято звонить в полицию.

– Господи, как вы не понимаете, – чуть не плача всплеснул руками Вербицкий. – Все дело в Наденьке. Я сразу же ей позвонил, лишь только обнаружил дверь открытой. Но она даже слышать не хочет о том, чтобы сюда приехать. Сказала, что все равно не знает, сколько у деда картин и где они должны находиться. И вообще ее это не волнует. И теперь я в полном замешательстве. Вызвать полицию – это значит подвергнуть Надю ненужному стрессу, она единственная владелица, и ей обязательно захотят задать вопросы. Не вызывать? А вдруг действительно что-то пропало? Максимильян Эдмундович, да сделайте же наконец что-нибудь!

– Хотите леденец? – совершенно серьезно предложил Бергман.

– Что?

– Леденец. Вы просили что-нибудь сделать, я делаю. Только на самом деле вы просите не об этом, вы хотите, чтобы я взял всю ответственность на себя. И даже не задаетесь вопросом: а зачем мне это?

– Но как же... я ваш клиент. Не надо слушать, что говорит моя мать...

– Хорошо, – перебил Максимильян. – Давайте для начала войдем в дом.

Стас, который после этих слов Бергмана заметно приободрился, затрусил к парадному входу, продолжая что-то говорить. Я не особенно

вслушивалась, потому что стало ясно: добавить к своему рассказу ему нечего. Холл был в образцовом порядке, сигнализация отключена. Я вдруг поняла, что никакие силы небесные не заставят меня заглянуть в столовую, а Бергман именно туда первым делом и направился. Я села на банкетку и в ожидании, когда он вернется, разглядывала мозаичный пол под ногами. «Неужели это убийца возвращался сюда? – подумала я с сомнением. – Зачем? Оставил здесь что-то важное? Маловероятно, ведь сыщики тут не раз все осмотрели. А если это нечто такое, на что сразу внимания не обратишь, и понять значение этой самой вещи могла только Надя, которую вот-вот должны выписать из больницы? Убийца возвращается, забирает то, что хотел, и спокойно уходит. А почему дверь не запер? В прошлый раз он воспользовался своими ключами, следовательно ключи, лежащие на консоли, ему без надобности.

Вернулись Стас с Бергманом. Максимильян, взглянув на меня, обошелся без вопросов. А вот я спросила:

– Ну как?

– Если и грабители, то на редкость интеллигентные, – усмехнулся Максимильян. – С врожденным отвращением к беспорядку. В дом проникли предположительно через веранду, стекло в двери разбито. Идем в мастерскую.

Вот там-то нас и поджидал сюрприз, не успели мы переступить порог, как Бергман сказал:

– Не хватает двух картин, а еще иконы, вот здесь в углу. Икона девятнадцатого века в серебряном окладе. Стоит вполне прилично.

– Две картины и икона? – ахнул Стас. – Вы уверены?

– Вчера они точно были тут.

Я прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить, как все выглядело в мой прошлый визит. Бергман прав. Одна картина стояла прямо на полу, возле окна, вторая на специальной подставке-треноге. Пейзажи. На первом – мельница с огромным колесом, река, уходящий за горизонт лес. На втором – деревенские домики вдали, поле с пересекающей его пополам дорогой. Крестьянская лошадка, запряженная в телегу, и сам крестьянин спиной к зрителю. Вроде бы так. Икона в углу, богоматерь Владимирская. Серебряный оклад. Вчера на все это я мало обращала внимание, но легко смогла восстановить увиденное, стоило сосредоточиться и представить, что я переместилась на несколько часов назад. А раньше я так умела? Смешно, но с уверенностью на этот вопрос не ответишь.

– Что же делать? – трагически спросил Стас.

– Вызывать полицию, – ответил Бергман. – Если не хотите, чтобы вас

потом обвинили в краже.

– Меня? Да с какой стати? – возмутился он.

– Тогда звоните... примерно через полчаса. Этого времени нам хватит, чтобы все осмотреть.

Бергман неспешной походкой отправился дальше, я за ним, Стас с видом побитой собаки плелся рядом. Осматриваться Бергман закончил даже раньше, через двадцать восемь минут.

– Мы уезжаем, – бросил коротко.

– Но... а как же... Я думал, вы останетесь, дождетесь их вместе со мной.

– Не вижу необходимости. В прошлый раз мой компаньон все здесь тщательно сфотографировал, в том числе и картины. Если полицейским понадобятся фотографии, милости прошу. Всего доброго. – И, не обращая больше внимания на слова Стаса, который вновь принялся причитать, Максимильян подхватил меня под руку и заспешил к выходу, спросив несчастного без намека на издевку: – Вы помните, как звонить в полицию?

– Странные у нас грабители, – не удержалась я, когда дом Лотмана, а с ним и Стас остались позади. – Берут две картины и икону. Такое впечатление, схватили первое, что подвернулось под руку.

– С иконой скорее так и было, – кивнул Бергман. – А вот картины... кстати, почему картины из коллекции Лотмана стояли в мастерской?

– Они были без рам. Может, он собирался пригласить мастера? Или нуждался в них для вдохновения. Я бы сформулировала вопрос иначе: почему грабители забрали именно эти картины?

– Ты сказала «грабители»? – нахмурился он.

– Ночью здесь побывали двое. Ощущение присутствия двоих... Они ругались. Один что-то доказывал другому.

– Отлично, – улыбнулся Максимильян и потрепал меня по руке. – Ты определенно делаешь успехи. Это точно было ночью?

– Господи, ну не днем же они сюда залезли? Дом был на сигнализации?

– Нет. Домработнице код неизвестен.

– Эти двое проникли в дом, разбив стекло в двери. А убийца воспользовался ключами. Получается, убийство и кража друг с другом не связаны? Точнее, не связаны между собой стрелявший и те, кто похитил картины. Откуда все-таки у убийцы были ключи?

– Ключи, думаю, он получил от одной из женщин Лотмана: сестры, любовницы, дочери или внучки. Не обязательно, что они отдали их сами. Ключи могли ненадолго позаимствовать в той же школе или на какой-то

деловой встрече и быстро сделали слепок.

– Галина в этом смысле куда перспективнее, – ответила я. – Свистнуть ключи у Лотмана ей бы труда не составило.

– Согласен. Дамочке явно есть что скрывать. Вот что, давай заглянем к галеристу, – предложил Бергман.

– Зачем?

– Сообщим о краже, вдруг он нам сможет объяснить, что такого особенного в этих картинах?

Галерист нам ничего не объяснил, на работе его не оказалось. Наше появление девушку-администратора смутило, она смотрела на Бергмана точно голодный на похлебку и вздыхала. С одной стороны, ей вряд ли хотелось, чтобы это сокровище развернулось и покинуло ее художественный мир, с другой – совсем не хотелось лишиться работы. В общем, ум с сердцем были не в ладу, оттого она путалась в речах и мыслях, но главное мы уловили: сегодня Шацкий появился здесь утром, и всего на час. В одиннадцать уехал и сказал, что до завтра его не будет. Ближе к обеду она пыталась до него дозвониться, но он не ответил.

– Как считаете, у нас есть шанс застать его дома? – спросил Максимильян. Девушка пожала плечами:

– Думаю, да. Если не сейчас, то позднее.

– Тогда буду вам очень признателен, если вы сообщите мне его адрес.

Адрес она дала. Написала на бумаге дрожащей рукой и протянула Бергману. Губы ее дрожали в такт рукам, девушка была готова расплакаться. Мы простились, стоило нам покинуть галерею, как улыбка исчезла с физиономии Бергмана, теперь он хмурился, то ли размышляя, то ли был чем-то недоволен.

Оказалось, что Шацкий живет совсем рядом. Прямо за галереей начинался небольшой переулок, выходящий к Вознесенской церкви, он тонул в зарослях сирени и акации. Движение в переулке было односторонним, и нам пришлось сделать изрядный крюк, чтобы там оказаться. Особняки, сохранившиеся еще с тех пор, когда около Вознесенской церкви селилось местное купечество, не потрясали размахом, скорее добротностью, и выглядели куда лучше многих новых сооружений. Почти во всех размещались офисы, а также два банка и один ювелирный магазин. Каким образом Шацкий отхватил тут квартиру, оставалось лишь гадать, учитывая, что их здесь в принципе нет, но, как известно, чудеса все-таки случаются. Тут я призвала себя к порядку: хватит язвить, может, жилье ему по наследству досталось? И он потомок какого-нибудь славного купеческого рода?

Нужный нам дом под номером четырнадцать выглядел скромно: двухэтажное оштукатуренное здание, выкрашенное белой краской. Внизу фирма «Орион» предлагала лучшие в мире снегоходы и гидроциклы, а на втором этаже квартира Шацкого. Вход в квартиру был со двора.

Оставив машину под окнами «Ориона», мы вошли в арку и оказались в аккуратном дворике. Совсем рядом – металлический забор гостиничного комплекса «Вознесенская слобода», к нему вела дорога, вполне, кстати, приличная, наверное, потому, что ею мало кто пользовался. Чтобы достичь ворот гостиницы, куда удобнее выбрать другой путь, с улицы Гагарина.

Я оглядела заросли штокрозы, деревянную беседку, увитую хмелем, скамеечку возле стены и позавидовала чужому счастью. Штокроза Бергману не показалась особенно интересной, он сразу направился к металлической двери, снабженной солидной табличкой с надписью золотыми буквами «Шацкий Л. В.». Над звонком висела небольшая мозаичная картина, изображающая парусник, скорее всего сувенир, привезенный откуда-нибудь из Испании. На двух окнах второго этажа рольставни были опущены.

Бергман позвонил, и некоторое время мы ждали, Максимильян разглядывал окна, а я полюбившуюся мне беседку. Бергман позвонил еще два раза, прежде чем я сказала:

– Его нет.

Максимильян кивнул, и мы вернулись к машине. Только он завел мотор, как объявился Вадим, само собой, по телефону.

– Позвонила Надя, – сообщил он; судя по звукам, которые доносились до нас, Воин, так же как и мы, находился в машине. – Она на даче, километрах в десяти от города. Поселок «Заречный».

– Чья это дача? – спросил Бергман.

– Вербицкая срочно сняла ее на пару месяцев. Через риелторскую контору. В общем, все в лучших традициях потомственных идиотов. Надя там с этой озабоченной теткой и ее дочерью. Стас уехал за ее вещами. Кроме них, на даче ни души. При желании ее найдут за полчаса, хотя Поэту понадобилось бы гораздо меньше времени.

– Стас, скорее всего, все еще в доме Лотмана. Оттуда ночью увели две картины и икону.

– А почему только две?

– Если мы ответим на этот вопрос, значительно продвинемся в расследовании.

– Выходит, все упирается в какие-то картины? – фыркнул Воин.

– Не будем спешить. Пока.

Он отключился, а я спросила:

– Куда теперь?

– Домой. Полицейским пора заинтересоваться пропавшими картинами, не удивлюсь, если они уже пасутся возле наших ворот.

Но никакого оживления около «дома с чертями» не наблюдалось. Полицейские то ли Стасика еще вопросами изводили, то ли в принципе никуда не торопились.

– Отлично, – сказал Бергман, когда мы вошли в дом и Лионелла доложила, что его никто не спрашивал. – Сможем спокойно пообедать, а потом я ненадолго отлучусь.

– Я у себя пообедаю, – сказала я, направляясь в комнату за вещами.

– У себя? – переспросил Бергман, хотя проблем со слухом у него точно не было.

– Ну да, – кивнула я. – Злоупотреблять твоим гостеприимством не стоит.

– Чушь. Живи сколько хочешь.

– А я уже не хочу.

– Будет лучше, если ты останешься здесь, – заявил он, нахмурившись.

– Кому будет лучше?

– Временами ты бываешь на редкость занудлива. Лучше для меня. Такой ответ устроит? Ты скрашиваешь мои унылые вечера.

– Может, тебе завести подругу? Сегодня одна девица в галерее смотрела на тебя с большим интересом.

– Если мне понадобится сваха, я сообщу, – отрезал он. – У меня есть причины считать, что тебе лучше остаться. Но обсуждать их я не намерен. Ты останешься?

– Нет.

– Хорошо, – пожал он плечами. – Отвезти тебя домой?

– Прогуляюсь.

– Тогда оставь вещи здесь. Возможно, ты еще сюда вернешься, если нет, я их привезу позднее. Или сама заберешь.

Спорить я не стала, прежде всего потому, что болтаться с сумкой по городу совершенно не хотелось. Барахла и дома достаточно, а зубную щетку куплю по дороге.

Попрощавшись с Максимилианом и появившейся из столовой Лионеллой с бессмертной фразой «кушать подано», я все-таки решила заглянуть в букинистический магазин Бергмана, что находился на первом этаже. Выпила чаю с милейшим Василием Кузьмичом и послушала увлекательный рассказ о «Молоте ведьм» – руководстве для пытарей-

инквизиторов.

– Редчайшая книга, – восхищался он. – Обратили внимания на год издания? – тыча пальцем в страницу с разводами плесени, спросил он.

– Верю, что книга прекрасна во всех отношениях, но я бы предпочла что-нибудь более оптимистичное. Василий Кузьмич, вам никогда не приходило в голову, что во времена инквизиции вашего хозяина сожгли бы в числе первых? И вас за компанию тоже.

– Непременно бы сожгли, – обрадовался он. – Но вы знаете, было бы заблуждением считать, что инквизиторы сплошь необразованные садисты, и среди них встречались выдающиеся люди.

– Это вы к чему? – не поняла я.

– Кто знает, чью сторону принял бы наш хозяин? – улыбнулся он, а я подумала: с чего он взял, что Бергман и мой хозяин тоже, употребляя местоимение «наш». Можно утешаться тем, что старикан просто оговорился, но это никакая не оговорка. Все, кто находится рядом с Бергманом, непременно попадают под его влияние.

Из магазина я отправилась не домой, как вроде бы собиралась, а к Димке. То ли мысли о святой инквизиции подействовали (уж мне-то их застенков точно бы не миновать), то ли чувство вины, которое тоже присутствовало после нашего последнего разговора.

Я шла, разглядывая вывески на фасадах домов, и думала о том, что любовь приносит с собой не только радость, но еще и сомнения, беспокойство и обиды, дурацкие и вполне серьезные. Мы с Соколовым любовники без году неделя, а уже обзавелись персональными тайнами. Причем новыми, о старых я даже не упоминаю.

Если бы я воспользовалась такси или любым другим транспортом, то двигалась бы к его дому со стороны проспекта. Но, успев устать от ходьбы, а еще больше от своих размышлений, я решила сократить путь и дворами вышла на его улицу, как раз напротив кафе «Ля фамилия», на открытой веранде которого и увидела Димку. Не одного, а в компании светловолосой девицы лет под тридцать. Они сидели за столиком у самого ограждения, и я прекрасно видела обоих, а вот Дима, занятый разговором, на меня попросту не обратил внимания. Наличие в его жизни этой девицы очень мне не понравилось, но с выводами я решила не спешить и, удалившись на безопасное расстояние, укрылась в подворотне. Парочка и отсюда была как на ладони, а меня теперь вряд ли заметят.

Димка пил сок из бокала и слушал девицу, глядя не на нее, а куда-то вбок. Это мало походило на любовное свидание. Они не держались за руки, не обменивались игривыми взглядами, девушка что-то говорила, а Димка

раздраженно кивал. Ее лица теперь я видеть не могла, но, судя по всему, разговор был неприятен обоим.

В какой-то момент Димка резко поднялся с намерением уйти, но девушка схватила его за руку, принуждая сесть, что он и сделал без всякой охоты. Положил ладонь на лоб, точно загораживаясь от собеседницы и от ее слов, низко опустив голову. Она закурила, и разговор, видимо, пошел спокойнее.

Димка допил сок и вновь стал смотреть куда-то вдаль, вроде бы о чем-то размышляя. Девушка докурила, взяла свою сумку, стоявшую на соседнем стуле, и, поцеловав Димку в щеку, поспешно покинула кафе. Он проводил ее взглядом, а потом просто сидел, вытянув руки, и вертел пустой стакан. Официант подошел к нему, они перекинулись парой слов, и, получив счет в кожаной папке, Димка оказался предоставленным самому себе. Больше его никто не беспокоил.

Потосковав в подворотне еще минут пять, я достала мобильный и набрала номер Соколова. Его телефон лежал на столе, он взглянул на дисплей и нахмурился. Мобильный в руки все-таки взял, но отвечать не торопился, видимо, размышлял, стоит ли делать это вообще. Я собралась дать отбой, но тут он вдруг решился.

– Привет, – услышала я его голос.

– Привет. Чем занят?

– По тебе скучаю.

– Почти поверила.

– Это правда.

– Тогда давай встретимся.

Похоже, мое предложение энтузиазма не вызвало.

– Сейчас не могу. Надо закончить работу.

– Значит, увидимся завтра. От Бергмана я съехала.

– Почему? – насторожился он.

– Чужие тайны в руки не даются. Чего ж тогда там жить? У себя мне больше нравится.

– Есть новости? – перешел он на безопасную тему, где можно было не врать и, следовательно, на вранье не быть пойманным.

Я рассказала о новостях, думая о том, что все в моей жизни незамысловато повторяется. Большая любовь вроде бы поманила, но в руки не далась. Я шпионю за любовником, слушаю его вранье и вру сама. Самое время согласиться с Джокером...

Эта мысль вызвала гневный протест, и я тут же придумала Димке оправдание, да не одно и даже не два. Мы тепло простились: «Пока,

милая», «Пока, пока, любимый», и я побрела к дому, а он остался сидеть на веранде кафе.

Меня ждал унылый вечер, полный сожалений, а его, надеюсь, нечто куда более увлекательное. Хотя кто знает.

В половине первого я выключила свет, решив, что пора на покой, и тут пришло СМС. Еще только потянувшись за мобильным, я знала, что сейчас прочту. И не ошиблась. «Хочешь знать, кто он?» Еще как хочу. Еще больше хочу знать, кто ты такой, любитель поиграть в прятки. На ум пришла светловолосая. Мелкая пакость сопернице? Есть любительницы подобных шуток. Почему бы не поговорить об этом с Димкой? Просто поговорить и... Вряд ли получится. С Вадимом? Он должен знать, что с другом происходит... Еще лучше начальству пожаловаться, как в прежние времена, жаль, нет над Димкой начальства. Если только Бергман. «Два СМС, – проваливаясь в сон, подумала я. – Интересно, что будет в третьем?»

Я проснулась в восемь и решила еще часик поваляться в постели, но меня безжалостно поднял звонок мобильного. Звонил Вадим.

– Счастье мое, у нас ЧП, кто-то пытался добраться до девчонки.

– Ты имеешь в виду Надю?

– Кого же еще? С ней все в порядке, но семейка нервничает. Кто знает, что им там привиделось, Джокер велел разобраться.

– Сам он не поедет?

– Нет. Сказал, нас с тобой за глаза... Я уже у тебя под окнами.

Я вскочила, заправила постель, успела умыться и вышла из ванной как раз в тот момент, когда позвонили в дверь. Вадим стоял на пороге в рубашке-поло, бриджах и шлепанцах.

– Жарищу обещают под сорок градусов, уже сейчас дышать нечем.

– Хочешь компот? Вчера сварила.

– Если холодный, то давай.

Он прошел в кухню и устроился за столом, компот выпил, пока я готовила себе кофе.

– Извини, со жратвой туго, – сказала я. – Лень было в магазин идти. Ягод по дороге у бабулек купила...

– С завтраком у меня проблем нет. Подают в постель.

– Везет.

– Точно. Но и от везения иногда устаешь. Чего от Джокера сбежала?

– Я не сбежала, интеллигентно ушла, поблагодарив за гостеприимство. Мои вещи все еще живут у него, может, и я вернусь. Что случилось? – задала я вопрос, имея в виду Надю.

– Хрен поймешь. Стас позвонил Джокеру среди ночи, вопил, что кто-то проник в дом. Или пытался. Кто-то что-то слышал, особо возбужденные граждане даже что-то видели, но толком объяснить не могли. Девчонка позвонила мне в семь и сказала, что все нормально, а семейка Стаса просто неврастеники. Я склонен согласиться. Сейчас на месте разберемся.

Оставив Вадима в кухне, я прошла в гардеробную, хотела надеть сарафан, но в конце концов решила, что для дачи больше подойдут шорты и майка.

– Купальник возьми, – сказал Вадим, когда я вернулась. – На обратной дороге искупаемся.

Дача, которую снимали Вербицкие, оказалась в центре села, но на отшибе. На первый взгляд одно другому противоречит, но в данном случае все было просто: за площадью, где располагались магазин, поселковый совет и автобусная остановка, проложили еще одну улицу, отдав участки под застройку, но пока построить успели лишь один дом. Бревенчатый, с двумя симпатичными балконами на фасаде, он был огорожен невысоким забором, вдоль которого росли туи.

О своем прибытии мы сообщили заранее, Стас ждал нас возле распахнутых ворот, мы въехали на территорию и поставили джип рядом с машинами Вербицких. Синий «Мини-Купер», должно быть, принадлежал Эмме.

– Наденька спит, – сообщил нам Стас. – Остальные на веранде пьют чай.

«Остальные», это, надо полагать, Эмма и ее дочь Инна. Вместе со Стасом мы обошли дом и поднялись на веранду, где две женщины пили чай в гробовом молчании. При виде нас Эмма вытянулась в струнку, вскинув голову.

– Приветствую, – буркнул Вадим, плюхаясь на диван из искусственного ротанга, предварительно проверив его рукой на прочность.

Я села рядом с ним, Стас занял свободное кресло. Эмма метнула возмущенный взгляд, думаю, ей не понравились «вольные» манеры Вадима и наши еще более вольные наряды. Но свои порывы она решила сдерживать, только подбородок задрала выше.

– Рассказывайте, – обмахиваясь журналом, подобранным с пола, предложил Вадим.

– Я не потерплю такой тон, – рявкнула Эмма, точно плюнула.

– Мама, – прошипел Стас, а Вадим добродушно предложил:

– Вы б поберегли нервы на такой жаре... Слушаем вас очень внимательно.

– Наде мы отвели комнату на втором этаже, с балконом. Он выходит на ту сторону. Мама предпочла спать внизу, а я и Инна заняли комнаты напротив Надиной. Ночью маму разбудили то ли чьи-то шаги, то ли просто шорох. Она спит очень чутко, а здесь в сельской местности звуки разносятся далеко... Сначала она решила, что...

– Дай я сама расскажу... – нетерпеливо вмешалась Эмма. – Мой сын прав. Я сплю чутко, и я определенно слышала шаги. Определенно. Выглянула в окно, но было так темно... Господи, как люди могут жить в деревне, тут даже фонарей нет.

– Фонари есть, мама...

– Не перебивай меня... Я легла. Все было тихо. А потом... кто-то полз по стене. И не надо на меня так смотреть. Сначала я подумала, у меня просто мигрень разыгралась от этой деревенской идиллии. Я даже попыталась уснуть, но... Я пошла в кухню выпить таблетку и вновь услышала странные звуки. Как будто кто-то очень тихо разговаривал. Я поднялась до середины лестницы, прислушалась и все не могла понять, в самом деле говорят или нет? А потом до меня донеслись приглушенные рыдания. Я поняла, что Наденька... бедный ребенок... Я бросилась к ее комнате и постучала. Рыдания стихли. Но мне она не открыла. Я вернулась к себе, решив, что утром поговорю с ней. Не надо прятать от нас свою боль. Наде пока лучше жить с Инной в одной комнате, Инна такая душевная, она...

– Мама, – позвал Стас.

– Хорошо, я продолжаю... Я вернулась к себе и все прислушивалась. Уверена, Надя не спала и продолжала плакать, по крайней мере я слышала звуки... и пошла к сыну. Возможно, он смог бы ее успокоить. Сына пришлось будить, к тому моменту, когда он наконец понял, что от него хотят, в комнате все стихло. Но я настояла на том, что к Наде надо заглянуть. Дружеское участие – это так важно. Сын пошел к ней, а я спустилась вниз, но не сразу легла в постель. Подошла к окну, хотела его приоткрыть из-за духоты и... я совершенно определенно видела мужчину. Он бежал от дома к забору. Я так растерялась, что в первое мгновение остолбенела. А потом бросилась вверх, меня терзали самые худшие подозрения. Сын стоял под дверью, Надя не открывала и не произнесла ни слова. Я уже намеревалась выбить дверь, и тут эта глупышка наконец открыла. Она выглядела ужасно, вся в слезах, но, слава богу, была жива. Я собиралась вызвать полицию, однако Стас запретил, подозреваю,

он считает, что мужчина мне привиделся...

– Вам бы лучше спать по ночам, – услышали мы голос Нади, я повернулась и увидела, что она стоит в дверях, скрестив руки на груди. Волосы растрепаны, лицо помято. На ней была пижама с детским рисунком – мишка Тедди, выглядела она совсем юной, но отнюдь не беззащитной. Эмма девочку успела достать, потому что она добавила зло: – Бродите по всему дому, подслушиваете...

По лицу Эммы прошла судорога, уверена, ей стоило большого труда сдержаться, но она тут же засюсюкала:

– Мы беспокоимся за тебя, милая. Вся наша семья... что значит мое здоровье, когда речь идет о твоей безопасности. Я готова и впредь не спать по ночам...

– Только меня в покое оставьте. Сначала одна в дверь ломится, потом другой. Ночью люди должны спать, вы об этом не знали?

– Выпей чаю, – сказала Эмма, вскакивая со своего места и хватаясь за заварочный чайник.

Не обращая на нее внимания, Надя подошла к Вадиму и сказала:

– Привет. – И демонстративно поцеловала его в щеку.

– Привет, – ответил он и скроил сердитую физиономию. – Рассказывай, кто у вас тут по ночам разгуливает?

– Вот она, – кивнула в сторону Эммы девочка. – Сама не спит и другим не дает. – Раздражение в Наде все росло, должно быть, ночное приключение на нее здорово подействовало, я чувствовала ее сомнения, беспокойство, саднящую тоску, но раздражение, пожалуй, перевешивало.

Эмма вдруг разом стала сосредоточением всех бед, как это часто бывает у подростков. Из подросткового возраста Надя уже вышла, но в эмоциональном плане мало чем от них отличалась. Такое не редкость в семьях вроде лотмановской, где один человек все решает, а остальные вынуждены безропотно подчиняться. Теперь все оказалось с точностью до наоборот, Надя не желала никому подчиняться и готова была все оспаривать. Может, Стас в конце концов и получит ее деньги, но Эмме точно ничего не светит, будущая сноха ее уже на дух не переносит. На мгновение Эмму стало жаль, но тут она вновь защебетала-захлопотала, и я подумала: поделом.

С чашкой чая Надя устроилась рядом с Вадимом, его близость ее успокаивала, но и Эмму подразнить девушка была не прочь, та, в свою очередь, бросала такие взгляды на Волошина, точно всерьез надеялась его испепелить. Вот уж кому подобные взгляды по фигуре, так это Воину. Подозреваю, он их даже не заметил. Стас, испытывая за мать неловкость,

всячески пытался сгладить ситуацию.

– Одну версию я уже выслушал, теперь валяй свою, – дождавшись, когда все понемногу успокоится, сказал Вадим, обращаясь к Наде.

– Нечего рассказывать, – отмахнулась она.

– Чего шумела-то? – не отставал он.

Она покачала головой в досаде.

– Ну, проревела всю ночь, и что? Это ведь не запрещено? Чего в дверь-то сразу ломиться. В больнице и то меньше доставали.

– Ничего подозрительного не заметила?

– Я с кровати не вставала, а если Эмме мужики по ночам мерещатся, то дело вовсе не во мне.

От пай-девочки, похоже, ничего не осталось, семейству Вербицких стоило хорошо подумать, прежде чем продолжать ее «окучивать».

– Дело серьезное, – посуровел Вадим. – Если ночью здесь кто-то был, вполне возможно появится вновь. И не для того, чтоб фиалку тебе на подушку положить. Кстати, может, это тайный поклонник?

Надя весело фыркнула.

– А ты мог бы на второй этаж залезть?

– К тебе хоть на пятый. Солнце, ты девочка уже взрослая, давай соображай. Посмеяться я и сам горазд, но если тебя добить пришли, то будет не смешно.

По лицу Нади прошла судорога, она дернулась всем телом, и из глаз хлынули слезы.

– Как вы можете, – заверещала возмущенная Эмма, Стас подскочил к Наде, положил руку ей на плечо, она вцепилась в его ладонь, и это примирило Эмму с грубостью Воина, она уселась на свое место и затихла, а он продолжил:

– Значит, в полицию вы не обращались?

– Вы думаете, надо? – встrepенулась Эмма.

– Не хочу вас критиковать, мадам, но затея с дачей явно неудачная. Надеюсь, ночью вы от избытка беспокойства ошиблись и никого здесь не было, но при желании найти вас не составит труда.

– Не надо никакой полиции, – резко заговорила Надя. – Мне что, под замком сидеть? Как преступнице? Я за границу уеду. Далеко. Получу дедовы деньги и сразу уеду.

– Если уезжать, то прямо сейчас.

– У меня загранпаспорта нет, – вздохнула Надя. – И денег тоже. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. И все.

– Просто бывает только в сказках, – вздохнул Вадим и повернулся

к Стасу. – Здесь есть сигнализация?

– Нет.

– Боюсь, полиция вашим рассказом не очень впечатлится. Значит, придется самим охрану организовывать.

– Не сомневаюсь, что вы охотно этим займетесь, – тут же влезла Эмма, – учитывая ваши расценки...

– Ради вас, мадам, я готов на жертвы... Солнце, послушай моего совета... – Он взял Надю за руку и уставился в ее глаза. – Поехали со мной. Поживешь в доме моего друга. Там ты будешь в безопасности, а мы пока во всем разберемся.

– С какой стати? – забеспокоилась Эмма. – Мы вполне способны сами...

– Я останусь, – покачала головой Надя. – Здесь Инна, Стас... А там я буду совсем одна... – Логика в ее словах кот наплакал, но дело это обычное.

Минут через двадцать мы направились к машине, Надя пошла нас проводить.

– Думаете, я не понимаю, чего это Эмма вокруг меня вертится? – тихо заговорила она. – Я же не дура. Это все из-за денег. Стас вообще-то хороший, но я замуж не собираюсь. Замуж по любви выходят, разве нет?

– Это у кого как получится, – буркнул Вадим. – Скажи-ка лучше, ты действительно ночью ничего не слышала?

– Нет, – покачала она головой, и это пока был единственный случай, когда она сказала нам неправду. Никаких сомнений у меня в этом не было.

– Будем надеяться, что у Эммы глюки на почве длительного воздержания, – кивнул Вадим.

Надя весело фыркнула и сказала:

– Я тебе позвоню, – после чего робко его поцеловала, точно боялась, что он начнет возражать, но он не возражал.

– Пока, солнце.

– Когда я получу деньги, возьму тебя к себе охранником.

– Вот уж спасибо.

Он подмигнул ей и устроился в машине. Мы выехали за ворота, Надя помахала нам рукой, к ней присоединились Стас и Инна, а Вадим, посигналив в ответ, вдруг помрачнел.

– Что-то не так с этой девчонкой.

– Слишком часто употребляет слово «деньги»? – спросила я.

– Это как раз понятно. Она не привыкла о себе заботиться. Восемнадцать лет, а словно чадо десятилетнее. Деньги никто в кошелек

не положил, а о том, что их зарабатывают, она даже не слышала. Их надо где-то взять. Хотя бы на самое необходимое. Поэтому она готова терпеть весь этот выводок, лишь бы не думать о том, что делать завтра.

– Ночью она что-то слышала.

– Да? – Вадим повернулся, выдержал паузу, вроде бы о чем-то размышляя.

– Да. Она по-прежнему очень боится. Но врет... может, ты прав и это просто желание оставить все как есть, чтобы не предпринимать никаких усилий.

– Она меня клеит, – вдруг заявил он. – Совершенно по-бабьи.

– Она немного влюблена в тебя, – пожала я плечами. – Что в этом особенного?

– Ничего подобного. Она со мной играет. И у нее есть цель. Она хочет, чтобы я был на ее стороне. Поверь, мужики такие вещи чувствуют.

– И что в этом плохого? – не поняла я.

– Интересно, что это за игра? Но первый раунд она выиграла: выставила Эмму душой и дала семейству понять, что управлять ею будет нелегко. Теперь им придется скорее угождать.

– Может, теперь у тебя фантазия разыгралась? – нахмурилась я.

– Может, – беспечно кивнул Вадим. – Лишь бы девонька не заигралась. Поехали купаться.

Берег реки был заставлен машинами. Спуск к воде в этом месте пологий, дальше берега становились крутыми. Детвора с визгом носилась по песчаной косе. Вадим молниеносно разделся и с громким воплем кинулся в воду, к большой радости мальчишек. Пока он плавал с ними наперегонки, я искупалась, отойдя чуть в сторону, где было немногочисленно и воду не успели взбаламутить.

Раскинув руки, я лежала в воде, наблюдая за облаками. Любимое занятие в детстве. Мерное покачивание воды, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облако, точно косые струи золотого дождя. В такие минуты твое привычное «я» размывается, теряет границы, и ты уже сам толком не знаешь, это ты плывешь по реке или река – порождение твоей собственной фантазии. Ты – все и одновременно – ничто.

Приподняв голову, я увидела, что Вадим выбрался на берег и оглядывается, пытается меня отыскать. Я окликнула его, а он в ответ помахал рукой. Парнем он оказался запасливым, в машине нашлись плед, бутылка воды и пачка печенья. Я грызла печенье, вытянув ноги на своей половине пледа, Вадим, подождав, когда немного обсохнет, лег рядом,

положив голову мне на колени. Я не стала возражать, молча сунула печенье ему в рот. Он принялся лениво жевать и вдруг заявил:

- Иногда мне очень хочется все увидеть сбоку.
- Это фигуральное выражение? – хмыкнула я.
- Само собой. Извини, я не Джокер и гладко растолковывать не умею.
- Валяй как умеешь.
- Вот мы с тобой. Что подумают люди, которые сейчас на нас смотрят?
- Что мы любовники, само собой. Или муж с женой.
- Во-о-т, – довольно протянул он. – А на самом деле? Так и с этим

убийством.

- Что тебя беспокоит? – серьезно спросила я.
- Сам не знаю. Но девчонка из головы не выходит.
- Она тебе нравится?
- Нравится? – вроде бы удивился он. – Пацанка совсем... жалко... Я наклонилась и поцеловала его в лоб.
- А чего так слабо-то? Димке я не настучу.
- Да? А я вот на него стучать собралась.
- Seriously?
- Шучу.

Что Вадим подумает, если я расскажу о вчерашней сцене в кафе? Что я ревнивая дура. И будет прав.

– Ты мне вот что скажи, – немного помолчав, заговорил Вадим. – Ты... что-то видела?

- Переведи, – усмехнулась я.
- Максимилиан сказал, ты что-то видела... – сердито повторил он.
- «Что-то» – самое подходящее слово. Я видела сон. Довольно любопытный. Маленькая девочка, пленник в клетке, которому она носит еду.

– Про клетку мне совсем неинтересно, – заявил он, поднимаясь. – Мне она пять лет снится, задолбала уже...

Пока я соображала, что на это ответить, он вдруг спросил с сомнением, как спрашивают о чем-то очень важном, с надеждой и нерешительностью:

- Ты видела черного колдуна?
- Что-то припоминаю, – пролепетала я, пытаюсь понять, что это ему приспичило дурака валять. Вадим уставился на меня с высоты своего роста, спросил, нахмурившись:

– Джокер тебе, что, не сказал?

Тут у меня сомнения исчезли: надо мной нагло потешаются, и я охотно

включилась в игру.

– Теперь вас черный колдун интересуется?

– Что значит – теперь? Какого лешего мы здесь собрались, по-твоему?

– Где здесь? – хмыкнула я. В этом месте я с прискорбием поняла, что Вадим вовсе не шутит. – Господи, – простонала с отчаянием. – Ты-то хоть не доставай. У тебя с головой все в порядке...

– С чего ты взяла? Если верить моей медицинской карте, я – полный псих.

– Поправь меня, если я все опять напутала, – миролюбиво предложила я. – Наша цель – «черный колдун». Мы должны найти его и обезвредить? Спасти мир?

– Насчет мира не скажу, но типа того. Чем-то нам парень крепко насолил, вот мы и примчались за ним следом.

– Это Джокер сказал?

– Не, я сам додумался. Ты его видела или нет?

– Не уверена, – честно ответила я. – Но подопытным кроликом Джокера в любом случае больше не буду.

Джокер, легкий на помине, позвонил минут через пять. Наш с Вадимом спор начал плавно перетекать в ссору, и тут раздался веселенький мотивчик мобильного. Вадим достал его из кармана бриджей и бросил недовольно:

– Да. – Выслушал и принялся вертеть мобильный в руках. – Поехали, – сказал со вздохом. – Максимильтян звонил. Шацкий на работу так и не вышел. Девушка в галерее бьется в истерике. Надо разобраться.

В истерике девушка не билась, но беспокоилась заметно. Увидев нас, выпорхнула навстречу и тут же затараторила:

– Я звоню сегодня все утро. Его ждали клиенты к десяти часам, но он не приехал. И не предупредил.

– Такое раньше случалось?

– Я работаю всего год. Лев Валерьянович, конечно, часто в разъездах, но обычно он предупреждает. И клиенты...

– Домой ему звонили?

– Конечно. Как вы думаете, что-то случилось?

– Надеюсь, ничего плохого, – ответила я.

– Этот тип смылся с картинами? – размышляла я вслух по дороге к галеристу.

– Бросив здесь свое добро? – хмыкнул Вадим.

– Может, эти картины стоят целое состояние.

– Может. Я в художествах не силен. Свистнул картины и решил их толкнуть по тихой, а секретарше ничего не сказал, чтоб лишних вопросов не задавала. Уехал, и все. Толкнет художества, а потом придумает, где его носило.

С моего вчерашнего посещения ничего не изменилось. Окна, выходящие во двор, закрыты рольставнями, те, что на улицу, – нет. Мы долго звонили, Вадим для верности даже дверь попинал.

– Укромное местечко, – заявил он, оглядываясь. – Это хорошо, не придется брать грех на душу и мочить случайных свидетелей.

Надо полагать, это была шутка. Он достал связку отмычек, а я сказала испуганно:

– Спятил? Тут наверняка сигнализация.

– Да ладно. Выкручусь как-нибудь... Если дрейфишь, жди в машине. Будешь мне в тюрьму передачи носить, если заметут?

Болтая таким образом, он не спеша орудовал отмычкой, и дверь вдруг открылась.

– Сейчас проверю, есть сигнализация или нет, – весело сказал он, переступая через порог.

– Как проверишь? – спросила я.

– Если парни в брониках появятся через пять минут, значит, сигнализация сработала, – ответил он, а я фыркнула:

– Смотри, не накаркай.

Здравый смысл настойчиво рекомендовал поспешно удалиться, но любопытство разбирало, и я вошла вслед за Вадимом в небольшой и совершенно пустой холл. Отсюда вела лестница на второй этаж. Вадим начал подниматься, и я, помедлив, тоже.

– По статистике в восьми случаях из десяти здравый смысл проигрывает любопытству, – порадовал Воин. – У женщин цифра даже выше. Не бойсь, – решил он меня подбодрить. – Скажем, что очень волновались за жизнь хозяина, нам поверят.

– Точно?

– Тебе – вне всякого сомнения.

Мы оказались на узкой лестничной клетке и уперлись в дубовую дверь.

– Пришли. И, по счастливой случайности, здесь тоже замки.

Но дверь оказалась незапертой. В тот момент это не особенно удивило, возможно, хозяин вообще не имел привычки ее запирать.

Мы вошли в квартиру, и Вадим присвистнул, оглядываясь. Мы явно здесь не первые незваные гости. Многочисленные шкафы были открыты,

их содержимое валялось на полу.

– Кто-то искал картины? – спросила я и тут же почувствовала беспокойство, а потом замерла, пытаясь справиться с тошнотой.

– Воняет-то как, – ворчал Вадим. – Вроде мочой... В этих старых домах канализация ни к черту. – Тут он посмотрел на меня и спросил тревожно: – Что?

Я решительно направилась к двери, что была слева, и распахнула ее. Окна этой комнаты выходили во двор и были закрыты рольставнями, оттого здесь царил полумрак, свет пробивался лишь из холла за моей спиной, и поначалу я увидела только опрокинутый стул. Вадим нащупал выключатель, вспыхнул свет, и мы одновременно чертыхнулись. Шацкий лежал на боку, свернувшись калачиком. Из одежды на нем были лишь трусы, возле ног растеклась лужа, и стало понятно, откуда запах. Лицо Шацкого превратилось в сплошной синяк, один глаз полностью заплыл, другой проглядывал мутно-белой пеленой сквозь набухшие веки. Из головы на пол вытекло немного крови. Вадим присел перед ним на корточки и тяжело вздохнул, достал мобильный и набрал номер Бергмана.

– Мы нашли Шацкого в его квартире. Судя по всему, убит сутки назад, не меньше. Перед смертью его пытали. На ногах ожоги. Нам валить отсюда или ментов дожидаться?

– Вы там натоптать успели? – спросил Бергман.

– Само собой.

– Тогда какой смысл сматываться? Осмотрись там, пока не приедут, и старайся их не злить.

Вадим убрал мобильный и протянул мне связку с отмычками.

– Спрячь под машиной. Потом заберу.

Пока я бегала к машине, он успел вызвать полицию. Прибыли они минут через десять, но за это время Вадим успел кое-что обнаружить. Например, настольную лампу без шнура. Шнур вскоре тоже нашелся.

– Его использовали как электрошокер? – спросила я, кивнув на оголенные провода.

– Ага. Бедняге здорово досталось... Ну вот и конкуренты пожаловали, – усмехнулся он, заслышав звуки сирены со стороны улицы. – Скажи-ка, милая, ты врать убедительно умеешь?

– А надо?

– Куда ж без этого. Запомни главное: дверь в дом была открыта. Все остальное я беру на себя. На всякий случай заучи фразу «Требую адвоката», хотя «Спасибо, что меня заметили», тоже прокатит.

– Я баба-дура, ничего не знаю, ничего не видела. Это подойдет?

– Сгодится.

Меня отпустили довольно быстро, я старательно симулировала потрясение и в основном молчала. Вот сыщики и решили, что от меня не много толку, и отправили восвояси. Как выяснилось, врать я могу вполне убедительно.

Получив вожаделенную свободу, я тут же позвонила Димке и Джокеру и вскоре встретила с обоими в кабинете Бергмана.

– Как Вадим? – спросил Дима, увидев меня.

– Отмычки спрятали, а больше им прицепиться не к чему.

– Я пытался разыскать Галину Андреевну, – сказал Бергман. – Но пока безрезультатно.

– Ты думаешь... – начала я и головой покачала в досаде. Он развел руками:

– Вывод напрашивается сам. Ясно, что кто-то за собой подчищает: сначала кража картин из дома Лотмана, теперь убийство Шацкого и исчезновение Галины.

– Шацкий и Галина организовали убийство Лотмана? – спросила я с сомнением. – А цель? Завещания нет, оба ничего бы не получили. Разве что эти две картины украли... Они что, такие ценные?

– Это я сейчас и выясняю, – ответил Бергман. – Хотелось бы кое-что проверить, для этого нужно заглянуть в дом Лотмана.

Димка пил чай, ноутбук его, по обыкновению, был включен. Мой возлюбленный время от времени поглядывал на монитор и вдруг удовлетворенно хмыкнул:

– Есть.

– Что? – не поняла я.

– Зарегистрирован брак между гражданином Сивко Геннадием Петровичем и гражданкой Лотман Ядвигой Давыдовной. Загс города Хотина.

– Это где такой? – нахмурилась я.

– Сейчас посмотрю. – Димка застучал по клавишам и через несколько секунд сообщил: – Хотин – районный центр в соседней области. Зарегистрировались три года назад. Терпеливый, гад.

– Что ж, у нас наметился прорыв, – заговорил Бергман. – Лотмана вполне мог убить новоявленный наследник. Если все дело не в пропавших картинах.

– Лично я ставлю на наследника, – сказал Димка.

– Посмотрим, – пожал Бергман плечами. – Адрес Сивко есть?

– Ага. Сгонять туда?
– Обязательно. Только будь осторожен, не спугни его.
– Надеюсь, туда ходят электрички, ужас как не хочется тащиться на машине.

– Могу поехать с тобой, – предложила я.
– Ты нужна мне здесь, – вмешался Бергман.
Я бы, конечно, возразила, но тут Димка заявил:
– Один сгоняю.

Он подошел ко мне, поцеловал и скрылся за дверью, а Бергман стал звонить по мобильному. Звонил он, как выяснилось, Стасу.

– Станислав Янович? Это Бергман. Мне необходимо еще раз осмотреть дом Лотмана. Нужны ключи и ваше присутствие. Да. Обязательно сегодня. – Бергман выслушал собеседника, сказал «хорошо» и отбросил телефон. – Они на Святом озере. Решили, что поездка развлечет Надю. Вернутся поздно вечером.

– Могли бы и пораньше, до озера всего пятьдесят километров.
– Семейство отдыхает. Придется ждать.
– Я поеду домой, – сказала я. – Позвонишь, как объявятся.
– Оставайся здесь, – интонация была скорее просительной и уж точно не приказной. Опять же, по большому счету, дома мне делать нечего.

Согласно кивнув, я отправилась на первый этаж пить чай с Василием Кузьмичом и слушать его рассказы о колдунах и ведьмах. Однако на этот раз он продемонстрировал мне гербарий восемнадцатого века. Речь зашла о различных эликсирах и плавно перетекла к алхимии.

– Вы не представляете, Леночка, какое количество открытий было сделано из-за элементарной человеческой жадности, – радостно говорил он. – Люди мечтали превращать свинец в золото... Кстати, кое-какие опыты мы с Максимилианом Эдмундовичем повторили...

– И что? Получили золото?
– Деточка, – укоризненно покачал он головой. – Нас интересовал научный эксперимент.

– А эликсир жизни вы, случайно, не надыбали?
– А-а, вы шутите. – Старик махнул рукой и засмеялся. – Скажу вам по секрету, мы пытались расшифровать древние рукописи и получить философский камень.

– Неужто ничего не вышло?
– У вас отличное настроение, как я посмотрю.
– На самом деле настроение скверное. Я сегодня покойника видела, которого перед тем, как убить, пытали электрическим током. Не все свои

научные достижения люди используют по назначению.

– К сожалению, – вздохнул Василий Кузьмич и предложил мне еще чаю.

Вадим вернулся, когда мы с Бергманом ужинали.

– Как удачно, – устраиваясь за столом, сказал Волошин. – Кишки с голодухи сводит.

Лионелла подала ему приборы, и, пока мы ели, Вадим успел рассказать о затянувшемся общении со следователем.

– Им не терпелось упечь меня за решетку. Хоть на сутки. Но так и не придумали за что. Похоже, в этом городе мы становимся суперпопулярны. А у вас что нового?

Бергман сообщил, что Димка уехал в соседнюю область навести справки о муже Ядвиги Лотман.

– Наверняка какой-нибудь шустрый малый, лет на двадцать ее моложе, с сильным тяготением к деньгам и криминалу.

– Посмотрим, – дипломатично произнес Бергман. – Мы ждем возвращения Вербицких с прогулки, чтобы еще раз осмотреть дом.

– А зачем нам их ждать, когда в машине лежат отмычки?

Мы оба уставились на Бергмана, он едва заметно усмехнулся.

– Предлагаю закончить ужин.

Так как в дом мы собирались проникнуть незаконным путем, подъезжать на машине близко не стали. Оставили ее метров за пятьсот от жилища Лотмана, воспользовались задней калиткой и в дом входили со стороны сада, через веранду. В общем, действовали как заправские взломщики.

Мы вошли в холл, когда Бергман сделал нам знак молчать. Мы замерли, прислушиваясь. Тишина. Я совсем уже решила, что Бергман на этот раз ошибся, как вдруг раздались вполне отчетливые шаги, кто-то осторожно, но довольно быстро двигался в нашу сторону. Мужчины переглянулись, Вадим снял ботинки и почти бесшумно переместился к входной двери. Мне указали на соседний шкаф, за которым я и укрылась, а Бергман занял позицию у распахнутой двери в ту часть дома, где была галерея и кабинет хозяина. Ожидание длилось пару минут. В дверях возник темный силуэт. На улице было светло, но окна в холле отсутствовали, света, что доходил из столовой и с лестничной клетки, было явно недостаточно. Ко всему прочему, приходилось соблюдать осторожность, оттого разглядеть, кто появился в холле, оказалось непросто.

Человек замер на пороге, должно быть, почувствовав опасность. Вряд ли заметил нас, скорее интуиция сработала. Он вдруг развернулся и бросился бежать, рассчитывая покинуть дом через окно галереи или вовсе ни на что не рассчитывая, и гнал его обыкновенный страх. Бергман и Вадим бросились следом, и я не придумала ничего умнее, как поспешить за ними.

Через минуту мы все оказались в галерее. Здесь со светом был полный порядок, и я увидела, что на полу сидит Галина Андреевна, в черных джинсах и черном свитере, с волосами, стянутыми в хвост на затылке. В таком наряде она больше походила на ниндзя, чем на элегантную деловую женщину. Над ней нависал Вадим, держа руку на ее плече. Должно быть, сбил ее своим весом во время погони. Бергман стоял в трех шагах от поверженной дамы и вертел в руках какой-то журнал.

– Вам что здесь понадобилось, дамочка? – хмуро произнес Вадим, обращаясь к Галине.

– У меня встречный вопрос, – усмехнулась она.

– Думаю, вы, дорогая, понимаете: назрела необходимость побеседовать откровенно, – ответил Бергман. – Хочу вас предупредить: если вы своей откровенностью нас не удостоите, я вынужден буду сдать вас в полицию, и вы окажетесь в очень неприятной ситуации.

– Ты не станешь вызывать полицию, ты сам здесь...

– Ошибаетесь. Мы тут с разрешения хозяйки дома, она это охотно подтвердит.

Бергман протянул Галине руку, помощь она приняла неохотно. Мы прошли в кабинет Лотмана и устроились в креслах. Галина оказалась между Бергманом и Вадимом, прямо напротив меня. Бергман продемонстрировал журнал, который все еще держал в руках, и спросил:

– Зачем вам понадобился каталог коллекции?

– Хотела кое-что уточнить.

– А конкретнее?

– Какие именно картины пропали.

– Что вам мешало обратиться в полицию? Их эти картины тоже очень интересуют. Оказали бы помощь следствию. Кстати, как вы попали в дом?

– Дверь была открыта.

Бергман выразительно взглянул на Вадима, тот поднялся и подошел к Галине.

– Извиняюсь, дорогая...

– Не смей меня трогать, – закричала она, но на Вадима ни ее крик, ни слабое сопротивление впечатления не произвели. Ключи висели

на шнурке, надетом на шею, скрытые от глаз свитером.

– Все интереснее и интереснее. Пора вызывать полицию или вы все-таки начнете говорить?

– Да, у меня есть ключи. И что такого? Мы несколько лет были с Лотманом любовниками. И вполне естественно...

– По вашим собственным словам, вы очень редко здесь бывали. С какой стати ему давать вам ключи? Это первое. И второе: после того как ваши отношения прекратились, Лотман потребовал бы их назад. Скорее всего и замки бы поменял на всякий случай.

– Ну, хорошо. Я воспользовалась случаем и сделала дубликат ключей. Сама толком не знаю почему. У женщин бывают весьма странные фантазии.

– Вот как? Хорошо, будем считать объяснение удовлетворительным. Поговорим вот о чем: накануне убийства Лотман продал картину коллекционеру, который ранее уже приобрел у него две картины. Шацкий был посредником. Натан Давыдович не мог обойтись без него или Шацкий, желая получить свой процент, продавца и покупателя друг к другу не подпускал?

Казалось, тот факт, что Бергман сменил тему, Галину обрадовал, заговорила она с воодушевлением. Для начала презрительно фыркнула.

– Покупателя Натан прекрасно знал и от Шацкого избавился бы с удовольствием. Если бы мог. Но Шацкому он был кое-чем обязан. И исправно платил двадцать процентов от каждой сделки.

– Не испытывайте нашего терпения, дорогая. В чем причина такой доброты?

– Натану это уже не повредит, – пожала она плечами. – И я могу сказать... Шацкий помог ему избавиться от зятя. То есть он и не думал помогать, Натан его попросту использовал. Попросил достать героин. Наплел какую-то чушь о том, что хочет поставить некий творческий эксперимент. Левушка помог. У него в друзьях всякой швали достаточно, сплошь непризнанные гении. А когда Гаврила вдруг скончался... Поначалу Шацкий не догадывался о своей роли, Натан трубил налево и направо, что зять – наркоман. Но потом, каким-то образом узнав подробности, все понял.

– То есть вы утверждаете, что Лотман убил своего зятя.

– Ничего я не утверждаю. Вы хотели знать, за что Шацкий получал свой щедрый процент, я вам ответила. Еще вопросы?

– Надеюсь, вы поможете мне кое в чем разобраться, – с улыбкой, которая могла очаровать любого, произнес Бергман. Я видела, как Галина,

точно против воли, начала испытывать к нему симпатию, хотя по понятным причинам продолжала видеть в нем врага. – Лотман продал картину русского художника Киселева. Так?

– Да, кажется.

– Кажется? – удивился Бергман. – Экспертизу проводил ваш приятель Герман Ясулович. И познакомили его с Лотманом вы.

– Познакомила, и что? Тогда Лотман был моим любовником. А с Ясуловичем мы вместе учились. Он как раз специализируется на русской живописи девятнадцатого века. А меня интересует исключительно современное искусство, и экспертом в других направлениях я себя не считаю. В коллекции Натана работы старых мастеров, и он нуждался в консультации опытного специалиста.

– И этот опытный специалист делал заключение перед продажей?

– Если это было необходимо. – Галина вдруг занервничала. – Послушайте, это обычная практика. Мир профессионалов очень узок. Тут практически все друг друга знают.

– Так почему вас все-таки заинтересовал каталог? – задал вопрос Бергман и, не дождавшись ответа, продолжил: – Меня он, кстати, тоже заинтересовал. Дело в том, что мы нанесли сюда визит еще до похищения картин. Сфотографировали и каталог, и картины, которые были в доме. На всякий случай.

Услышав это, Галина заметно переменилась в лице, нервы ее были на пределе, она сцепила руки на груди, глядя куда-то мимо Бергмана. А он продолжил:

– И вот какую странность я обнаружил. В каталоге не было картины Киселева.

– Ничего удивительного, – резко ответила Галина. – Лотман с самого начала собирался ее продать, вот и не стал включать в каталог своей коллекции.

– Я, кстати, тоже так подумал, – обрадовался Бергман. – Но... одна картина оказалась лишней.

– Как это? – не поняла Галина; я, кстати, тоже не поняла.

– Сейчас объясню. Лотман продает картину из своей коллекции. По каталогу коллекция насчитывает шестьдесят семь картин. Все картины мы находим в доме. За исключением одной. Логично предположить, что это работа Киселева, проданная перед самой смертью Лотмана. Но нет. Это пейзаж никому не известного английского художника середины девятнадцатого века.

– Лотман мог продать его раньше.

– Эта мысль тоже пришла мне в голову. И все бы хорошо, если бы не две картины, которые прошлой ночью исчезли отсюда. Опять же, судя по каталогу, это были работы западноевропейского художника девятнадцатого века, не второго эшелона даже, а третьего. Если вы не в курсе, как человек, интересующийся исключительно современным искусством, могу сообщить: в Европе подобные картины стоят сущий пустяк. А вот русское искусство все еще в цене. Две картины без рам стояли в мастерской Лотмана. Почему бы и нет, в конце концов? Кстати, Лотман купил их восемь лет назад очень дешево. Я нашел их в каталоге аукциона, на котором он их приобрел. Ну а теперь главная странность: картины, которые мы видели в кабинете, и те, что представлены вот в этом каталоге, безусловно, имеют сходство. Но также имеют и существенные различия. Говоря проще, под рукой мастера картина западноевропейского художника превратилась в работу русского художника-передвижника. И, соответственно, прибавила в цене.

– Они подделки толкали, – весело фыркнул Вадим, хлопнув себя рукой по колену.

– Чушь, – выкрикнула Галина, а Бергман покачал головой:

– Если бы... по этой причине вы организовали кражу картин, а сегодня явились за каталогом. Люди, которых вы сюда отправили, каталог не нашли? Мы его сфотографировали и оставили в столе Лотмана. Обычно он лежал в бюро, которое стоит в галерее, так? Те, кто сюда явился за картиной, плохо представляли, что такое каталог. В бюро его не оказалось, и они с чистой совестью убрались отсюда, прихватив икону в окладе. О том, что старые иконы дорого стоят, они, безусловно, были наслышаны.

– Я никого ни о чем не просила и ничего не организовывала. Да как вы смее... – Она вдруг беззвучно расплакалась, а Бергман повернулся к Вадиму:

– Вызывай полицию.

– Не надо, – взмолилась она.

– Галина Андреевна, – посуровел Максимильян. – У меня есть все основания полагать, что вы не только член преступной группы, торговавшей подделками, но и организатор убийства своего сообщника.

– Нет, ради бога, что вы такое говорите... Я все вам расскажу. Да, Лотман занимался подделками. Еще до встречи со мной. Мне он рассказывал, что впервые пошел на это из озорства, мальчишеского хулиганства. Был уверен, что легко проведет любого эксперта. Холст девятнадцатого века, какой-нибудь никому не известный художник,

ни одной его картины никто в России в глаза не видел. Французское шале превращалось в крестьянский домик, еще кое-какие незначительные изменения, и вот вам картина русского живописца. Он не наглед и на хорошо известных художников не замахивался. Сначала это было вроде игры, ну а потом...

– Стало приносить неплохой доход?

– Ну да... Натану постоянно нужны были деньги, чтобы покупать картины для своей коллекции. Вы ее видели? Там есть настоящие шедевры. А они стоят миллионы. У него была репутация. Никому в голову не приходило усомниться в работах, которые он выставял на продажу. Я свела его с нужными людьми, с тем же Ясуловичем, который делал экспертизу за свой процент. Шацкий искал покупателей. Отлаженный бизнес. И вдруг... Лотман погиб. Убили не только его, не пожалели всю семью. Это была месть, понимаете? Мы страшно перепугались, и я, и Шацкий, и Ясулович. Подделки покупали не только коллекционеры, но и просто богатые люди, из тех, кто мог себе это позволить. Вы понимаете... Среди них могли быть те, у кого есть связи с криминалом. Допустим, этот человек каким-то образом узнал, что ему всучили подделку...

– И решил разобраться с мошенниками сам? – вмешался Вадим.

– Вот именно, – вздохнула Галина. – Мы были между двух огней. С одной стороны, полиция, с другой – психопат, готовый мстить.

– Вы пытались его вычислить? – задал вопрос Бергман.

– Разумеется. Составили список тех, кому продавали подделки. Набралось семнадцать человек. И это только те, кого знали мы. Я вам сказала, Лотман начал заниматься этим еще до встречи со мной. Мы были в ужасе. Особенно Шацкий. Он же выступал посредником. У меня еще был шанс остаться в стороне, а у него – нет. Лотман подготовил еще две картины на продажу, и Шацкий очень боялся, что ими заинтересуется полиция. Он был в таком состоянии... Неделю назад сам хотел идти к следователю, сказал, что нервы не выдержат. Я едва его отговорила, а он попросил ему помочь.

– Похитить картины и каталог?

– Вот именно. И я, в конце концов, согласилась. Мой брат... вы о нем знаете... В общем, он посоветовал обратиться к одному человеку, тот недавно освободился. Я свела их с Шацким. Он должен был забрать отсюда картины и принести каталог ему. Я не хотела, чтобы они оставались у меня даже ненадолго. Этот каталог Лотман составлял для личного пользования, и он был в единственном экземпляре. Окажись он у Шацкого

вместе с картинами, опасаться полиции нам бы уже не пришлось. Убийца не станет сообщать о подделках, чтобы не оказаться под подозрением. Я попросила Шацкого успокоиться, его постоянные истерики могли нам дорого обойтись. Убийца отомстил, очень жестоко отомстил и вряд ли продолжит в том же духе.

– Итак, – поднял руку Бергман. – Вы свели Шацкого с нужным человеком. Расскажите об этом подробнее.

– Я позвонила, мы договорились встретиться в сквере, недалеко от музея. Я сказала ему, что брат рекомендовал его как надежного человека и что моему хорошему знакомому нужна помощь. Вот и все. Предупредила этого Витю, что Шацкий ему позвонит, дальше они имели дело с Левушкой.

– Вы сказали «они», сколько их было?

– Двое.

– Откуда вам это известно?

– Господи, да Шацкий сказал, конечно, – нетерпеливо ответила она. – Он позвонил в крайнем раздражении и принялся мне выговаривать, что эти двое придурков принесли картины, но не нашли каталог. А я здесь при чем? Я посоветовала ему самому с ними разбираться. Но этот чертов каталог меня все же беспокоил. Вдруг кто-то из сыщиков окажется слишком сообразительным? И с Шацким ссориться не хотелось, он же форменный истерик. А если им заинтересуется следствие, то и у меня неприятности возникнут.

– Когда вы говорили с Шацким по телефону?

– Вчера. До обеда.

– И больше вы не разговаривали и не встречались?

– Нет. Я пыталась до него дозвониться, но он не отвечал. За это время я успела себя убедить, что мы висим на волоске и каталог надо обязательно забрать. Вот сдуру и полезла в дом, ключи-то у меня были.

– А Виктору вы ключи не давали?

– Конечно, нет. Если бы на пропажу картин обратили внимание, все должно было выглядеть как кража со взломом, а если бы дверь открыли ключом, подозрение непременно пало бы на близких, в том числе на меня. Этому Виктору я тоже звонила. Сегодня. Мобильный отключен. Я понятия не имела, что делать, и в результате сделала глупость. И вот итог. Если вы сообщите в полицию, мне придется все рассказать. Представляете, какой будет скандал? Доброе имя Лотмана окажется втоптанное в грязь, и... вряд ли вам за это скажет спасибо тот же Аллилуев. Он, кстати, у Лотмана

тоже картину купил дочери в подарок.

– Подделку?

– Разумеется. Лотман сделал ему скидку как другу. Предлагаю спокойно разойтись. Каталог оставьте у себя, если хотите, но я бы советовала хорошо подумать, прежде чем его кому-то показывать.

Галина заметно приободрилась, недавний страх постепенно уходил, она надеялась, что ее доводы произведут впечатление. Бергман некоторое время молчал, погруженный в свои мысли. Воин нетерпеливо поерзал, но голос подать не рискнул. Я тоже не рискнула, хотя у меня было много вопросов. Галина едва заметно усмехнулась, окончательно убедив себя в победе, и тут Максимильян вскинул голову.

– Я полагаю, о гибели Шацкого вам неизвестно.

Если бы Максимильян ударил ее, и тогда не произвел бы подобного эффекта. Дрожь прошла по ее лицу, зрачки расширились, она вцепилась руками в подлокотники с такой силой, что побелели пальцы.

– Что?

– Несколько часов назад в своей квартире был обнаружен господин Шацкий с признаками насильственной смерти, дорогая. Его жестоко пытали. Сначала избили, а потом использовали оголенные провода как электрошокер. У бедняги не выдержало сердце. Перед тем как скончаться, он практически откусил себе язык. Прошу прощения за натуралистические детали, но это для того, чтобы вы могли представить, с чем ему пришлось столкнуться.

– Боже мой, – простонала Галина, а Бергман сказал:

– Странно, что вы не знаете о его смерти. Подобные новости распространяются быстро.

– Вчера, после телефонного разговора с Шацким, я уехала к подруге на дачу. Была уверена, что Лев, по обыкновению, начнет истерить и ко мне притащится. Вот и спряталась. Хотела в спокойной обстановке обдумать, как действовать... Сволочь, – с остервенением сказала она. Не очень-то понятно, кого она так. Вопрос я задать не решилась, но Галина и без моего вопроса развила свою мысль. – Ясулович точно знал. Я ему звонила сегодня, а он мне сказал, что находится в аэропорту. Решил отдохнуть. На разговоры нет времени, он уже в самолете. Этот гад просто смылся, оставив меня здесь все расхлебывать... Послушайте. – Она выпрямилась и впиалась взглядом в Бергмана. – Мне нужна защита. Любые деньги... Вы же понимаете, этот психопат не успокоится, пока всех нас не убьет.

– Психопат?

– А кто он, по-вашему? Если бы он решил вернуть свои деньги,

то обратился бы к нам... или в полицию. Но он убил Лотмана и всю его семью, теперь Шацкого. Остались я и Ясулович. Негодяй сбежал, значит...

– Вы настаиваете, что Лотмана и Шацкого убил один и тот же человек? Точнее, убили по приказу человека, которому вы когда-то продали подделку?

– Его надо найти и упечь в тюрьму, пока он не расправился со мной. Сколько вы берете за свою работу?

– Наш клиент – господин Аллилуев, – напомнил Бергман. – Убийцу мы непременно найдем. Но вы должны помочь нам.

– Конечно.

– Мы бы хотели встретиться с этим самым Витей.

– Зачем? Какой от этого толк? Это просто отбросы общества. Жадные и тупые, у которых даже не хватило сообразительности отыскать каталог.

– Боюсь, могло хватить сообразительности на что-то другое, – возразил Бергман. – Его номер телефона у вас при себе? Есть еще какие-нибудь сведения, которые помогут его найти? Чем раньше мы это сделаем, тем лучше для вас.

– Когда мы встречались в сквере, он вел себя как последний придурок. Строил из себя крутого. С таким запросто могли возникнуть проблемы, но выбора у меня не было. И я подумала, что на всякий случай неплохо бы знать, где он живет.

– Вы его выследили?

– Это было проще простого, – презрительно фыркнула Галина. – Он даже не обернулся ни разу. Двадцать третий дом на Спартаковской улице. Вошел в первый подъезд, я хотела расспросить соседей, но не решилась. Он ведь мог узнать об этом. По крайней мере, если б он вынес картины, а потом заартачился, не желая нам их отдавать, мы бы знали, где его найти. Господи, зачем я только впуталась во все это... – жалобно произнесла она и заплакала, деловитость и стерженность куда-то исчезли, и плакала она абсолютно по-бабьи, причитая, сморкаясь в платок, который ей протянул Бергман.

– Некоторое время вам лучше пожить в моем доме, – сказал Максимильян, поднимаясь, Галина тоже вскочила, готовясь следовать за ним. Сюда она в целях конспирации добиралась общественным транспортом, так что ей предстояло ехать с нами в одной машине.

– Прибери здесь все, – сказал Максимильян Воину, когда мы оказались в холле.

Минут пятнадцать мы ждали Вадима в машине, наконец он появился, и мы отправились к Бергману, где сдали Галину на попечение Лионеллы.

Джокер позвонил Вербицкому и предупредил, чтобы с прогулки не торопились, с осмотром дома можно подождать. У Вербицкого тут же появилась масса вопросов, но Максимильян разговаривал довольно холодно и уклончиво, должно быть, решив: если Стас нам не платит, то и отчитываться перед ним ни к чему.

– Что-то все это мне очень не нравится, – заявил Вадим, налегая на пирожки Лионеллы. Вообще-то перекусы на ходу здесь не поощрялись, но для Вадима, как всегда, сделали исключение.

– Что именно? – уточнил Бергман, попросил у Лионеллы домашнего лимонада и теперь, сидя в кресле, вертел в руках стакан.

– Так мы, чего доброго, лишимся клиента. Аллилуев узнает, что дружок его кинул, и махнет рукой на расследование. Пусть, мол, менты задаром ищут, а мы задаром никак не можем, у меня на это слово жуткая аллергия.

– У меня тоже, – кивнул Максимильян. – С неприятной новостью мы подождем, пусть Аллилуев еще некоторое время пребывает в убеждении, что его друг – человек исключительных достоинств.

– Вот это правильно, – закивал Вадим, – дружбу надо беречь! На Спартаковскую поедем?

– Обязательно. Но для начала свяжусь с Поэтом. Узнаем новости и, если он уже на обратном пути, дождемся его.

Димка приехал часов в девять вечера. В Хотин он ездил не зря, узнал много интересного. Года три назад Лотман был в Хотине почетным гостем на городском фестивале искусств. Город хоть и невелик (по последней переписи, проживало там семьдесят две тысячи человек), зато мог похвастать тремя музеями и картинной галереей. В общем, жизнь там была ключом. Лотмана встречали как звезду мирового масштаба, и он, расчувствовавшись, подарил галерее пять своих картин, которые и доставили вскоре под неусыпным надзором его сестры. Потом весьма успешно провели персональную выставку Лотмана, занималась всем этим Ядвига. А Сивко по счастливой случайности работал в галерее заведующим отделом современной живописи. Скорее всего тогда они и обрели друг друга. И заключили брак. Кстати, никому из знакомых Сивко об этом ничего не известно. Его считают закоренелым холостяком. Всю жизнь он прожил с матерью, которая нещадно его тиранила. Год назад она умерла, и примерно через месяц-полтора после этого Сивко уволился и, по слухам, уехал в наш город, хотя квартиру в Хотине не продал. Здесь снимает жилье в районе Покровского монастыря, а работает в какой-то торговой

организации.

– Устройся он в музей, мы бы нашли его уже сегодня, – посетовал Димка. – А торговых организаций в городе пруд пруди.

– Значит, он предпочел держаться поближе к Ядвиге, то есть к деньгам, – заметил Вадим, а Димка пожал плечами.

– Если верить людям, хорошо его знающим, он типичный ботаник. Сомнительно, что он организовал убийство Лотмана.

– По мнению нашей Девушки, в доме работал новичок, а ботаники иногда способны удивить.

– Разберемся, – вмешался Бергман. – Посмотри, что есть на Витю, – и продиктовал номер мобильного.

Я подумала, что разумный человек, готовясь заниматься весьма сомнительными делами, не станет регистрировать телефон на свое имя, и, судя по всему, оказалась не права. Очень скоро Димка рапортовал:

– Виктор Сергеевич Халявкин, прекрасная фамилия, кстати. Тридцать пять лет, проживает на улице Спартаковской, дом двадцать три, квартира семь. Вот еще кое-что интересное: дважды судим, оба раза за разбойное нападение. Второй раз получил шесть лет. Освободился три месяца назад. Не вижу, чтобы он где-то работал. Значит, в деньгах остро нуждается. Вы в чем этого типа подозреваете? В убийстве Шацкого? – Бергман пожал плечами, а Димка продолжил: – Я считаю куда более вероятным, что Шацкого и семью Лотмана убил один и тот же человек. Галина права, среди тех, кого они облапошили, втюхав подделки, оказался весьма опасный тип с криминальными наклонностями. И вот итог.

– Я бы с тобой согласился, – кивнул Бергман. – Но кое-что смущает. Лотмана расстреляли вместе с семьей. Допустим, это была казнь за совершенное им мошенничество. Почему бы тогда и Шацкого просто не пристрелить? Зачем его пытаться?

– Хотели выяснить, кто еще в их банде.

– Ясуловича они знали, он ведь был экспертом.

– Значит, считали, что жуликов гораздо больше, и решили известить всех, – поднимаясь из-за стола, сказал Вадим. – В любом случае с Витей надо побеседовать. Похоже, он последний, кто видел Шацкого в живых.

– Что ж, поехали, – кивнул Бергман и повернулся ко мне: – Присмотри за Галиной.

– Я с вами, – ответила я.

– Этот человек, возможно, убил Шацкого. И перед этим пытал его. Встреча с подобным типом вряд ли входит в разряд обязательных для молодой девушки.

- Я на шухере постою, – упрямылась я, и Вадим меня поддержал:
- Пусть едет, посидит в машине.

Когда мы подъехали к двадцать третьему дому, Вадим отправился на разведку. Потом ушли Бергман с Димкой, а мне велели занять позицию под окнами. Виктор жил на втором этаже и вряд ли надумает прыгать, но если все же надумает, я должна сообщить об этом громким воплем и ни в коем случае не пытаться его задержать.

Мои компаньоны скрылись в подъезде, а я принялась томиться, делая вид, что просто прогуливаюсь, но на окна то и дело поглядывала. Створка одного из окон была открыта, ветер трепал тюлевую занавеску, но голосов я не слышала. Возможно, никого в квартире в настоящий момент нет.

Прошло минут пятнадцать, и в окне появился Вадим. Отодвинул занавеску в сторону и махнул мне рукой, предлагая присоединиться к остальным. Я заспешила к подъезду. Ни домофона, ни кодового замка здесь не было, оттого, наверное, подъезд облюбовали кошки. Пока я поднималась по лестнице, насчитала семь штук. Одни лежали на подоконнике между первым и вторым этажами, другие – на лестнице, ведущей на чердак.

Дом двухэтажный, и выглядел так, что человеку в здравом уме жить тут точно бы не захотелось. Я осторожно заглянула в приоткрытую дверь и очень удивилась, увидев симпатичную женщину среднего возраста в нарядном сарафане, она разговаривала с Бергманом.

– Явились вчера вечером, с тех пор и пьют. Он три месяца как вернулся, и жизни уже никакой. Мама на дачу сбежала, а мне здесь приходится, у меня работа, а дача за семьдесят километров, не наездишься. Дочка пока с мамой, осенью ей в школу, и как мы тут... ужас. Грех такое говорить, но лучше б его опять посадили.

Сразу же выяснилось, что это сестра Виктора. Выгнать его отсюда она не могла, отец, еще когда был жив, оформил на непутевого сына часть квартиры, и теперь из трех комнат одна принадлежала Виктору. После освобождения он нигде не работал, на что жил, неясно. Если деньги появлялись, то пил, а если нет, лежал в своей комнате на диване и смотрел телевизор. С пьяным была беда, а с трезвым еще хуже, в том, что жизнь не сложилась, он винил весь мир и родню в первую очередь. Оттого всячески старался отравить им жизнь.

Дверь в самую большую из комнат была распахнута настежь, я увидела Вадима и Димку, которые не спеша ее осматривали. Я подошла ближе и обнаружила на диване спящего мужика, бритого наголо и с голым

торсом. Рубаха валялась на спинке дивана. Тут же, подогнув под себя ноги, дремал еще один субъект, а на полу – третий. Воняло в комнате так, что можно было лишиться сознания. На журнальном столе вперемешку с окурками, кусками хлеба и колбасы лежали деньги, видимо, поделенные на три части, а также стояли три бутылки виски, почти пустые.

Вадим в этот момент осматривал шкаф и позвал:

– Максимильян!

Бергман прервал разговор с сестрой и подошел к Вадиму, мы с Димкой из любопытства тоже присоединились. Прикрытые старым одеялом и тренировочными штанами, на дне шкафа лежали два свернутых холста. Вадим достал их, развернул, а Бергман кивком дал понять, что картины те самые, что пропали из дома Лотмана.

– Звоним ментам? – спросил Димка.

– Для начала приведем Витю в чувство. Надо побеседовать.

Привести в чувство спящего богатырским сном Витю оказалось совсем не легко. Витю встряхнули, похлопали по щекам, потом Вадим, горя нетерпением, ударил сильнее и не один раз. Витя открыл глаза, но лишь на мгновение, зато внезапно завозился отдыхавший на полу субъект.

– Менты... всех порву! – завопил он и так же внезапно отключился, но слово «менты», как видно, затронуло в Витиной душе некие тайные струны, он выпрямился, все еще сидя на диване, и обвел нас тяжелым взглядом.

– Вы кто? – спросил и громко икнул.

– Я добрая фея, – ответил Вадим. – Похож?

– Нет, сволочь ментовская...

Тут он получил в зубы и принялся ощупывать челюсть, глядя на Вадима с большой неприязнью.

– Что, Витя, не успел выйти, опять к хозяину захотелось? – весело осведомился Вадим. – Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Икона где?

– В Караганде.

– Загнали уже? Ты давай не дури, сам знаешь, сколько тебе светит, одна надежда на явку с повинной.

– Икону толкнули, Толян помог, – неуверенно ткнул он рукой в сладко спящего по соседству приятеля. – Он не при делах. Мы с Митькой вдвоем... Где Митька? – Митькой оказался тип, недавно так отчаянно вопивший. – Вот.

– Значит, ты и Митька встретились с Шацким...

– Это кто такой?

– Лев Валерьянович.

– С Валерьянычем да, встретились. Баба нас с ним свела, ага... Я с ее братаном сидел. Ничего такая баба... Я б ее того, хотя на хрена она мне... вся такая из себя... Валерьяныч обещал тридцать штук, если принесем картины и этот... забыл...

– Каталог?

– Вот. Картины взяли, а эту хрень...

– Каталог.

– Точно. Не нашли. Он стал бабе звонить. Разорался...

– Вы где с ним встретились?

– Мы не встречались. Мы к нему домой пришли, чтоб не думал, будто мы не знаем, где его искать.

– Откуда узнали, где он живет?

– Проводили. Не я, Митька. Пришли к нему, он с этой хренью привязался, потом с бабой по телефону спорил, долго, а потом, зараза, говорит, денег не дам. Не дам, пока этот...

– Каталог, – вновь подсказал Вадим.

– Вот, пока его не принесем. И где мы, на хрен, этот каталог возьмем? Не было там ничего... А он нас за дверь. Дело сделали, а денег шиш. В доме, кроме картин, добра всякого завались, а мы только мазню эту взяли, потому что на деньги рассчитывали. Мы бы что другое взяли, немерено там барахла было... Может, даже золото.

– И вы решили, что у Шацкого тоже добра немерено?

– Если б этот гад сразу деньги отдал, а он... еще врал, что нет ничего в квартире. Есть. Правда, немного.

– По сколько на брата получилось?

– По двадцать тысяч. Еще икона пятнашка.

– Да. Биллом Гейтсом ты не стал.

– Кем?

– Не бери в голову. А знаешь, придурок, сколько тебе дадут?

– А сколько б не дали, все мои. Понял, мент?

На этот раз объясняться с полицией остался Бергман. А мы поехали в «дом с чертями», по дороге гадая, как Максимильтян объяснит наше появление в квартире Вити. Станет Джокер сообщать им о Галине или нет?

– Да ее Витя по-любому сдаст. Но дамочка, уверен, непременно отвертится. Помяните мое слово...

Галина смотрела телевизор в отведенной ей комнате. Вадим сразу по приезде отправился к ней, а с ним и я, хотя никакой необходимости

в этом вроде бы не было.

– Мы нашли Виктора, – сообщил Вадим. – В его квартире, на Спартаковской, в компании двух друзей. Там же оказались картины из коллекции Лотмана.

– Они не успели отдать их Шацкому? – нахмурилась она.

– Скорее не захотели. Они были в его доме, не сошлись во мнении об оплате их труда, и в результате Шацкий скончался.

– Вы что, хотите сказать, Шацкого убили какие-то уголовники? – спросила она с вызовом.

– По крайней мере один из них покался вполне чистосердечно.

– Я не верю, – побледнев, резко сказала Галина. – С какой стати им убивать Шацкого?

– Шацкий умер от сердечного приступа, потому что эти типы его пытали. Были уверены, что свои сбережения он хранит дома. И очень обиделись, что денег оказалось немного. Скоро они начнут давать показания в полиции.

– Они же не идиоты, чтобы сознаться в убийстве?

– Насчет идиотов точно не скажу, но по виду даже хуже. И тюрьма для них почти что дом родной. Погуляли немного на воле, соскучились. Я бы вам советовал подумать, что вы будете говорить следователю.

– Я? – возмутилась Галина и тут же сникла. – Черт... но постойте, кто же тогда убил Лотмана?

– Этого мы пока не знаем.

Галина задумалась, вроде бы вовсе забыв о нашем присутствии, и мы покинули комнату, предоставив ей возможность размышлять в свое удовольствие.

Бергман явился часа через два, и мы собрались на совещание в его кабинете. Версия о том, что обманутый клиент расправляется со своими обидчиками, теперь была под сомнением. Гибель Шацкого, по крайней мере, никакого отношения к предполагаемому клиенту не имела.

– Я бы поставил на наследство, – высказал мнение Вадим и повернулся к Димке: – Надо поскорее найти этого Сивко.

– А я что делаю? Но регистрация у него в Хотине, и найти его здесь непросто. Попробую через налоговую. Если он работает официально...

– С Галиной что будем делать? – взглянув на Бергмана, спросил Вадим.

Максимильян равнодушно пожал плечами.

Не знаю, беседовал он с ней в тот вечер или нет, но она осталась в доме. Так же, как и мы. Бергман сказал:

– Нет смысла расходиться, события начинают развиваться стремительно, и пока лучше держаться вместе.

Так как и Вадим, и Димка с этим согласились, я тоже возражать не стала. Сразу после совещания мой возлюбленный удалился в свою комнату, и я решила его не беспокоить, у меня дела тоже найдутся. А вот у Вадима их не нашлось, и он явился ко мне. В результате мы устроились в гостиной и половину ночи играли в шахматы.

А утро вновь преподнесло сюрприз. Только я вышла из ванной, как в дверь моей комнаты постучали, и Димка настойчиво позвал:

– Лена, подъем.

Я подумала, что он мог выбрать другой способ меня разбудить, тем более что дверь вовсе не была заперта, но вместо того чтобы вздохнуть по этому поводу, поторопилась присоединиться к остальным. Всю команду я обнаружила в кабинете Бергмана. Димка выглядел слегка помятым, Вадим зевал во весь рот, и только Максимилиан был, как всегда, свеж и нестерпимо хорош, точно минуту назад закончил съемку для модного журнала.

Это слегка раздражало, наверное, потому, что подобными качествами я похвастать не могла и выглядела с утра так, как выглядит среднестатистическая девица моего возраста, то есть неплохо, но очень бы хотелось лучше.

– Час назад мне звонил Стас, – сообщил Бергман. – Ночью, по словам его матери, кто-то вновь бродил возле дома. У Вербицкого легкая истерика, он боится за жизнь Надежды.

– Но на охрану деньги жмет? – хмыкнул Вадим.

– Он разговаривал со следователем, который ведет дело Лотмана, однако тот, по мнению Стаса, отнесся к известию без должного внимания. На том основании, что мадам Вербицкой что-то показалось и слышалось, охрану им никто не даст.

– И что ты предлагаешь? – спросил Димка.

– Давайте проверим, у мадам действительно глюки или к нашей девушке кто-то испытывает интерес?

– Устроим засаду? – задал вопрос Вадим.

– Присмотрим за домом этой ночью, – ответил Бергман. – Ни Стас, ни кто другой знать об этом не должны.

– Хорошо. Хотя по мне, если к ним наведывался киллер, труп бы уже нарисовался. Перестрелять всех в этом доме было бы легче легкого.

– Согласен, – кивнул Бергман. – А если это не киллер? И у него совсем другие намерения?

– Какие?

– Давайте узнаем. К Вербицкому отправимся вечером. Я на некоторое время уеду, вам, надеюсь, есть чем заняться?

– Я нашел Сивко, – порадовал Димка. – Он работает в частном музее «Баба-яга и Змей Горыныч», есть и такой в нашем городе. Устроился администратором. Звучит весьма расплывчато, но, надеюсь, на месте его застать можно. Теперь то, что касается нашей гостьи. Ее бойфренд сейчас в отъезде, по ее словам, решил любовник родителей, которые живут в Казани. И это единственная правдивая деталь ее рассказа. Начну с того, что Васильев Денис Викторович успехами в бизнесе похвастать не может. На деле есть небольшая мастерская по ремонту машин, где тачки скорее всего не ремонтируют, а разбирают на запчасти. Без ведома их хозяев. Менты дважды проявляли к этой лавочке повышенный интерес, но доказательств не нашлось, и парень пока гуляет на свободе. В Казани его в настоящий момент нет, родители о его намерениях их посетить ничего не знают. Нет его и в мастерской, там трудятся два слесаря, своего босса видят нечасто. Где Денис Викторович обретается сейчас, пока загадка. В съемной квартире его тоже нет. Кстати, он моложе нашей гостьи на одиннадцать лет.

– И она ему скорее всего приплачивает, – кивнул Вадим. – Интересно, что эта парочка задумала? Может, тряхнем красотку, пока она здесь?

– А что? – кивнул Димка. – Возможно, заодно узнаем, кто мешает спать мадам Вербицкой.

– Отлично, – согласился Бергман и взглянул на часы. – Этим и займитесь. Поговорите с Галиной и навестите Сивко. Да, и не забудьте предупредить Лионеллу, что на ужин остаются все.

С этими словами Бергман удалился, оставив нас в легком недоумении.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – вздохнув, задал вопрос Димка. Вадим пожал плечами:

– У него есть дела, в которые нас он посвящать не хочет.

– Не только у него, – глядя на Димку, добавила я, он ничего не ответил, но глаза поспешно отвел.

– Я к Сивко, – сказал Вадим, поднимаясь. – С Галиной сами справитесь?

Галина в одиночестве завтракала в кухне. Должно быть, наши физиономии ей не понравились, потому что она мгновенно насторожилась, отставила чашку с недопитым кофе и хмуро спросила:

– В чем дело?

– У нас появились кое-какие вопросы, – добродушно ответил Димка, налил из кофейника кофе себе и мне и устроился напротив Галины. Я села рядом.

– Я рассказала вам все, что сама знала.

– Речь о вашем бойфренде... – Дима не успел договорить, она зло фыркнула и отвернулась.

– Надо было сообразить, что вы быстро докопаетесь. Ну да, Денис далек от того образа, который я нарисовала. Он отличный парень, хоть и без особых талантов и амбиций. За плечами техникум и пару лет работы в автосервисе. Сейчас у него своя мастерская. Вряд ли приносит большой доход. У моей машины колесо спустило, а я как раз проезжала мимо... Он мне показался симпатичным, таким земным, что ли... На фоне Лотмана он смотрелся очень выигрышно. Натан к тому моменту успел меня доконать своей жадностью, непорядочностью, а больше всего своей гениальностью. Было ясно, что он на мне не женится и время я трачу зря. Да и я уже не стремилась за него замуж. Он бы продолжал оплакивать каждый рубль, который попал мне в руки, так что вряд ли бы я много выиграла от замужества. Да еще пришлось бы ежедневно видеться с этими его бабами, сестрицей и дочкой. Против Надьки я ничего не имела, хотя и она трудами своей семейки быстро бы превратилась в никчемное существо. В общем, Денис подвернулся весьма кстати: с прошлой жизнью надо было кончать. Признаюсь, была еще мысль, вдруг Лотман перепугается и все-таки женится на мне. Как видите, я предельно откровенна. Он был в отчаянии, но по другой причине, о ней я уже говорила: о бесплатных услугах пришлось забыть.

– Где сейчас Денис? У родителей он не появлялся.

– Да? Это для меня новость. Я звонила ему вчера, мобильный отключен. Я действительно не знаю, где он может быть. И не очень интересуюсь, если честно. Сейчас меня заботит лишь собственная судьба. – Тут она сначала посмотрела на меня, потом на Диму и спросила с вызовом: – Вы решили, что Денис имеет какое-то отношение к убийству Лотмана? Это же глупость. Зачем мне его смерть? Что я от нее выгадаю? А вот неприятности мне точно будут обеспечены, если полиция начнет копать в его делах. И поверьте, я бы выбрала другое время, не тот момент, когда в доме эти две картины... И каталог там тоже бы не оставила. Я передала Максимилиану Эдмундовичу список тех, кому Лотман продал подделки. Среди этих людей и надо искать убийцу. Разве не ясно?

Она была раздражена, но, судя по всему, говорила правду. По крайней мере у меня не было повода думать иначе.

Примерно через час после этого вернулся Вадим. Сивко на работе не оказалось. Он отпрашивался на пару дней, сказал, что ему надо съездить в Хотин, решить какие-то вопросы с квартирой. В музее он на хорошем счету, правда, кроме него, там всего три сотрудника, одна из которых хозяйка музея. По сути, это сувенирная лавка, в одной из комнат разместили экспозицию. Посетители, в основном дети, приходят небольшими группами, примерно с полчаса им рассказывают сказки. Этим как раз Сивко и занимается. У него обнаружился незаурядный талант. Платили ему за это, правда, сущие копейки, так что неясно, как он выживает, да еще на съемной квартире. На квартиру Вадим тоже взглянул. Деревянный дом в районе Покровского монастыря. Жилье у Сивко совсем крохотное: комната, кухня четыре метра и душевая, совмещенная с туалетом. Хозяйка живет в том же доме. Жильца хвалит. Интеллигентный, спокойный. Если сдавать квартиру в Хотине, то на этот угол с небольшой доплатой денег хватит. Допустим, раньше он шел на все эти жертвы из-за большой любви. Хозяйка сказала, что в первое время к Сивко раз в неделю навещалась женщина. Видела она ее только мельком, но стены хлипкие и голоса до нее доносились. Но уже месяц как женщина не приходит. А вчера вечером и жилец уехал. В Хотин. На пару дней. Чего теперь здесь держит Сивко, остается лишь гадать.

– Наследство ждет, – усмехнулся Вадим.

– Должно быть, так. Но из того, что я узнал... в общем, не особо верится, что он наш киллер. Хотя... интеллигенты у меня на подозрении. В тихом омуте черти водятся. Сгонять в Хотин?

– Подождем до завтра, может, тут появится.

К вечеру вернулся Бергман. Доложив ему о наших весьма скромных достижениях, мы стали готовиться к поездке к Вербицкому. Подготовка в основном свелась к обсуждению, как проще всего держать под контролем дом, не привлекая внимания хозяев.

В половине одиннадцатого мы уже заняли позиции. Прибыли на двух машинах, но оставили их в кустах на выезде из деревни и к даче шли пешком. Мне достались ворота и калитка, за которыми следовало неусыпно наблюдать из-за ближайших зарослей акации. Понятно, что мой пост был самым безнадежным в плане появления злодея, вряд ли киллер решит воспользоваться калиткой и уж тем более воротами. Мужчины расположились по периметру забора. Никого из них я видеть не могла, каждый позаботился о том, чтобы найти себе надежное укрытие.

В окнах первого этажа горел свет, до меня доносились обрывки

разговора, видимо, семейство отдыхало на открытой веранде. Затем все стихло, вскоре свет в окнах тоже погас. А я забеспокоилась, уличных фонарей поблизости нет, и тьма обещала быть кромешной. Как бы мне гостя не проворонить. Ко всему прочему, выяснилось, что сидеть в засаде занятие малоприятное.

Я, прислонившись к дереву, таращилась на калитку, смутно проступающую из темноты, когда пришло СМС от Вадима. Мы заранее договорились перевести мобильный на вибрацию.

«Сбор слева от ворот, там, где большая липа». Липу я видела прекрасно. И очень обрадовалась возможности хоть немного подвигаться. Когда я чуть ли не на ощупь достигла указанного дерева, там уже были все трое.

– Через калитку идти нельзя, – понизив голос, говорил Вадим. – Окна мадам как раз на нее выходят. Учитывая, что она у нас на редкость бдительная...

– Зачем вам калитка? – не поняла я.

– Придется держаться как можно ближе к дому. Здесь мы в такой темноте гостя провороним. Короче, лезем через забор.

– Я не очень хорошо лазаю, – на всякий случай сообщила я.

– Ты и бегаешь так себе, – хмыкнул Вадим. – Как ты вообще живешь на свете, милая?

– Да пошел ты...

– Тихо, – вмешался Бергман, на корню пресекая нашу веселую перепалку, и дал краткие указания, кто где должен расположиться и с какой части дома не спускать глаз.

После этого мы приблизились к забору и благополучно его преодолели. Первым через забор перемахнул Вадим, потом пришла моя очередь. С большим удовлетворением я констатировала, что могла бы справиться и без помощи мужчин, хотя от нее все-таки не отказалась: Димка посадил меня с одной стороны, а Вадим принял с другой. Волошин прижал палец к губам, призывая к молчанию, и кивком указал в сторону балкона, где мне и надлежало обретаться.

Я кралась вдоль забора, стараясь не шуметь, больше всего на свете опасаясь, что глазастая мадам Вербицкая меня все-таки заметит и поднимет тревогу. Но до высоченной туи, которая и послужила мне укрытием, я добралась без происшествий. Видела меня мадам или нет, наверняка не скажешь, но в доме все тихо.

Следующий час я каждые десять минут отправляла СМС Бергману. Никакого сообщения в них на самом деле не содержалось, это был сигнал

о том, что у меня все в порядке. В ответ я получала такое же СМС. В случае если мне что-то покажется подозрительным, я должна отправить цифру «1». У меня было чувство, что мои компаньоны считают, что мы здесь зря теряем время. Если честно, я и сама так думала. Лазание через заборы и сидение в засаде казались на редкость глупым занятием, а вскоре все силы уходили только на то, чтобы не уснуть.

Прошел еще один час, и еще. СМС оставались единственным развлечением. И вдруг в ночной тишине скрипнула дверь. Кто-то вышел из дома. Или вошел? Сколько бы я ни напрягала зрение, все равно ничего увидеть не могла. Минут через пять вспыхнул свет в одном из окон первого этажа, и я услышала голос Эммы.

- Кто здесь?
- Я, – раздраженно ответила Надя.
- В чем дело, дорогая?
- Ни в чем. Просто вышла покурить.
- Для меня новость, что ты куришь...

Теперь Надю я видела довольно хорошо, она, появившись из-за угла дома, подошла к крыльцу, устроилась на ступеньках и закурила. Тут же появилась Эмма в белой ночной рубашке, очень похожая на привидение.

- Хочешь теплого молока с медом? Отличное средство от бессонницы.
- Я просто хочу спокойно покурить.
- Ну хорошо, милая. Я запру дверь на веранду, а ты не забудь...
- Не забуду, – отрезала Надежда, и Эмма поспешно скрылась в доме. –

Старая дура, – довольно громко произнесла ей вдогонку Надежда, отбросила сигарету в сторону и еще некоторое время сидела, обхватив себя за плечи руками. Потом резко выпрямилась и вошла в дом. Свет в небольшом окне над входной дверью потух, и дом погрузился в темноту.

Мысль о том, чтобы провести в укрытии остаток ночи, теперь откровенно пугала. Вряд ли случится что-то еще, заслуживающее внимания.

Следующее СМС я едва не проворонила. Мобильный завибрировал, и я, досадливо чертыхнувшись, полезла за ним в карман.

- «Все в порядке?» – спрашивал Бергман.
- «Все ОК», – ответила я.

Глаза отчаянно слипались, так и подмывало вытянуть ноги и немного подремать. Духота уступила место ночной прохладе, и я пожалела, что не прихватила куртку. Мои вполне мирные, а главное, малоинтересные размышления были прерваны весьма неожиданно.

- Стой! – вдруг заорал Димка, он находился где-то справа от меня,

потом грохнул выстрел, а после этого началось такое...

В доме вспыхнул свет, все разом закричали, Вадим отчаянно матерился, а я неслась к Димке, толком не понимая, что происходит. Возлюбленный сидел в траве, зажимая правой рукой ухо, и страдальчески кривился. Рядом стоял Бергман, а вскоре и Вадим появился. Он вынырнул из темноты, сообщив с досадой:

– Ушел, гад. В темноте бегать за ним бесполезно. Ты как? – наклонился он к Димке.

– Как, как, – передразнил тот. – Как, по-твоему, чувствует себя человек, получивший пулю в ухо?

– Понятия не имею, – хмыкнул Вадим. – Знаю только, как чувствует себя человек, получивший пулю в плечо, в грудь, в ногу и осколок гранаты в задницу.

– Ты ранен? – испуганно спросила я.

– Ерунда, – отмахнулся Вадим, а Димка обиженно нахмурился.

Я отвела его руку и увидела, что ухо окровавлено, но в общем-то в сохранности. Пуля прошла по касательной, задев кончик уха и срезав кожу над ним.

– Я ничего не слышу, – пожаловался Димка.

– Вадим, звони в «Скорую», – сказал Бергман.

– Из-за какой-то царапины?

– У него скорее всего контузия. В любом случае врачу надо показаться. Кровотечение довольно сильное.

Пока я суежилась возле Димки (надо признать, пользы от меня было мало), Вадим звонил в «Скорую», а Бергман в полицию, из дома появился Стас, а вслед за ним и остальные обитатели. Надя выглядела насмерть перепуганной.

– Что здесь происходит? – возмущенно спросила Эмма, Стас жалобно взывал «мама, мама». Ближе к дверям жалась Инна и молча смотрела на нас.

– Предлагаю объясняться дома, – твердо заявил Максимилиан, убирая мобильный, и все, точно овцы впереди пастуха, заспешили в дом. Шествие замыкал Бергман.

В гостиной расселись группами: дрожа то ли от холода, то ли от страха, Надя рядом с Инной, Стас на диване с мамашей. Вадим помогал мне промыть Димке рану, которую считал пустяковой, а Бергман расхаживал между нами в большом раздражении.

– Что все-таки произошло? – не унималась Эмма.

Просветить ее взялся Вадим.

– Вы в своем уме? – выслушав его, возмутилась она. – Почему вы нас не предупредили? Затеяли стрельбу...

– Смею напомнить, что стрельбу затеял, как вы выражаетесь, неизвестный. Мой друг ранен...

– Не ждите, что мы будем оплачивать лечение, – взвизгнула мадам.

– Мы помним, что вам это не по средствам, – резко ответил Бергман, мадам побледнела от злости и больше рта не открывала.

– Я ничего не понимаю, – замотала головой Надя. – Кто стрелял? Почему?

– Станислав Янович подозревал, что к дому по ночам кто-то проявляет интерес. Мы решили проверить.

– Он через забор перемахнул, – вмешался Димка, прижимая к голове сложенное полотенце. – И направился к дому. Я собирался подобраться поближе, но споткнулся в темноте. Он повернулся, видимо, заметил меня и бросился бежать. Я крикнул, он выстрелил. Я упал в траву, а когда поднялся, он успел перемахнуть обратно через забор.

– И бросился в лес. Я пытался его догнать, но в темноте, да еще в лесу – это пустая затея, – закончил за него Вадим.

– И вы не знаете, кто это?

– Нет. Но у нас есть догадки. Скажите, вы когда-нибудь слышали фамилию Сивко? Сивко Геннадий Петрович? – спросил Бергман, обращаясь к Наде.

– Нет, – покачала головой девушка, после рассказа Димки она начала понемногу успокаиваться. – А кто это?

– Муж Ядвиги Давыдовны. – Пока все переглядывались в большом недоумении, Бергман продолжил: – Они познакомились в Хотине, когда Ядвига занималась устройством выставки вашего деда. Сивко работал в музее. Они расписались, и Сивко переехал сюда.

– Но Ядвига ничего не говорила... понятно, – зло усмехнулась девушка. – Деда боялась. И что Сивко? Это он на меня охотится?

– Мы вполне допускаем, что он. Хотя... – Тут Бергман пожал плечами и замолчал.

Стас стал задавать вопросы, Сивко его очень интересовал.

– Вы должны его найти, – с беспокойством произнес он. – Этот Геннадий Петрович явно неспроста сюда переехал. Где, вы говорите он сейчас живет?

– По-вашему, нам угрожает какой-то администратор, рассказывающий сказки детям? – возмутилась Эмма.

Возле ворот посигналили, приехала «Скорая», и разговор пришлось

прервать. Димку осмотрели, сказали «жить будет» и похвалили за грамотно наложенную повязку. При этом смотрели на меня, хотя перевязку делал Вадим, а я лишь в меру сил помогала. Ранение, к моей большой радости, признали пустяковым, но решили дождаться приезда полиции, как-никак огнестрел.

Полиция появилась довольно быстро. Все это время я сидела рядом с Димкой, держа его за руку. Он выглядел слегка недовольным. То, что его рану не сочли серьезной, его, кажется, обидело. Вадим с Бергманом отправились в сад, я слышала, как Максимилян шепнул Воину: «Надо найти пулю».

Завидев полицию, мадам Вербицкая сразу кинулась в атаку. Мало что понимая, они таращились на нее в полном обалдении, но тут взял слово появившийся из сада Бергман, и все затихли. Узнав, с кем придется иметь дело, полицейские в восторг не пришли, но выслушали рассказ спокойно.

– Мы нашли пулю, – порадовал их Бергман и увел с собой.

Позже выяснилось, что пуля, задевшая Димкино ухо, попала в дерево. Так как полицейских избавили от необходимости ее искать, они заметно подобрали. Стас метался от матери к Бергману и выглядел особенно несчастным. Переживаний ему добавила Надежда, которая на первый же вопрос следователя ответила резко:

– Надоели вы мне все, – и ушла к себе в комнату. На меня внимания никто не обращал, и слава богу.

Часов в шесть мы оказались в доме Бергмана и разбрелись по комнатам. Все едва держались на ногах от усталости. Димка спросил:

– Можно, я у тебя лягу? – И, разумеется, получил согласие.

Мы крепко обнялись и через пять минут уже спали. Ему, скорее всего, просто требовалось дружеское участие, и меня это вполне устроило.

Когда я, проснувшись, отправилась в кухню выпить воды, столкнулась в дверях с Лионеллой и узнала, что Бергман не ложился, а час назад уехал. И слова, и тон, с которым они были произнесены, прозрачно намекали на то, что работает здесь один хозяин, а все остальные не более чем нахлебники. Я была не в том настроении, чтобы с ней спорить, а вот отсутствие Максимильяна наводило на размышления.

Заглянув в комнату Волошина, я убедилась, что его тоже где-то носит. Но вместо того чтобы ломать над этим голову, пошла досыпать.

Встретились мы за обедом. Галины за столом не было, Бергман ответил на мой вопрос:

– Она нас покинула. – В свете последних событий, прозвучало это как-

то двусмысленно.

– Джокер смог убедить Галину, что ее жизни ничего не угрожает, – вмешался Вадим. – Дамочка совсем не в его вкусе, и гостей он не особо жалуется.

– Ты в самом деле уверен, что она ничем не рискует? – нахмурилась я.

– Определенный риск, конечно, есть. Кирпичи все еще падают на голову с завидной регулярностью. Но версия, что некто мстит мошенникам, вызывает большие сомнения. Хотя всех, кто есть в списке Галины, следует тщательно проверить. Сегодня ночью в Поэта стреляли из того же оружия, что и в Лотмана с семьей.

– Это точно?

– Абсолютно.

Что-то не складывалось. Оттого я чувствовала беспокойство, а еще досаду. С одной стороны, все вроде бы ясно: убийца Лотмана решает устранить последнее препятствие на пути к наследству – Надежду. И пытается ее убить. Но все это упорно вызывало сомнение, причину которого я определить затруднялась.

– Получается, у нас один подозреваемый – Сивко? – оглядывая всех по очереди, спросил Димка.

Бергман пожал плечами:

– По всей видимости, так.

– Тогда какого хрена мы здесь сидим? – хмыкнул Вадим.

– Мы до сих пор не знаем, где он находится, – напомнил Максимильтян. – С работы он отпросился на пару дней, значит, завтра должен появиться.

В этот момент в столовую заглянула Лионелла и сказала с недовольством:

– Вас какая-то девица спрашивает.

– Она назвалась?

– Нет, но тут я ее уже видела. Пустить?

– Пусть подождет в кабинете.

– Кто это может быть? – спросил Димка.

– Закончим обедать и узнаем.

В кабинете, куда мы отправились вчетвером, ждала Надежда. Увидев нас, вскочила и шагнула навстречу.

– Я к вам...

– Присаживайтесь, – указал ей на кресло Бергман. Особо гостеприимным не выглядел. – Вы приехали одна?

– Да. Я ушла от них. Надоела эта Эмма... и сынок ее... все надоели.

– И что теперь собираетесь делать?

Вопрос вызвал растерянность.

– Я... что-нибудь придумаю.

– Отлично. А сюда вы зачем пришли?

– Но... я же... к кому мне еще идти?

– Я помню, что вы остались одна. Ни родственников, ни друзей.

При этом с легкостью отказываетесь от помощи.

– Вы Вербицких имеете в виду? – обиженно спросила она, надув губы, точно ребенок.

Бергман кивнул.

– Станислав Янович проявляет о вас искреннюю заботу.

– Потому что у меня есть деньги. Его мамаша твердит с утра до вечера, какой он замечательный... только он мне не нужен.

– Что ж... Я думаю, господин Аллилуев охотно придет вам на помощь.

– Да не хочу я связываться с этим старым занудой.

– Тогда поясните, что вы ждете от нас?

– Помогите мне.

Она вздохнула, а потом кокетливо улыбнулась. А я вспомнила слова Вадима «девчонка меня клеит». Теперь она испытывала свои женские чары на Бергмане. Он равнодушно пожал плечами:

– Вы можете жить здесь, пока мы не найдем убийцу.

– Ага. Вместо одной тюрьмы переселиться в другую, – хмыкнула она и тут же смущенно отвела взгляд. – Слушайте, я уже взрослая и хочу сама решать...

– Так в чем проблема? – невежливо перебил Бергман.

Его подчеркнутое равнодушие и высокомерие ее испугали. Она готова была разрыдаться и держалась из последних сил, справедливо полагая, что слезы впечатления на него тоже не произведут. Нашла взглядом Вадима, но тот с праздным видом крутил огромный глобус на латунной подставке, украшавший кабинет Бергмана.

– Я не могу вернуться в дом деда, – прошептала она. – Но у Ядвиги есть квартира. Я ведь имею право жить там? Мне надо немного денег на первое время. Я потом все верну. С процентами.

– Вы наследство имеете в виду? – спросил Бергман. – До него еще нужно дожить.

– Вы меня запугиваете, – жалобно произнесла она, но в тот момент совсем не боялась.

– Нет, я хочу, чтобы ситуация стала для вас предельно ясной. Этой ночью вас пытались убить.

– Да с чего вы взяли? – возразила она. – Какой-то придурок влез в чужой сад...

– У этого придурка было оружие. Так что это не «обычный придурок». И еще: оружие то самое, из которого была расстреляна ваша семья. В полиции вам об этом еще не сказали?

Лицо ее сморщилось, она закрыла его руками и заплакала. Горько, отчаянно. Я с раздражением смотрела на Бергмана, тот сидел с невозмутимым видом, но поразил не он, а Вадим с Димкой. У обоих ее слезы сочувствия не вызывали, только досаду.

– Что же мне делать? – вытирая глаза ладошкой, спросила она.

– Не отказываться от помощи и проявлять осторожность.

– От какой помощи? – переход от отчаяния к возмущению был весьма стремителен. – Они мне не дают шагу сделать. Я не могу выйти из дома... просто побыть одна не могу.

– Вполне вероятно, в полиции решат дать вам охрану, в этом случае ваши передвижения станут еще более ограниченными. Утешайтесь тем, что это временно. Так кому мне позвонить? Аллилуеву или Вербицкой? Возможно, есть еще кто-то?

– Никого, – отмахнулась она. – Ладно, звоните Аллилуеву. К Эмме я точно не вернусь. Чтобы от них избавиться, мне пришлось в окно вылезать. Это нормально?

– Нет, не нормально. Уверен, они сейчас места себе не находят от беспокойства. И уже звонят в полицию.

– Ну почему вы не хотите мне помочь? – стукнула она кулаком по подлокотнику кресла. – Всем было бы хорошо. Я бы жила в квартире Ядвиги, никто бы не знал, где меня искать. Я бы просто жила, никому не мешая. Что в этом плохого?

– Поговорите об этом с Аллилуевым. В любом случае не мне решать вашу судьбу.

– У вас ведь есть деньги? Я же вижу... вон какой дом... Почему вы не хотите помочь? Ладно, звоните Аллилуеву. Только предупредите его, пусть меня оставит в покое. И никаких дач, я в городе жить хочу.

Максимильян позвонил Аллилуеву, тот согласился принять Надю, хоть и без особой охоты и уж точно без каких-либо условий с ее стороны. Было решено, что к Аллилуеву ее отвезет Вадим, я вызвалась ехать с ними. Димка чувствовал себя вполне нормально, а работы у него даже слишком много.

По дороге к Аллилуеву мы все больше молчали, только когда впереди показался его дом, Надя попросила:

– Заберите мои вещи у Вербицких, пожалуйста. Я к ним возвращаться не хочу.

– Хорошо, – кивнул Вадим.

Девушка отвернулась к окну в большой на него обиде, а я гадала о причине этой самой обиды. Вадим ей нравится? И, уходя от Вербицких, она рассчитывала на него?

– Надя тебе звонила? – задала я вопрос, когда мы возвращались, оставив ее у Аллилуева.

– Когда? – не понял он.

– Вчера, сегодня?

– Нет. Звонила позавчера утром, предупредить, что у Эммы глюки. Потом еще раз позвонила уже днем. Без всякого повода, просто поболтать хотела. И все. Я еще порадовался: если не звонит, значит, у нее все в порядке. Почему ты спросила?

– Сама не знаю. А как Бергману удалось так быстро выяснить, что в Димку стреляли из того же самого оружия, что и в Лотмана?

– Одиннадцатая заповедь, детка: «Будь тем, кому кто-то должен».

– Вот как...

– Без этого в нашем деле никуда.

– Кстати, ты знаешь, что Максимильян живет в доме своего деда? Особняк когда-то принадлежал ему.

– Прикольно. Собственный родовой особняк.

– С гербом на фасаде, – добавила я, а Вадим засмеялся:

– Интересно, что бы изобразили на моем гербе? Банку пива и телевизор? Про деда тебе Джокер рассказал?

– Да. Я сунула свой нос в комнату, вход в которую скрыт панелями в его кабинете.

– И он тебя застукал?

– И он меня застукал. Но был так мил, что не выгнал взашей из дома, а кое-что рассказал о себе.

– Понятно, – кивнул Вадим.

– Как думаешь, его рассказам стоит верить? – приглядываясь к нему, спросила я. – О том, что я непременно суну свой нос в эту комнату, он, конечно, догадывался и... подготовился?

– Это ты сказала, – засмеялся Вадим и серьезно добавил: – Вот что, давай-ка заглянем к Сивко. Вдруг неуловимый вдовец наконец появился.

Я согласно кивнула, очень сожалея, что разговор о Бергмане он не поддержал.

Мы подъехали к дому Сивко в тот момент, когда в калитку входил невысокий пухлый дядечка с окладистой бородкой и лысиной, которую он тщетно пытался замаскировать.

– Это он, – заявил Вадим, судя по интонации, сам не веря в такую удачу. Вышел из машины и громко позвал: – Геннадий Петрович!

Сивко повернулся, испуганно оглядел приближающегося Вадима и поспешил скрыться за калиткой, однако в дом не вошел, стоял и ждал. Я поторопилась присоединиться к Волошину, заметив, какое он произвел впечатление.

– Мы уже несколько дней разыскиваем вас, – сказала я и улыбнулась, но улыбка никакого эффекта не произвела. Сивко испугался еще больше.

– Вы кто? – спросил он.

– Вы знаете о несчастье, которое произошло с вашей женой? – как можно мягче спросила я.

Лицо Сивко скривилось, а вздох, который против воли вырвался из груди, больше напоминал стон.

– Какой женой? – задал он вопрос, но удивление разыгрывал неубедительно, о чем и сам догадывался.

– А у вас их сколько? – озадачился Вадим.

– Я не понимаю, что вам от меня надо, – заволновался Геннадий Петрович, а я коротко объяснила, кто мы.

– Хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Я живу на квартире, хозяйка не любит, когда ко мне приходят... Хорошо, проходите. – Он открыл калитку, сделал шаг в сторону и предложил: – Давайте поговорим вот здесь, – и кивнул на скамейку. – На воздухе гораздо приятнее.

Он сел на скамью возле входной двери, и мы устроились рядом, сидели, точно бабки на завалинке. Окно распахнулось, и мы увидели хозяйку дома.

– Геннадий Петрович, вы вернулись? – осведомилась она, с интересом на нас поглядывая.

– Как видите. Надеюсь, у вас все в порядке? Извините, у меня гости...

– Да-да, – закивала хозяйка и окно захлопнула, а Сивко с мукой душевной перевел взгляд на Вадима.

– Я понятия не имею, кто желал смерти моей жене... бывшей, – перешел он на шепот. – Вы ведь за этим пришли?

– Расскажите подробнее, как вы познакомились...

– Господи, ну какое это имеет значение, – всплеснул он руками. – Ну, хорошо... мы познакомились... три года назад. Вместе готовили

персональную выставку ее брата. Она была очень несчастна. Брат – тиран, самый настоящий тиран и... страшный человек. Да, именно так отзывалась о нем Ядвига. Мы полюбили друг друга, потому что прекрасно понимали... Моя мать... о покойниках плохо не говорят, но... в общем, мне не надо было рассказывать, как живет Ядвига с таким человеком. Мы полюбили друг друга, это не была страсть, а выбор двух взрослых людей...

– Вы поженились, но Ядвига Давыдовна брату об этом не рассказала, – решил Вадим несколько ускорить события.

– В том-то и дело. Она боялась, понимаете? Если честно, вначале я не очень настаивал. Еще жива была моя мать... и наша тайна освобождала меня от очень неприятного разговора. Но когда мать умерла и ничего не изменилось... Ядвига по-прежнему приезжала ко мне в Хотин в лучшем случае раз в неделю, останавливаясь в гостинице, куда я крался, словно вор. У нее была навязчивая идея, что о нас узнают и донесут брату. Я был страшно одинок плюс бытовая неустроенность. Я сказал ей, что долго так продолжаться не может. Она настояла, чтобы я переехал сюда. Я переехал в надежде, что мы будем видеться чаще. Устроился на работу, которая мне совсем не нравилась, жил на квартире. Можете сами убедиться: не хоромы. Видеться мы стали даже реже. Полтора месяца назад я предложил ей развестись.

– Нашел бабенку, которая тебе щи варит? – весело спросил Вадим.

– Какое право вы имеете говорить в таком тоне? – взвился Сивко, но тут же сник. – Мне безразлично, что вы об этом думаете. Да, я познакомился с женщиной. Она вдова. Пришла в музей с группой детишек. Ольга работает в детском санатории. Прекрасная женщина и хозяйка. У нее всегда чисто, уютно... в общем, я попросил у Ядвиги развод. Сначала она ничего не желала слушать, обзывала меня предателем. Она запрещала звонить ей на мобильный, у нее просто мания преследования. Звонить домой тоже нельзя. Я оказался в идиотской ситуации. Через пару недель она позвонила сама, сказала, что поедет в Хотин по делам брата и сама подаст на развод. Я вздохнул с облегчением. И вдруг это убийство...

– Следовательно с вами беседовал? – задала я вопрос, Сивко передернул плечами, точно съел кислое.

– Нет. Скажите на милость, какой в этом смысл?

– То есть им неизвестно, что Ядвига тайно вышла замуж, и вы заявить об этом не торопитесь?

– По-вашему, мне не хватает неприятностей? Нет уж, увольте...

– Они в конце концов узнают и зададут вам вопрос: с какой стати вы об этом молчали, – усмехнулся Вадим. – Кстати, вы на наследство

претендовать собираетесь?

– Какое еще наследство? Вы ее квартиру имеете в виду? Так она наполовину принадлежала брату. Вы бы знали, как Ядвига его боялась. Утверждала, что он убил своего зятя. Это правда?

– Кто знает. Нас сейчас его собственная кончина куда больше интересует. И традиционный вопрос: можете вспомнить, что вы делали в ночь убийства?

– Могу, – с вызовом ответил Сивко. – У моей подруги день рождения в один день с дочерью Веры. Она собрала гостей, меня тоже пригласила, познакомила с друзьями. Дочь ее живет в Германии и прилететь не смогла. Было восемь человек, разошлись поздно. Проверяйте.

– А этой ночью вы где были?

Сивко похлопал глазами, заподозрив, что Вадим издевается. Но все-таки ответил:

– Этой ночью я тоже был у нее. Мы планируем жить вместе. Я заплатил за эту квартиру за месяц вперед, как только месяц закончится, я отсюда съеду.

– А с работы вы по какой причине отпросились?

– Господи, вы уже и на работе были... Ждал слесаря-сантехника, в квартире Ольги проблема с канализацией. А сегодня утром помогал стеклить балкон.

– Молодец, – поднимаясь, сказал Вадим. – Как отчество Ольги?

– Васильевна.

– А фамилия?

– Не вздумайте ее беспокоить. Она...

– Фамилия? – нетерпеливо повторил Вадим.

– Проскурякова.

– Всего доброго.

Я молча кивнула, и мы направились к калитке.

– Что скажешь? – спросил Вадим.

– Он нервничал, боялся, но откровенного вранья не было. Не похож он на убийцу. Димка сказал, тот выше среднего роста. А этот коротышка. И вряд ли способен перелезть через забор.

– А ему и не надо. Ясно, что стрелял кто-то другой. У интеллигента кишка тонка самому граждан мочить. А вот нанять кого – запросто.

Я пожала плечами. Мы сели в машину и успели отъехать на пару троллейбусных остановок от дома Сивко, когда вдруг возникло беспокойство, вроде бы беспричинное, но оно не только не исчезало, а, казалось, с каждой минутой это чувство становилось все сильнее. И я

попросила:

– Давай вернемся.

– Зачем? – удивился Вадим.

– Сама не знаю. Надо вернуться, и побыстрее.

Вопросов он больше не задавал, и мы помчались к дому Сивко.

Все выглядело в точности так, как двадцать минут назад, когда мы отсюда уезжали.

– Идем? – неуверенно спросил Вадим. Я кивнула.

Не успели мы выйти из машины, как увидели хозяйку Сивко, она выпорхнула из переулка, размахивая руками и бессвязно бормоча что-то. Заметила нас и замерла.

– Вы? А Геннадия Петровича-то убили!

Вадим чертыхнулся сквозь зубы, а я попыталась расспросить женщину. Отвечала она довольно путано, но главное я поняла. После нашего отъезда Сивко зашел в дом, но почти сразу же его покинул. И направился в сторону остановки. А буквально через несколько минут хозяйке позвонила знакомая, живущая в переулке, и сказала, что в ее жилья стреляли. В такое она поверить не могла, хотя выстрел слышала, правда, не поняла, что это такое. Постучалась к жильцу и, убедившись, что дома его нет, рванула в переулок, где и обнаружила его бездыханным.

Вадим отправился в переулок, а я осталась с женщиной.

Мы устроились на скамейке, где недавно беседовали с еще живым Сивко. Женщина тяжело дышала, то и дело повторяя:

– Что же это делается?

А я, выждав немного, полезла с вопросами. И оказалось, что не зря. Отличительной чертой хозяйки было любопытство, поэтому, выглянув в окно в очередной раз, она увидела, что мы уходим, и перебралась к другому окну, чтобы взглянуть на машину, на которой мы приехали.

– Свои во двор машины всегда загоняют, а если к кому приедут, то напротив ставят, возле гаражей. Больше-то негде. Вот у гаражей я его и видела.

– Кого?

– Парня этого. Стоял между гаражами и вроде курил. Я еще подумала, чего ему там надо? А потом смотрю, пошел быстро так, вроде как догоняет кого.

– Как он выглядел?

– Как? Обыкновенно. Парень как парень. В ветровке... серой или синей. Руки в карманах держал. А лица-то я не видела. У гаражей стоял, считай, ко мне спиной. И когда по улице шел, тоже все в ту сторону

смотрел, будто нарочно. Я вот теперь думаю, не за Геной ли он следил? Как Гена вышел, я не видела, потому что окно на улицу, а калитка сбоку. А парень его бы точно увидел.

– Волосы у него какого цвета были? – сделала я еще одну попытку получить описание парня.

– Так он в кепке был. С длинным козырьком. И вроде в очках. Но это точно не скажу. Соседи полицию вызвали. Наверное, надо туда идти. Я вернулась, потому что на плите суп... ох ты, силы небесные, – вскочила она и бросилась в дом, а я решила присоединиться к Вадиму.

В переулке уже собралась толпа. Сивко лежал на земле, раскинув руки, подогнув под себя левую ногу, и, не видя его лица, вполне можно было предположить, что это пьяный. Участковый, который прибежал на выстрел одним из первых, монотонно бубнил:

– Отойдите подальше, граждане, вы следы затопчете.

Вадим держался чуть в стороне.

– Хозяйка видела парня, крутился возле гаражей, похоже, следил за Сивко. Ничего определенного по поводу его внешности сказать не может. Лица не видела. Одет в ветровку. Серую или синюю, на голове бейсболка.

Вадим кивнул.

– Грузчик из магазина тоже обратил внимание на парня. Вышел покурить, а Сивко как раз свернул в переулок. Его кто-то окликнул, он повернулся, и тут грохнул выстрел. Сивко упал, а грузчик успел заметить парня, который побежал в сторону остановки.

– А куда ему еще бежать? – сказала я, оглядываясь. – Назад – опасно, в переулок – тем более. Остается только вперед. Там сквер. Сбросил ветровку с бейсболкой и вышел на остановку совсем другим человеком.

– Мы его прошляпили, – покачал головой Вадим в большой досаде. – Идем отсюда. Очередная встреча с полицией совсем некстати, чего доброго, наживу язву.

– Вряд ли встречи удастся избежать, – порадовала я. – Хозяйка видела твою машину, могла и номер запомнить.

– Ну, если запомнила, значит, полицейским повезет, а мне нет. Но радостную встречу лучше отложить.

Мы вернулись к машине и поехали к Бергману.

– Два прокола за одни сутки – многовато, – ворчал Воин. – Засаду у Вербицких надо было в доме устроить и идти вдвоем. А у нас получилась прогулка на природе...

– Вдвоем – это с кем? – решила уточнить я.

– С Джокером, конечно. Такая заварушка не для нашего Поэта. Чего доброго, в самом деле пристрелят.

Я была принципиальным противником заварух, где могут стрелять, но за Димку вдруг обиделась. От щеголя Бергмана толку, по мнению Вадима, куда больше. Вот уж никогда бы не подумала. Хотя... он на многое способен... если не побоится испачкать костюм.

– У Димки не было оружия, – сказала я, а Вадим фыркнул весело:

– И слава богу, он с двух метров в шкаф не попадет. – Тут он посмотрел на меня со странной смесью недоверия и восхищения.

– Это что, вроде предчувствия?

– Вроде, – кивнула я, прекрасно понимая, что он имеет в виду. – Как видишь, сработало с опозданием.

Еще только подходя к кабинету Бергмана, мы услышали громкие голоса. Вадим распахнул дверь, пропуская меня вперед, я вошла и обнаружила Максимильяна сидящим в кресле в излюбленной позе: ладони «домиком», голова чуть набок. По соседству с ним Димка, уже без повязки, с заклеенным пластырем кончиком уха, тут же Стас нервно бегал по ковро, размахивая руками.

– Как вы могли так поступить! – крикнул он, но, заметив Вадима, обороты сбавил, повалился в кресло и прикрыл лицо рукой.

– Надежда – взрослая девушка и может жить там, где сочтет нужным. Она решила переселиться к Аллилуеву. Кто может ей помешать? Сразу же после ее ухода я поставил вас об этом в известность. Не понимаю, какие могут быть претензии к нам?

– Вы не должны были ее отпускать...

– Не должен? – удивился Бергман. Стас поднялся и, не сказав больше ни слова, направился к двери.

– Парень недоволен, что птичка упорхнула? – усмехнулся Вадим и добавил со вздохом: – У нас скверная новость. Сивко убит.

Пока он рассказывал, что произошло, Бергман и Димка молчали, и даже когда Вадим закончил, в кабинете еще некоторое время царила тишина.

– Единственный подозреваемый приказал долго жить? – со вздохом произнес Поэт минут через пять.

– Почему же единственный? Есть еще бойфренд Галины... – помечтал Вадим.

– Уже нет. Парня я нашел. Отдыхает в Египте с девушкой Натальей. Мы, конечно, проверим, чем он был занят в вечер убийства, но, чувствуя,

пустышку тянем.

– Надю дважды пытались убить, – сказала я. – А сегодня убили Сивко. Нет сомнений, убирают наследников.

– И кто устроил отстрел? Еще один тайный муж? – хмыкнул Димка. – Можешь поверить, если б кто-то из убитых когда-то вступил в брак, я бы уже знал об этом.

– Допустим, что есть завещание...

– Нет никакого завещания. Это я тоже проверил.

– А если Лотман составил его сам, не прибегая к помощи юриста? – не унималась я. – И эта счастливая бумажка у кого-то сейчас на руках? Через пять месяцев он ее предъявит...

– И огребет по полной, – хмыкнул Вадим.

– Если не обзавелся стопроцентным алиби. Например, все это время жил за границей. Вспомнил о конверте, который Лотман оставил ему на хранение, и обнаружил в нем завещание.

Вадим закатил глаза, давая понять, как относится к подобной версии.

– Я скорее поверю, что Галина права и кто-то из обманутых коллекционеров вышел на тропу войны.

– Всех, кто был в ее списке, мы с Джокером проверили, – ответил Димка. – Двое под знаком вопроса в плане праведности нажитого непосильным трудом.

– Только двое? – удивился Вадим, а Димка засмеялся:

– У мужиков биография подкачала. В 90-е были крепко связаны с криминалом. Но сейчас один – депутат городского собрания, а второй – пенсионер, занят своей коллекцией и внуками. Вряд ли у них есть возможность найти подходящего человека для такого дела. Найти и не подставиться.

– А как же давние связи?

– Их дружки, так же как они сами, давно вышли в тираж. На смену пришла новая гвардия. Но главный минус этой версии даже не в этом: зачем обманутым коллекционерам убивать Сивко? Он к мошенничеству Лотмана не имел никакого отношения. Его смерть и настойчивое желание разделаться с Надей говорит о том, что все дело в наследстве.

– Меня вот что беспокоит, – вновь решила я вмешаться. – Предположим, о том, что Ядвига тайно вышла замуж, убийца знал. И искал Сивко, точно так же, как и мы. Но... вам не кажется совпадение подозрительным?

Теперь все трое смотрели на меня, первым заговорил Бергман.

– Девушка права. Ночью мы рассказывали о Сивко в доме Вербицких,

а через несколько часов его пристрелили.

– Бредовые идеи приветствуются? – спросил Вадим. – А что, если главный злодей у нас – Стас? Дела семьи из рук вон плохи, а тут богатая наследница. Женитьба на ней решит все его проблемы, но есть серьезное препятствие – Лотман. Вряд ли он выдаст единственную внучку за парня, который звезд с неба не хватает и даже отцовским наследством похвастать не может. И Стас преграду убирает, уверенный, что Надя, оставшись одна, примет предложение пожить в его доме, а при таком раскладе охмурить девчонку проще простого...

– Супер, – кивнул Димка. – Но спешу напомнить: Надя тоже едва не погибла.

– В Сивко сегодня стреляли с приличного расстояния и уколошили с одного выстрела. Это я к тому, что убийца в отличие от нашего Поэта стреляет весьма неплохо. Теперь взглянем на все происходившее в доме Лотмана иначе. Когда убийца расстреливал ее родню, девчонки в комнате не было. Предположим, убийца – Стас, он уже собирался уходить, и тут появляется Надя. Что делать? Броситься бежать? Есть риск, что девчонка вызовет полицию и те приедут слишком быстро. А если она сдуру на него кинется и стащит маску с физиономии? Он хороший стрелок...

– И стреляет в нее, но так, чтобы рана не была смертельной, – кивнул Бергман. – В котором часу погиб Сивко?

Вадим ответил, а я подумала, что в отличие от него на точное время внимания не обратила. «Вот этим и отличается профессионал от дилетанта вроде меня», – подумала я с досадой. А Бергман вновь кивнул:

– У меня Стас появился пятнадцатью минутами позднее: реально добраться сюда за пятнадцать минут?

– Времени, конечно, маловато. Но если повезет и дорога окажется свободной, вполне.

– Он здорово рисковал, – сказала я. – И это при том, что уже знал: с Надей все не так просто. Она сбежала еще утром. Скажите на милость, зачем ему убивать Сивко? Пожалел отдать половину Ядвигиной квартиры?

– Тот мог затеять тяжбу. А главное, у Надежды появляется родственник, который с радостью возьмет на себя заботы о ней. Говоря проще – конкурент.

– А насчет того, что с девчонкой все непросто, в самую точку. Оттого он сейчас и устроил скандал. Может статься, что все его труды окажутся напрасными.

– Вполне реальная версия, – оглядывая всех, сказал Димка. – Мне нравится.

– Хорошо, исходим из того, что подозреваемый у нас Вербицкий, – подвел итог Максимильян. – Остается выяснить, что он делал в вечер убийства, а также сегодня днем. По минутам.

Устанавливать, где и в какое время находился Вербицкий, предстояло мужчинам. Мне Бергман посоветовал встретиться с Надей, поговорить о том, что произошло в доме ее деда. Возможно, она вспомнит какие-то детали. Я в который раз подумала, что пользы от меня никакой, и это вызвало очередную вспышку раздражения. Само собой, досталось опять-таки Бергману. К Аллилуеву я поехала, но с Надей не встретилась. Она плохо себя чувствовала и, по словам Сергея Борисовича, заперлась в своей комнате, откуда выйти не пожелала.

Судя по голосу, девушка готовилась закатить истерику в любой момент, вряд ли сейчас разговор с ней принесет много пользы. Испытывая неловкость за поведение Нади, Сергей Борисович пригласил меня выпить чаю. Я зачем-то согласилась.

Мы устроились в просторной кухне и попытались вести светскую беседу. Само собой, ничего из этого не вышло.

– Я успел забыть, как следует обращаться с юными особами, – пожаловался он. Только я хотела обрадоваться определению «юная», как до меня дошло: в виду он имеет Надю. – Пробовал с ней поговорить, она отмалчивается. И смотрит так, точно я в чем-то виноват.

– Денег у вас не просила?

– Было дело, – кивнул он. – Я решил для начала переговорить со следователем. Тот сказал, оставлять ее одну опасно. Самое лучшее для нее – на время уехать. Если честно, меня бы это вполне устроило. Но она ни в какую. Я прекрасно понимаю, как ей нелегко, но на роль няньки или старшего друга, называйте как хотите, точно не гожусь.

Я кивнула, хотя его слова несколько удивили. Совсем недавно Надя хотела уехать за границу, и останавливало ее отсутствие загранпаспорта и денег. Но, как известно, юные особы переменчивы. Сергей Борисович, в свою очередь, попытался выяснить, как далеко мы продвинулись в расследовании. Об убийстве Сивко он уже знал от Бергмана и принялся гадать, кому выгодна его смерть. Я свежими идеями блеснуть не могла и все больше слушала.

– Как, по-вашему, – все-таки задала я вопрос, – мог Лотман оставить завещание, которое не зарегистрировал у юристов?

– Вы имеете в виду, написал от руки и кому-то отдал? И, разумеется, не в пользу членов семьи?

– Может, мы просто не всех членов семьи знаем?

– Незаконнорожденные дети? – Он задумался. – Верой Натан был недоволен. Но если у кого-то есть завещание, написанное самим Лотманом, какой смысл во всех этих смертях? Он и так бы получил свою долю.

– А если он хочет все? К тому же завещание всегда можно оспорить.

– Обратная сторона богатства, – философски заметил Аллилуев. – Наследники ждут не дождутся, когда ты сойдешь в могилу.

– Иногда терпение подводит, – добавила я, а вскоре мы простились.

Я поехала к себе, решив, что у Бергмана загостилась. Когда выходила из троллейбуса неподалеку от своего дома, пришло СМС. Номер скрыт. «Я уже решила, что ты обо мне забыл», – с усмешкой подумала я. На сей раз вопросом не ограничились. Чуть ниже успевшей стать привычной фразы: «Хочешь знать, кто он?» – адрес: «Лютово, 2-я линия, дом номер семь». Прочитав СМС, я устроилась на ближайшей скамье, благо их здесь было в избытке, и задумалась. Лютово, это где-то в пригороде. Так и есть: вызвав на экран айфона карту, я смогла убедиться, что до Лютова отсюда всего-то семнадцать километров. Но дело не в расстоянии. Ясно, что это приглашение. Вот только что меня там ждет? Если приславший СМС имеет отношение к появлению трупа под окнами Бергмана, встречаться с ним глупо и опасно. Правдивость его будет под вопросом, а вот я запросто могу стать следующим кандидатом в покойники. Нормальный человек не стал бы вести интригующую переписку, а просто позвонил... Хотя у него тоже может быть повод проявлять осторожность. Где гарантия, что я не сообщу Бергману? Гарантии и сейчас нет. Ничего сообщать Бергману я не собиралась, а узнать, кто он такой в действительности, очень хотелось.

Через минуту стало ясно: так хотелось, что я готова рискнуть. Как только эта мысль прочно засела в голове, я начала искать себе оправдание. На самом деле я ничем не рискую. Съезжу в Лютово и просто взгляну на дом. Входить и знакомиться с его обитателями совершенно не обязательно. А вот с соседями можно поговорить.

Я вскочила и весьма резво устремилаcь домой. Во дворе стояла моя машина, а ключ был в сумке. В общем, через несколько минут я уже двигалась в потоке машин к выезду из города. Час пик, пробка на проспекте и на объездной, есть время все еще раз обдумать. И вернуться? Но чем больше было препятствий, тем решительнее я становилась.

Лютово оказалось дачным поселком. Река здесь делала петлю, и на этом лесистом островке высились особняки, со своими пристанями и лодками. Старая часть поселка, где была нужная мне улица, тянулась

вдоль реки, вторая линия ближе к лесу. Я медленно ехала по улице, поглядывая на номера домов. Седьмой дом заметила не сразу, он стоял в глубине участка, и его почти полностью скрывали высоченные сосны, росшие вдоль забора. Забор из металлических прутьев. Кирпичные столбы, выкрашенные белой краской, успели покоситься. Калитка тоже из металла, ее украшал замок. Выходит, гостей тут не ждали.

Сидя в машине, я пыталась рассмотреть дом, но видела лишь крышу из красной черепицы. Машину я в конце концов покинула, оставив ее прямо у калитки. Подергала замок, не надеясь на удачу, но дужка легко выскочила из пазуха, и я тревожно огляделась.

Улица была пуста. Не похоже, что кто-то наблюдает за мной. Я толкнула калитку. Она открылась со скрипом, который больше походил на чей-то заунывный плач. Трава доставала мне до пояса, к дому вела тропинка, выложенная серой плиткой, местами провалившаяся, сорняки росли между плит. Участок запущенный, последние годы вряд ли кто-то дал себе труд хоть немного здесь прибраться. Две засохшие яблони окружали заросли сливы, успевшие превратиться в настоящие деревья.

Но теперь мое внимание сосредоточилось на доме. Двухэтажный, деревянный, с большими окнами и верандой. Шторы в окнах задернуты. Дом необитаем. Я немного постояла, разглядывая его. Что-то в этом месте было не так. Тайна не кричала в уши во весь голос, ее зов звучал тревожным шепотом где-то в затылке.

Я поднялась на крыльцо, ступени под ногами прогибались, одна из досок крыльца прогнила и треснула. Двустворчатая дверь, когда-то синяя, теперь была темно-серого цвета, остатки краски местами еще виднелись. Я потянула за латунную ручку. И снова скрип давно не смазанных петель.

Дверь была не заперта, что уже не удивило. Просторный холл тонул в полумраке. В доме никого. По крайней мере человеческие существа отсутствовали. Я это знала. Чувствовала. И вместе с тем дом таил угрозу. В какой-то момент очень захотелось бежать отсюда со всех ног, оказаться в своей машине, в привычном мире...

Я шагнула вперед. Звук отозвался эхом где-то под потолком. Подняла голову: чугунная люстра с пятью рожками едва заметно покачивалась. «Это от воздуха, ворвавшегося в дверь», – поспешила я себя успокоить, но чувство, что все здесь живет какой-то своей потаенной жизнью, осталось. Дверь из холла распахнута, впереди анфилада комнат, я сделала еще несколько шагов, хотя удаляться от входа в дом очень не хотелось.

Комната с французским окном оказалась гостиной. Тут осталась кое-

какая мебель: резной буфет с тусклыми стеклами, диван с полосатой обивкой и стол, круглый, большой. Я обратила внимание на пол. В гостиной было гораздо светлее, на деревянном полу толстый слой пыли, и следы на нем были видны особенно четко. Следы от мужских ботинок вели к столу, а потом уходили куда-то влево, где тоже была дверь, двустворчатая, со вставками из молочно-белого стекла. На столе лежала газета.

Я потянулась к ней, точно зная: ее оставили для меня. Она была сложена так, что статья с броским заголовком сразу бросалась в глаза. «Убийца – четырнадцатилетний подросток?» Я прошла к дивану, стряхнула пыль с одного края, села и стала читать. На статью в половину полосы я потратила довольно много времени. Перечитала ее один раз, потом второй и третий. Газета успела пожелтеть, загнулась по краям. Я проверила дату, вышла она почти двадцать лет назад...

Двадцать лет назад здесь жила семья: мать и двое сыновей. Старший – Эдуард, Роман на четыре года младше. Мать нигде не работала, на что жила семья – толком никто не знал. Позднее соседи говорили, что часто видели тут незнакомого мужчину. Женщина ни с кем не общалась, приехала сюда года за два до трагедии. Сыновья учились в местной школе. Обычные мальчишки, правда, старший сверстников сторонился, но учился хорошо, и преподаватели им были довольны. Вряд ли кто-то заинтересовался бы этой семьей, если бы не последующие события. Вечером 25 августа соседка почувствовала запах гари, вышла на улицу и увидела клубы дыма в окнах второго этажа дома, где жили Терещенко. Она немедленно бросилась к соседям, дверь была заперта, на стук и крики никто не реагировал. Пожарные прибыли в рекордный срок, пожар очень быстро удалось потушить. В комнате на втором этаже обнаружили трупы хозяйки и ее младшего сына. Оба были зарублены, топор лежал тут же. Трупы, перед тем как поджечь, облили бензином. Убийца рассчитывал, что пожар уничтожит следы преступления. Старшего сына в доме не оказалось. Его не нашли ни в тот день, ни в последующие. Пока следователи строили предположения, куда он мог исчезнуть, выяснились кое-какие странные обстоятельства. Ни одной фотографии Эдуарда Терещенко обнаружить не удалось. В школе он ни разу не фотографировался, а в домашнем архиве, который по замыслу преступника тоже должен быть уничтожен, все его изображения были тщательно отрезаны. Это и возбудило подозрение: вполне возможно, что убийца четырнадцатилетний подросток, и к убийству он готовился заранее. В тот же день из Лютова исчезла учительница, пятидесятиоднолетняя Лариса Ивановна Мельник. Жила она одна, близких

родственников не имела. На ее исчезновение обратили внимание не сразу, Мельник находилась в отпуске, семьи нет. Но когда появилась версия, что Эдуард Терещенко убил мать и старшего брата, следователю в школе сообщили: единственный человек, с кем у Эдуарда были дружеские отношения, – это Мельник. Тогда и выяснилось, что она тоже исчезла. Обоих объявили в розыск. Однако поиски успехом не увенчались. Фотографий Эдуарда не было, а вот фото Мельник нашлось в школьном архиве. Еще одна деталь: в ее доме тщательно убрались, так что никаких отпечатков пальцев там не оказалось. Как не оказалось ни фотографий, ни документов исчезнувшей женщины.

В газете были опубликованы две фотографии, на одной дом Терещенко в глубине участка, на второй Мельник, то самое фото из школьного архива. Суровое лицо, тяжелый подбородок, седые волосы, зачесанные назад. Она казалась старше своих лет. Я вглядывалась в фотографию, поймав себя на мысли, что ищу сходство с Лионеллой. Черты лица можно изменить, а вот взгляд...

Скрипнула дверь, и я в страхе обернулась. В холле сквозняк... Я вновь посмотрела на следы, ведущие из гостиной. Сунула газету в сумку и пошла в том направлении, держась чуть в стороне. За моей спиной появилась еще одна цепочка следов. Отпечатки мужских ботинок обрывались возле лестницы.

Я поднялась на несколько ступенек. Второй этаж тонул в темноте. Я вновь прислушалась: угроза исходила не от человека, а от самого дома. В местах, где произошло убийство, еще долгое время присутствие зла ощущается почти физически.

– Здесь никого нет, – сказала я с намерением себя успокоить, но страх не исчезал, иррациональный страх, когда сама не знаешь, чего боишься. Стен? Половиц под ногами? Дома, который в любой момент может стать ловушкой? – Здесь никого нет, и я не боюсь, – дважды повторила я и начала подниматься по лестнице.

Оказавшись на верхней площадке, пошарила рукой по стене и нащупала выключатель. Свет был тусклый, подслеповатая лампочка свисала на длинном шнуре. Я шла, распахивая двери комнат одну за другой. Ближайшая комната хранила следы пожара. Обгорелый линолеум с загнутыми краями, почерневший потолок, в створке окна не хватало стекол, и ее забили фанерой. В углу стояла железная кровать. Когда я заглянула в следующую комнату, поначалу решила, что она пустая. Окно закрывал деревянный щит, но в щели между досок пробивался свет. Мне показалось, на подоконнике что-то лежит, я сделала шаг, споткнулась,

в тот же миг под ногами послышалось шипение, а потом детский голосок весело запел: «Паровоз, паровоз, новенький, блестящий...» Я выскочила в коридор, тело, как известно, часто реагирует быстрее разума. Зажмурилась, сосчитала до ста и, вернувшись в комнату, нашла выключатель. Люстры и здесь не было: шнур, патрон и лампа. На полу детская железная дорога, паровозик весело бежал по рельсам. Споткнувшись в темноте, я привела его в движение? Одно несомненно: к моему приходу подготовились. Это что, послание? И как я должна его понимать?

Я присела на корточки, наблюдая за игрушкой, когда паровоз в очередной раз приблизился, я взяла его, повертела в руках. Сбоку наклеенный прямоугольник бумаги, надпись фломастером, успевшая выцвести. «Ромочке от мамы в день рождения», – прочитала я. И тут же почувствовала его присутствие. Очень медленно повернула голову. Мальчик стоял возле стены, бледная тень жившего когда-то ребенка. Сделал шаг мне навстречу и вдруг исчез.

– Вернись, – попросила я, прислушиваясь к тишине дома. Положила паровозик на подоконник, выключила свет, вышла в коридор, все это время ощущая присутствие мальчика. Он был за моей спиной. Это что-то вроде игры?

За дверью, к которой вели следы мужских ботинок, оказалась кладовая. Небольшая комната была забита мебелью: столы, стулья, все друг на друге. Следы вели лишь в одну сторону, если их оставил человек из плоти и крови, как выбрался отсюда? Здесь есть замаскированная дверь? Люк в полу?

Люк был в потолке. При таком освещении на него не сразу обратишь внимание. Взобравшись на стул, я открыла люк. На чердаке оказалось светлее, чем в кладовке. Я вспомнила, что там большое полукруглое окно, видела его, когда подходила к дому. Пожарная лестница наверняка тоже есть, ею и воспользовались.

Покончив с одной загадкой, я спрыгнула на пол и принялась оглядываться. Внимание привлек комод. Старый, еще довоенный. Я потянула на себя верхний ящик. Альбом с фотографиями. Молодая женщина и мужчина. У него темные вьющиеся волосы, красивое лицо. В нем было что-то восточное. Может, нос с горбинкой? Та же пара, но уже старше. Я дошла примерно до середины альбома, когда наткнулась на первую фотографию, с которой поработали ножницами. Мужчина, женщина. На коленях у мужчины ребенок. Лицо аккуратно вырезано по кругу. На некоторых фото часть изображения отрезана, на других

вырезали только лицо. Младшему мальчику было года три, когда фотографии мужчины перестали появляться. Ребенок был либо один, либо с матерью, либо с братом, изображение которого отрезали. Отец тогда уже умер или они развелись и жили врозь? На последней фотографии женщина в обнимку с младшим сыном на крыльце этого дома. На обороте надпись: «10 августа». За две недели до гибели.

Остальные ящики были забиты детскими книжками, старыми квитанциями и прочим хламом, который за годы скапливается в каждом доме. Кому теперь принадлежит этот дом? Вряд ли его продали, в этом случае старых вещей и уж тем более фотографий тут бы не осталось. Их запихнули в кладовку, но не выбросили. Значит, дом перешел к кому-то из родственников, а они не захотели или не смогли его продать. Скорее, не смогли. Люди чувствуют дурное место. Да и соседи расскажут о том, что здесь произошло.

Я отряхнула джинсы, поднимаясь с пола, где устроилась, просматривая содержимое комода. Мальчик по-прежнему был за моей спиной.

– Чего ты прячешься? – спросила я. – Хочешь что-то сказать – скажи.

Пока я спускалась по лестнице и шла к двери, он был рядом, но так и не появился.

Выйдя на крыльцо, я словно очутилась в совершенно другом мире. Хотя в действительности так и было. Мир мертвых и мир живых. Я поняла, что меня пугало в этом доме. Они до сих пор там. Дом действительно оказался ловушкой. Но не для меня. Для них.

Заглянув в сумку, я проверила, там ли газета. Если бы она вдруг исчезла, я бы не удивилась. Еще раз взглянула на фотографию женщины. Очень похожа на Лионеллу, но не Лионелла, потому что эта женщина давно мертва.

Возле моей машины стояла дама в светлых брюках, легкой блузке и кокетливо повязанном платочке.

– Здравствуйте, – с улыбкой сказала она, а я поспешила убрать газету и, улыбнувшись в ответ, поздоровалась. – А я смотрю, машина, неужто, думаю, соседи появились.

– Давно никого не было?

– Давно.

– Я – риелтор, – соврала я. – Вот решила взглянуть на дом, прежде чем выставить на продажу.

– Значит, продавать надумали?

– Надумали. Но, если честно, найти покупателей будет нелегко. Дом старый и... не по себе в нем как-то, – передернула я плечами. – А вы с хозяевами знакомы?

– С нынешними – нет. Хотя всю жизнь здесь живу...

– Правда? – улыбнулась я. – Тогда скажите честно, что не так с этим домом?

– Женщину с ребенком здесь убили. Давно, лет двадцать назад. Дочка еще классе в третьем училась, как раз с мальчонкой этим, Ромой. Хороший был мальчик, добрый, воспитанный. Мать очень любил. В одной могиле и схоронили.

– А кто убил, выяснили?

– Разное болтали. Вроде старший сын. Помешался, что ли...

– А его вы помните?

– Конечно. Очень умный парень. Задачи щелкал как орехи, моя к нему все бегала задачки решать, с математикой у нее не очень. А он во всех олимпиадах участвовал. В кружках занимался, опыты разные ставил. Была у нас учительница, одинокая, так он к ней даже домой ходил. Занимался дополнительно. С мозгами у Эдуарда все в порядке было. А уж красавчик, глаз не оторвать. В общем, внешне – просто загляденье, а внутри поломанный.

– Это как? – спросила я, хотя очень хорошо понимала, что она имеет в виду.

– Душа больная. Он и к учительнице этой неспроста ходил. Та тоже была из таких.

– А с ней что стало?

– Сбежала. Сбежала вместе с ним. По крайней мере, так решили.

– Но вы так не думаете?

– Что я думаю – никому неинтересно. Участковый у нас был, Игнатов Сергей Иванович. Так вот он считал, учительница где-то неподалеку зарыта. Для чего-то она им была нужна. Не она, а деньги. Или документы. Болтали, папаша ее золотишко спрятал, он тут первый человек в торговле был.

– Вы сказали, она им была нужна. Им – это кому?

– Так в этом все и дело. Участковый видел Эдуарда с женщиной в возрасте. Еще подумал: может, бабка? Он их как-то встретил, не здесь, в городе, случайно. И подошел. Любопытно ему стало. А бабка на него так глянула, он говорит, сердце в пятки ушло. Вспомнил детские страшилки про колдунов и прочую нечисть. Потом, говорит, стыдно стало. Вот и начал он после этого к мальчишке приглядываться. И старуху эту не раз тут

видел. Были они всегда вдвоем. И вроде прятались. Отца-то нет, ну он и решил, что бабка тайно с внуком видится. Когда убийство произошло, он все следователю рассказал. Но оказалось, бабка уж год как умерла. В ее доме пожар случился: взорвался газ. Ужас, сколько людей погибло, и она среди них. Решили, Эдуард с учительницей в бега подался. А участковый своей версии придерживался: тело-то бабкино после взрыва не нашли. И причин может быть сразу две. Одна из них: бабка хотела, чтобы ее мертвой считали.

– А где сейчас ваш участковый? – спросила я, мой интерес в легенду о риелторе не вписывался, но я решила рискнуть.

– На том свете. Царство ему небесное. Убили лет через пять после этой истории. Шел домой, а кто-то сзади по голове ударил. В общем, забили насмерть. Он тут всю жизнь прожил, каждую собаку знал. И его все знали.

– Враги у участковых есть всегда.

– Наверное, – пожалала женщина плечами. – Но я грешным делом подумала: а не вернулся ли старший Терещенко? Мальчишка, то есть.

– Какой смысл убивать участкового?

– А какой смысл брата с матерью убивать? Да я так это, фантазирую, – засмеялась она.

– В доме жил кто-нибудь после этого? – спросила я.

– Нет. Сестра Лидина приехала, это мать так звали. Оформила наследство. Крышу после пожара подлатали, и все. Сначала не продавала, потому что взяли бы дом за бесценок, а потом... не знаю почему. Так дом и стоит двадцать лет.

– Спасибо вам, – сказала я. – Цену действительно придется снизить.

По дороге домой я позвонила Димке.

– Сделай доброе дело, узнай, кому принадлежит дом в Лютове. – Я продиктовала адрес.

– Сделаю, – сказал Димка. – А зачем тебе этот дом?

– Понравился.

– Хочешь купить дом? Меня в долю возьмешь?

– Почему бы и нет? Ты симпатичный парень, и мне нравишься.

– А ты мне. Закончим с этим делом и поедем отдыхать. Вдвоем.

– На Камчатку? – не удержалась я от язвительности.

– Куда угодно.

– Ловлю на слове.

Дома я заварила чай покрепче и, сидя возле кухонного окна, ожидала

звонка Димки. Обычно на то, чтобы найти нужные сведения, у него уходило совсем немного времени, но большая стрелка часов сделала полный оборот, а он все не звонил. Может, решил, что мне не к спеху и отложил задание на потом? Я взяла мобильный с намерением ему позвонить, вот тут-то Димка и объявился.

– В чем дело? – спросил он, голос звучал настороженно. Интонация и сам вопрос слегка озадачили.

– Ты о чем? – в свою очередь, спросила я.

– Почему тебя вдруг заинтересовал этот дом?

– А почему это интересует тебя?

– Черт... хорошо, я отвечу. Потому что дом принадлежит Джокеру.

Со стула от неожиданности я не упала, наверное, потому, что подсознательно нечто подобное и рассчитывала услышать.

– Давно?

– Семь лет. Он купил его у гражданки Грузии, Амосовой Валентины Сергеевны. Дом ей достался по наследству. Стоял без всякой пользы и обрастал долгами.

– Понятно. – Продать его с каждым годом было все труднее, но тут появился Бергман. – Зачем ему дом в Лютове?

– Ты меня спрашиваешь? Лютово – дачное место. Допустим, просто вложил деньги. Каждый тратит их, как считает нужным. Кстати, земля там за последние пять лет выросла вдвое, так что он не прогадал. Теперь ты объяснишь, почему тебя вдруг заинтересовал этот дом?

– Давай я все объясню при личной встрече, – смеясь, сказала я, ожидая, что он выразит желание прибежать немедленно, но он, подумав, сказал:

– Ладно. Ты где сейчас?

– Дома.

– Поедешь к Бергману?

– Нет. Хочу немного от него отдохнуть.

О том, где сам находится, Димка сказать не пожелал, и мы простились вполне дружески, но каждый со своими мыслями, о которых не спешил сообщать.

Я вернулась к чаю и найденной в доме газете. То есть вовсе не найденной, раз ее там специально оставили, желая убедить меня... В чем? Бергман на самом деле пропавший Эдуард Терещенко?

Четырнадцатилетний мальчишка исчезает без следа. Ему либо кто-то помог, либо он зарыт неподалеку от дома и в убийстве его обвиняли напрасно. Как бы он сумел выжить один? Но если верить участковому,

у Эдуарда была бабка. Надо полагать, мать отца. Хотя в реальности женщина могла быть кем угодно. И не имела к убийству никакого отношения. Фотографий Эдуарда не сохранилось. А фото его бабки? Я всерьез думаю, что это милейшая Лионелла Викторовна? Ее преданность Бергману не поддается объяснениям, если только все не просто до безобразия: никакой он ей не работодатель, а родной внук, чьи тайны она тщательно охраняет. Двадцать лет – очень большой срок. У меня нет талантов Димки и возможностей Вадима, у меня есть лишь газета и воспоминания соседки. Но сейчас меня не столько волновало, имеет ли Бергман какое-то отношение к семейству Терещенко (а как не иметь, если он семь лет назад купил этот дом? Мне ли не знать его сентиментальных чувств к родовому гнезду, «дом с чертями» влетел ему в копеечку), сколько интересовало, кто прислал мне СМС. Если у человека есть доказательства вины Бергмана, почему бы не обратиться в полицию? Допустим, наши люди этого очень не любят и избегают в меру сил. Но к чему вся эта загадочность? Отчего бы не позвонить и не сказать прямо, чего он от меня хочет?

Тут я вспомнила про труп под окнами Максимильяна, и картина начала вырисовываться, прямо скажем, зловещая. Кто-то из прежней жизни решил напомнить Бергману о том, кто он такой? И выбрал для этой цели меня?

– Игрок, – произнесла я вслух, перекатывая это слово и так и эдак, пытаюсь понять, почему оно настойчиво вертится в голове. – Игрок... игра... игральные карты... А если СМС прислал сам Бергман? Мастер мистификаций и игр с человеческим разумом? Если это так... если так, то он пожалеет об этом.

Хоть и заявлено это было самым твердым тоном, однако тут же явились сомнения. Бергман не из тех, у кого легко выиграть в открытом бою. Что ж, придется перенять его тактику и ни в коем случае не идти на открытый конфликт.

– Идиотские подковерные игры, – тут же зло фыркнула я. – Действовать исподтишка – очень достойное занятие.

В общем, остаток вечера и часть ночи я продолжала ломать голову над очередной загадкой. И в результате утром проспала до десяти часов.

Разбудил меня настойчивый звонок в дверь. Я прошлепала в прихожую, как была в пижаме, гадая, кого вдруг принесло. На пороге стоял Вадим.

– Ты мне нравишься все больше и больше, – заявил он, входя в прихожую. – Давай я тебя поцелую?

– Давай ты мне кофе сварешь, а я пока умоюсь, – не дожидаясь ответа,

я отправилась в ванную.

Когда минут через двадцать я появилась в кухне, на столе меня ждал завтрак: яичница, стакан апельсинового сока и кофе.

– А сок откуда? – удивилась я.

– Ты хоть иногда в холодильник заглядываешь? Ешь, и поехали.

– Куда?

– К Бергману. Есть новости. Не спрашивай какие, я и сам не знаю.

Я мысленно усмехнулась, вполне возможно, они связаны с моим вчерашним вояжем в Лютово. Вымыла посуду и сказала, что готова следовать за Вадимом на край света, и тут он заявил:

– Тебе придется жить в доме Джокера. Если тебе что-то понадобится в ближайшее время...

– Это он так сказал? – перебила я.

– Конечно. И, знаешь что, я бы его послушал.

– А если я слушать не стану?

– Тогда я возьму тебя в охапку... – Он в самом деле собрался схватить меня, в шутку, конечно.

Разумеется, в других обстоятельствах я вряд ли смогла бы проделать такое. Подобной прыти Вадим от меня не ожидал, и все последующее для него явилось большим сюрпризом. Если честно, и для меня тоже. Не думала я, что справлюсь с таким здоровяком. В общем, результат произвел впечатление на обоих. Вадим оказался на полу, откуда смотрел на меня в глубочайшем изумлении.

– Что это было? – спросил он, поднимаясь.

– Мой приятель – инструктор по рукопашному бою. Три года мы встречались, и три года он гонял меня, как сержант новобранца.

– А чего сразу не сказала? Я бы явился с ротой спецназа.

– А ты не спрашивал.

– Джокеру надо бы завести анкеты на сотрудников с подробным перечнем всех заслуг. Стрелять ты умеешь?

– Думаю, чуть лучше Димки.

– Ага... Китайский знаешь?

– Это зачем?

– На всякий случай. Да или нет?

– Нет.

– Слава богу. Терпеть не могу китайцев.

– Почему?

– Они у меня собаку съели.

Занимательный разговор пришлось прервать. В дверь опять

позвонили. На сей раз на пороге стоял Димка. Увидев Вадима, маячившего в дверях кухни, тут же нахмурился.

– А этот что здесь делает?

– Этот готовил мне завтрак, – ответила я. – Похоже, больше некому.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Что ты точно собака на сене: вспоминаешь, что я твоя девушка, только когда рядом со мной видишь мужчину. Вадим пришел полчаса назад.

– Ага, – кивнул тот. – И успел узнать много нового. У девчонки черный пояс по карате.

– Это правда? – с сомнением спросил Димка.

– Нет, – ответил за меня Вадим. – Но со мной она легко справилась. Мое мужское самолюбие кричит «караул», но для нашего общего дела это, пожалуй, неплохо.

– Вы от избытка сил резвились или она дала отпор дурацким ухаживаниям? – не унимался Димка.

– Ухаживания я еще даже не начинал. А когда начну, тебе станет не до смеха. Бергман хочет, чтобы она жила у него. В целях безопасности. У Джокера большое беспокойство за нашу Девушку. Порадую его сегодня: в отличие от тебя с ней в разведку идти можно запросто.

– Долго ты мне еще будешь тыкать в нос... – разозлился Димка, а я перебила:

– Заткнитесь оба. Или выметайтесь.

– Я хотел поговорить... о доме в Лютове. – Димка устроился на стуле, стараясь не смотреть в сторону Вадима. – Почему он все-таки тебя заинтересовал?

Я решила, что момент подходящий, и отправилась за газетой. Вернувшись в кухню, сунула ее в руки Вадиму.

Он мельком взглянул на газету и бросил ее на стол, Димка придвинул ее к себе и стал читать. Все молчали. Наконец Димка спросил, обращаясь ко мне:

– И что все это значит?

– Пока не знаю. Меня пригласили в этот дом и на столе оставили газету.

Вадим зло засмеялся и головой покачал.

– Детка, сколько раз повторять: если Джокер не захочет, чтобы ты о нем что-то знала, ты не узнаешь.

– А тебе не кажется это странным? – разозлилась я. – Друзьям обычно доверяют и не скрывают от них свое прошлое.

– По-разному бывает, – пожал плечами Вадим.

– Ты уверен, что он считает нас своими друзьями? – с сомнением спросил Димка. – Мы знаем одного Джокера, но, возможно, есть другой?

– Понятно, – усмехнулся Вадим. – И тебя куда-то пригласили? А что оставили? Меня, кстати, тоже на вшивость проверяли. Хотя немного иначе. Настойчиво пытались напомнить о том, что я не хотел вспоминать.

– Можно об этом поподробнее? – сказала я.

– Ты же слышала: это то, что я не хочу вспоминать. И не буду.

– А ты? – спросила я Димку.

Некоторое время он молчал, глядя в пол, потом, покачав головой, ответил:

– Это мои проблемы.

Худшего ответа он дать не мог. Выходит, обзавестись союзниками я не сумела.

– Знаете, на что это похоже? – хмыкнул Вадим. – Мы мелко пакостим за его спиной. Я еще могу понять девчонку, она с нами недавно. Но ты...

– А я не знаю, на чьей он стороне, – разозлился Димка. – Похоже, он и сам не знает. Падший ангел. В нем столько от ангела, сколько и от беса. Так кому из них ты доверяешь?

– Давайте без падших ангелов, – вмешалась я. – Все довольно просто: лично меня интересует, чем занимался Бергман до встречи с вами. Его скелеты в шкафу. Это поможет мне принять решение: уйти или остаться с вами. А вас избавит от возможных неожиданностей. Ты как? – повернулась я к Вадиму.

– Я уже не раз ответил на этот вопрос. И еще. Вам не кажется, что вы выбрали весьма неподходящее время? У нас есть клиент, есть работа, и мы ее обязаны сделать.

– Вадим прав, – неожиданно поддержал его Димка. – Время неподходящее. Давайте найдем убийцу, а там...

– Отлично, – кивнула я, вполне успешно скрывая эмоции. – Значит, подождем более подходящее время.

– Ты расскажешь Бергману? – спросила я Вадима, когда мы шли к его машине, Димка чуть замешкался сзади, и я воспользовалась этим.

– Я не доносчик, – посуровел он. – Но теперь вижу, что Джокер был прав.

– В чем прав?

– Прав, что беспокоится о твоей безопасности.

На сей раз я предпочла не уточнять, что он имеет в виду.

Бергман задержался минут на десять, что совсем не в его правилах. Мы ждали в кабинете, Димка, как всегда, уткнувшись в компьютер, Вадим расхаживал с праздным видом, а я листала книгу, которую обнаружила на столе. Джокер снова смог удивить, на этот раз ни тебе игральных карт, ни упырей с оборотнями, а рассуждения о вере немецкого священника аж тринадцатого века, изданные, правда, гораздо позднее и на русском. Освоила я всего пару страниц, а голова уже начала пухнуть. По-моему, жуткая заумь, как ее Бергман читает? Тут и он наконец появился.

– У меня две новости, – сказал еще с порога.

– И обе скверные? – хмыкнул Вадим.

– Как посмотреть, – пожал Максимилиан плечами, устраиваясь за столом. – У Вербицкого алиби на вечер убийства. По просьбе руководства он провел семинар в одном из отделений компании в соседней области. Семинар закончился в 19.20. Оттуда до нашего города больше сотни километров, если точнее, сто тридцать два.

– Тачка у него так себе, но... – пожал плечами Вадим.

– Он ехал на поезде. Его проводили до перрона, поезд прибыл в 23.25. Если допустить мысль, что в поезд он так и не сел и его где-то ждала машина, времени остается ничтожно мало, отправление в 19.55, а звонок в полицию поступил в 20.40.

– Алиби железное, – кивнул Вадим. – И это скорее настораживает. Кто сказал, что стрелял он? Исполнителя найти не так трудно.

– Такому парню, как Стас? Не смейся. Где он его нашел? По Интернету?

– Тоже, кстати, вариант. Валяй вторую новость.

Бергман достал из верхнего ящика диктофон и положил на стол, нажал воспроизведение, пояснив:

– Запись поступившего в полицию звонка.

Голос был едва слышный, не мужской и не женский, вроде бы вовсе бессвязный набор звуков... Тяжелый вздох, точно человек собирается с силами, а потом: «Помогите, всех убили» – и торопливо произнесенный адрес.

– Еще раз, – попросила я. Мы все склонились над диктофоном, хотя Бергман включил его на полную громкость. – Это не Надя, – сказала я, когда запись мы прослушали трижды.

– Уверена? – вскинул голову Вадим.

– Да.

– Что же получается...

– Получается, что полицию вызвала не девушка, а стрелявший в нее

киллер, – сказал Бергман. Он в отличие от Вадима сомнений не испытывал. – И все это прекрасно вписывается в нашу версию. Киллер столкнулся с ней в коридоре и вынужден был стрелять. Но в его планы смерть девушки не входила, и тогда он вызывает полицию, ее должны были успеть спасти. А чтобы у полиции не возникло вопросов по этому поводу, он оставляет на трубке кровавый отпечаток ее руки.

– Джокер, лично у меня сомнения, – возразил Дима. – Неужели этот Стас полный идиот? Так подставляться, не имея никаких гарантий, что заполучит девчонку и ее наследство. Они же, по сути, были едва знакомы. Он просто брат школьной подружки.

– Если не Стас, то кто? – сказал Бергман, обводя нас взглядом.

– А если у Вербицкого был повод расстрелять семейку и без видов на наследство, а идея заполучить деньжата появилась уже потом, когда выяснилось, что Наде, кроме как к подружке, податься некуда? – предположил Вадим.

– Это не Надин голос и не Стаса, – сказала я. Теперь все трое с неммым вопросом смотрели на меня. Может, ждали дальнейших откровений?

– Могу подкинуть такую версию, – вздохнул Димка. – Стас здесь вообще ни при чем. Киллер расправился с семейством из-за делишек Лотмана, а девчонку ему просто стало жаль. А что? Киллеры тоже люди. Особенно если он у нас новичок и это его первое дело. Не хотел брать лишний грех на душу.

– На всякий случай проверим окружение Надежды, – кивнул Бергман. – Может, на самом деле все очень просто?

– У девчонки не было приятеля, если ты об этом. Дед с нее глаз не спускал. Ну а потом, на фига киллеру с девчонкой знакомиться? Чтобы иметь доступ в дом? – хмыкнул Вадим.

– Ну да, – сказал Димка. – Откуда-то он взял ключи.

– Ключи можно раздобыть куда менее хлопотным способом. Знакомство с потенциальной жертвой – гиблая идея. Это значит почти наверняка подставиться. Девчонки обожают болтать о своих знакомых с подружками.

– У Нади одна подружка – Инна. С ней не раз беседовали и мы, и следовательно.

– Надо использовать фору во времени, – сказал Бергман. – У следаков пока нет сомнений, что полицию вызвала Надежда. Но они могут появиться в любой момент. Ты вчера разговаривала с девушкой? – обратился он ко мне.

– Нет. Она отказалась со мной встретиться. – Против воли получилось

так, точно я оправдываюсь. Бергман кивнул, словно соглашаясь, и продолжил:

– Если она где-то познакомилась с парнем, то это скорее всего в автошколе. Она ходила на курсы. Там довольно много молодых людей.

– И что? Всех проверять? – вздохнул Димка. – А если впустую?

– И такое может быть. Но в этом и состоит наша работа, за которую нам неплохо платят.

В следующие три дня работы у нас было даже слишком много. Мы проверяли всех, кто в одно время с Надей учился в автошколе, особое внимание уделив ее одноклассникам. В группе было двенадцать женщин и только пять мужчин, но поиски это совсем не облегчило. Сезон отпусков, народ разъехался кто куда, и нужные сведения мы собирали буквально по крупицам.

Двухчасовой разговор с Инной ничего не дал. Она утверждала, что ни о каких знакомствах Надя ей не рассказывала, парня у нее точно не было, не считая детской влюбленности в шестом классе. О ней прознал ее дед, явился в школу и устроил скандал, потребовал перевести мальчишку в другую школу, а когда его родители отказались, перевел Надю. Новая школа оказалась с углубленным изучением математики, и Наде пришлось нелегко. Но деду на это, похоже, было наплевать. Из школы Надю всегда встречали либо мать, либо Ядвига, либо сам дед. Одноклассники подшучивали над ней, а она отговаривалась тем, что добираться до дома на троллейбусе ей не хочется. На школьные вечера она не ходила и в школе никогда не задерживалась.

С самой Надей я тоже пыталась встретиться, но она по-прежнему избегала не только меня, но и Вадима. Он звонил ей, она в ответ присылала СМС: «У меня все хорошо». Ко всему прочему, нам пришлось дважды побывать в полиции и вести долгие беседы о галеристе Шацком, его убийцах, задержанных благодаря нам, и нашей роли во всем этом деле.

О подделках вопрос пока не возникал, и мы, в свою очередь, предпочли о них промолчать. Объяснили, что интересовались Шацким в связи с гибелью семьи Лотмана, и согласились с версией Галины, которая, признав, что Шацкого с Виктором познакомилась она, утверждала, что не знала, зачем галеристу понадобилось такое знакомство. Брат якобы просил помочь с трудоустройством приятеля, того самого Виктора, и она спросила Шацкого: не будет ли какой-нибудь работы для него? А Шацкий в ответ сказал, что работа, возможно, найдется, и взял номер мобильного своего будущего убийцы. Об остальном ей ничего не известно.

Столкнувшись с нами в коридоре, она сделала вид, что нас не узнала. Это показалось невежливым, но мы ее охотно извинили.

Я все это время продолжала жить у Бергмана в надежде, что смогу понять, зачем ему это нужно. Сам он отговаривался тем, будто так удобнее, но Димка и Вадим обретались у себя, хотя Поэту Бергман тоже настоятельно советовал перебраться в «дом с чертями». А Димка возражал: в родных стенах ему лучше работается. Я подумала, что у возлюбленного есть причина держаться от нас подальше, а еще заподозрила: Вадим Бергману о моих подозрениях все же рассказал. Меня раздирали весьма противоречивые чувства, но мысль о том, что Бергман – это исчезнувший двадцать лет назад Терещенко, вызывала не столько сомнение, сколько неприятие. Возможно, просто из духа противоречия. Но это не помешало мне оставить газету со статьей об убийстве на столе в комнате, которую я занимала.

Когда я вечером вернулась, газеты не было. Я отправилась к Лионелле с вопросом, не видела ли она ее.

– Видела, – ответила старушенция. – И решила, что это мусор.

– Очень мило. А если это вещественное доказательство?

– Вещественные доказательства не бросают где попало. Они хранятся в папке в сейфе у хозяина, о чем я прекрасно осведомлена. – Лионелла удалилась, но минут через пятнадцать вошла в мою комнату с газетой в руках. – Вам повезло, мусороуборочная машина сегодня задержалась. – И с достоинством положила газету на стол.

– Вы что, в мусоре копались? – не поверила я.

– Пришлось. Не хочу, чтобы у хозяина возникли сложности. Газету я просмотрела и теряюсь в догадках, что это за вещественное доказательство. Но вам видней.

Как только Лионелла удалилась, я схватила газету. Не похоже, что она побывала в мусорном контейнере. Возможно, старушенция нагнала драматизма, желая выставить меня раззявой, а газету до мусорки так и не донесла, а возможно, газета все это время была у Джокера.

Ужиная, я исподтишка наблюдала за Бергманом, пытаюсь понять, видел он газету или нет. И, разумеется, ни к какому выводу не пришла, а спросить не решилась: тогда бы потребовалось объяснить, как газета попала ко мне.

На следующий день мы с Вадимом в очередной раз отправились к Аллилуеву с намерением поговорить с Надеждой, но дома ее

не оказалось.

– Она отпросилась на часик, – оправдывался Аллилуев. – Сказала, что в четырех стенах ей уже тошно. Обещала неподалеку от дома погулять. Тут рядом сквер...

– И с ней никого нет? – уточнил Вадим.

– Вы всерьез считаете, что ей нужна охрана? Она только звонила. Все в порядке...

Мы бросились в соседний сквер и вскоре увидели Надю. Возле киоска, где торгуют мороженым, она стояла с молодым человеком. Он был на голову выше ее, одет в голубую майку и джинсы, это все, что я успела разглядеть. Увидев нас на аллее, Надя что-то быстро сказала молодому человеку и пошла нам навстречу. Парень отправился в противоположном направлении и очень скоро скрылся за деревьями.

– Привет, – сказала Надя, приблизившись к нам, и улыбнулась. Выглядела, кстати, совершенно счастливой: глаза сияли, и улыбка не покидала ее губ.

– Твой парень? – без нажима спросил Вадим, кивнув в ту сторону, где исчез молодой человек.

– Он назначил мне свидание, – весело ответила она. – По-моему, он классный.

– Когда вы познакомились? – спросила я.

– Только что, – продолжая улыбаться, ответила она. И соврала. Я была в этом абсолютно уверена.

– Он тебе понравился? – продолжил болтать Вадим.

– Да... я же говорю, он классный...

– Давай-ка мы тебя проводим...

– Хорошо. Только скажите этому Аллилуеву, чтобы завтра он меня отпустил. Хотя бы на пару часов. У меня первое в жизни настоящее свидание. И не вздумайте нудить, что это опасно. Он – нормальный парень, это же ясно.

– Как его зовут? – спросила я.

– Ой... – ахнула девушка. – Я даже имя не спросила. И номер мобильного он мне не оставил.

– А ты ему свой номер дала?

– Нет. Просто договорились здесь встретиться... а вдруг он не придет? Как я его тогда найду?

– Придет, куда он денется, – успокоил Вадим. – Во сколько договорились встретиться завтра?

– В это же время...

Мы проводили ее до дома Аллилуева, на прощание она расцеловала Вадима, повиснув у него на шее.

– У меня свидание, – смеясь, сказала она и скрылась за дверь.

– Как мало надо в восемнадцать лет, чтобы забыть все несчастья, – покачал Вадим головой. – Парня придется проверить. Вдруг он возник в ее жизни совсем не случайно.

– Поехали к Бергману, – думая о своем, сказала я. Вадим, взглянув на меня, нахмурился.

Через полчаса мы были в кабинете Бергмана, вскоре там появился Димка.

– Есть новости? – спросил Максимильян, приглядываясь ко мне.

Я рассказала о встрече в сквере.

– Если это наш киллер, – вмешался Вадим, – и Надя – его цель, он должен был разделаться с ней еще сегодня, не откладывая на потом. Теперь он в курсе, что привлек наше внимание, и завтра скорее всего не появится. Он выше среднего роста, худощавый, вполне может быть парнем, которого мы упустили на даче. Девчонка даже имени его не знает... Боюсь, мы его спугнули.

– Что-то еще? – хмурился Бергман, не спуская с меня глаз.

– Она врет, – вздохнула я. – Надя сказала, они только что познакомились, но это неправда. Они уже были знакомы. И его имя она, конечно, знает. Так же, как и номер телефона.

– Ты хочешь сказать... – начал Димка.

– Я все время думала, зачем она вышла на крыльцо тогда, на даче. Покурить она могла и на балконе. Эмма весь день твердила, что ночью в доме кто-то был...

– И девчонка хотела проверить, спит мамаша или опять на страже, – подхватил Вадим.

– Но главное, зачем было врать сегодня? Сказала бы, что случайно встретила знакомого...

– Киллера наняла девчонка? – с недоверием спросил Димка, а Бергман усмехнулся:

– Шерлок Холмс говорил: когда все другие объяснения невозможны, нужно принять то, что осталось, сколь бы невероятным оно ни было.

– Но он в нее стрелял... – напомнил Димка. – Каким бы отличным стрелком он ни был, риск чересчур велик.

– Но если бы он в нее не выстрелил, что решили бы следователи? Киллер пожалел девчонку?

– Она бы непременно оказалась под подозрением, – кивнул Вадим.

– Когда мы впервые встретились в больнице, – вновь заговорила я, – Надя была совершенно раздавлена своим горем. И здесь могут быть две причины: либо она переживала из-за смерти близких, либо в убийце узнала своего парня, которому доверяла... либо и то и другое вместе.

– Есть еще вариант, – сказал Бергман. – Они были в сговоре. Ключи дала ему Надя и по его сигналу скрылась в туалете, чтобы не видеть, как он расстреливает ее родных. Он не предупредил, что и в нее будет стрелять, и все последующее явилось для девушки полной неожиданностью. Надя расценила это как предательство – вот и причина ее отчаяния. Он не мог навещать девчонку в больнице, чтобы не попасть под подозрение. Но после ее выписки они встретились, и он смог убедить Надежду, что иного выхода избавить ее от подозрений у него не было. Оттого ее настроение мгновенно изменилось.

– Точно, – кивнул Вадим. – У Эммы не было глюков, в комнате Надя разговаривала с этим парнем. И еще. Это она рассказала ему о Сивко. Так что Стаса мы подозревали зря.

– Они должны были поддерживать связь, – сказал Бергман. – Дима, проверь звонки с мобильного, ее собственного и того, что ей подарил Вадим.

За последние дни звонков было около двадцати, все на один и тот же номер, с него же звонили Наде шесть раз. Время, когда были сделаны звонки, тоже показалось интересным. Надя звонила через несколько минут после стрельбы на даче. Боялась за своего парня? С промежутком в полчаса она позвонила еще раз, вероятно для того, чтобы рассказать о Сивко. Не успели мы порадоваться, что дело сдвинулось с мертвой точки, как тут же возникла проблема: номер был зарегистрирован на Елизарову Римму Аркадьевну, тысяча девятьсот сорокового года рождения. Димка с ней связался, но старушка не могла взять в толк, что от нее хотят. Мобильный у нее был, но номер совсем другой.

– Парень неплохо подготовился, – заметил Вадим. – Лишний повод считать, что мы на правильном пути. Со старушкой придется встретиться. Каким-то образом ее паспорт оказался у этого типа.

– Не обязательно, – покачал головой Димка. – Предположим, у него была возможность оформить телефон, скачав данные из абонентской базы. Или решил эту проблему как-то иначе...

– Что ж, – подвел итог Бергман. – Я по-прежнему считаю, что познакомились они скорее всего в автошколе. По крайней мере мы сможем проверить там всех. Если кто-то из мужчин работал в таком месте, где мог оформить мобильный на чужую фамилию, – это почти наверняка

наш киллер. Если не повезет и встретились они в другом месте, придется расширять поиски. Завтра он вряд ли придет. Девчонка непременно предупредит дружка о нашем к нему интересе. Но они в конце концов встретятся, и мы его возьмем.

Через несколько минут мы покинули дом. В моем списке было три фамилии, этих людей надлежало проверить. В автошколе ни об одном из них ничего рассказать не могли. Владимир Куприенков вообще проучился только половину положенного срока. Оплату вносили в два приема, и вторую часть суммы он не внес и был отчислен.

– Он решил бросить учебу? – спросила я.

– А куда ему было деваться? У нас строго, вовремя не заплатил – значит, «до свидания». Помню, он в бухгалтерию ходил, просил на две недели перенести оплату. Но, видимо, не договорился.

Я немного поболталась во дворе многоквартирного дома, где жил Куприенков, и, побеседовав со старушками, что отдыхали на скамейке в тени каштана, узнала следующее: Володя парень хороший, а вот родители у него – просто беда. Оба пьют. Мать инвалид второй группы, нигде не работает, отец – слесарь в ЖКО, руки у него золотые, но, судя по всему, до дома он деньги не доносит. Увидеть его трезвым так же трудно, как трамвай в лесу. Бабули на все лады расхваливали Володю, а я спросила, не работал ли он в фирмах, связанных с мобильной связью.

– Подрабатывает он постоянно, – сказала одна из старушек. – Уж года два, как дворником устроился, отец похлопотал. Может, и еще где работает. С такими-то родителями куда деваться? С голоду помрешь. А ему ведь одеться хочется. Учиться на водителя пошел, но денег не хватило, у меня хотел занять. Да разве я со своей пенсии помогу? У него дружок в соседнем подъезде живет, четвертый этаж, квартира напротив лифта. Зовут Юрой. Тоже мальчишка хороший. Он-то, поди, про Вовку все знает. А вы чего про него спрашиваете?

– Сестренка моя с ним встречается, – улыбнулась я. – Вот и хочу знать, что за парень. Вы ему не говорите, а то обидится, чего доброго.

– Парень хороший, так сестре и скажи. Ну а то, что родители... их не выбирают. В конце концов, не с ними сестре твоей жить.

– Ну, до этого еще далеко... – засмеялась я и отправилась в соседний подъезд, придумывая на ходу историю для Юрки.

Можно и ему про сестру наврать. Он скорее всего позвонит Куприенкову, что в данном случае совсем неплохо. Без денег в бега он вряд ли сорвется. Значит, непременно встретится с Надей, связь уж точно будет поддерживать. Если это тот человек, которого мы ищем, разумеется.

Что-то подсказывало: так оно и есть.

Дверь мне открыл мужчина лет пятидесяти, высокий, грузный. Он был в костюме, белой рубашке и галстуке. Наряд не совсем подходящий в такую жару. Ясно, что он либо собрался на деловую встречу, либо только что вернулся.

– Вы к Юрию? – глядя на меня с большим интересом, спросил он.

– Да. Он дома?

– К сожалению, нет. Но вы можете его подождать. Проходите, я ему сейчас позвоню...

Я вошла вслед за ним в гостиную. Комната с розовыми стенами, дорогим ковром на полу, добротной темной мебелью и множеством книг служила несомненным образцом хорошего вкуса. Хозяин ею, безусловно, гордился.

– Присаживайтесь, – предложил он. – Давайте знакомиться. Я – отец Юры, Виктор Алексеевич, а вы?

– Меня зовут Лена.

– Очень приятно. Давно вы знакомы с моим сыном?

– Я с ним не знакома, Виктор Алексеевич, – вздохнула я. – Но мне очень надо с ним поговорить о его друге Володе Куприенкове.

– Вы меня расстроили, – засмеялся он. – Я-то думал, у сына наконец появилась достойная девушка. И редкая красавица, кстати. Та, которую я видел в прошлый раз, была с синими волосами, вся в наколках и имела пренебрежительную манеру каждые пять минут повторять «Да вы чо?». Вы из полиции?

– Мы занимаемся частными расследованиями, но с полицией, конечно, сотрудничаем.

– Ясно. Ну и что натворил этот гаденыш? – усмехнулся мужчина.

– Друга своего сына вы не очень-то жалуете?

– И это еще мягко сказано, – кивнул он.

– Причину можно узнать? Бабульки во дворе в один голос твердили, что он прекрасный парень.

– Я тоже так думал. Жалел его. Родители пьяницы, парень изо всех сил старается выбраться из дерьма. Они в нашем доме живут, потому что отец его сантехником работает. Крохотная квартирка на первом этаже, и та им не принадлежит. Я за них квартплату несколько раз платил, чтоб их не выгнали. Старался парню подарок хороший сделать на день рождения или Новый год: мобильный, велосипед. Это когда они помладше были. А потом...

– Что? – не удержалась я.

– Потом повнимательнее к нему пригляделся. Иногда это полезно. Он умный, хваткий, сообразительный. Учится хорошо. Знает, что и кому сказать. А внутри... как бы потолковее...

– Поломанный? – внезапно вспомнив определение, данное соседкой Терещенко, подсказала я.

– Да, – кивнул мужчина. – Вы верно сказали. Такой способен на что угодно. Но сыну это не объяснишь. К сожалению. Хотя, у него был повод усомниться в своем друге.

– А можно об этом подробнее?

Он с полминуты размышлял, потом спросил, глядя мне в глаза:

– Насколько серьезно дело, которым вы занимаетесь?

– Очень серьезное.

– Что ж, – вздохнул он. – Тогда слушайте. Это года два назад случилось. Что за фрукт этот Вовка, я к тому моменту уже понял и старался их дружбу с сыном прекратить. Но не очень удачно. Юрка упрямылся, как, наверное, любой другой на его месте. Друзья подарили мне пистолет. Глупость, конечно, но... мужчины, как известно, любят игрушки. На даче мы с сыном обычно уходили в лес и палили по консервным банкам, патронов не жалея.

– Патроны тоже от друзей?

– Мир, как известно, не без добрых людей. Пистолет, само собой, не зарегистрирован. Мне казалось, парень растет, должен уметь с оружием обращаться. Хранился пистолет в сейфе, вместе с охотничьим ружьем. Но сейф этот... словом, одно название, замок скрепкой отроешь. Как-то вышло, что почти всю зиму мы на дачу не ездили и в сейф я не заглядывал. А когда заглянул...

– Пистолета не оказалось?

– Ни пистолета, ни патронов к нему. Я к сыну. Он только глаза таращит, не брал, и все. Спрашиваю, кто в доме был? Он – никто. И глаза прячет. Ну, я сразу о Вовке подумал. Выбрал время, поговорил с ним, он отпирается, даже обиду разыграл. А в глазах издевка. На сто процентов уверен – он взял. И теперь жду, когда и где мой пистолет всплывет.

– Это было два года назад? – уточнила я. – И в полицию вы не заявляли?

– Нет. Только не говорите, что вы расследуете убийство. – Я молча кивнула, а он чертыхнулся. – Так и знал... знал, что гаденыш на все способен. Боялся, как бы он родителей не шлепнул. Но они вроде бегают...

Я позвонила Бергману, находясь еще в лифте.

- Я его нашла, – сказала, едва сдерживая ликование.
- Ошибки быть не может?
- Вряд ли. Но кое-что надо проверить.

Очень скоро выяснилось: полгода назад Куприенков действительно подрабатывал в «Мобильной связи» у отца своего школьного друга (парню все старались помочь), а еще мы нашли тир за городом, куда он регулярно ездил последние два года и, по словам хозяина тира, делал большие успехи. В автошколе они с Надей учились в разных группах, но проверка показала: занимались они примерно в одно и то же время, значит, вполне могли познакомиться, хотя никто их нежную дружбу припомнить не мог. Это говорило лишь об их крайней осторожности. Два года назад Куприенков украл пистолет и стал учиться стрелять. Знал, что это ему пригодится? Уже тогда готовился пустить оружие в ход? Ограбить кого-то, раздобыть денег, которых вечно не хватало? Может, он просто мечтал об этом, не надеясь претворить свои планы в жизнь. Пока не познакомился с Надей... Вот они деньги. Стоит лишь руку протянуть. И не какие-нибудь сто – двести тысяч. Огромные деньги. С одним лишь препятствием – близкие девушки, которые никогда не позволят им быть вместе.

– Может, и хорошо, что у меня детей нет, – пробормотал Вадим. – Кто ж знает, что в голове у любимого чада... Хоть убейте, не могу поверить, что девчонка на это подписалась.

- Не спеши, – ответил Димка. – Вдруг все не так безнадежно.
- С девушкой пора поговорить, – кивнул Бергман.

И в тот же день мы с ним отправились к Аллилуеву. Надя была дома, смотрела в своей комнате телевизор.

– Вы можете присутствовать при нашем разговоре, – сказал Бергман Сергею Борисовичу.

Тот вопросов задавать не стал, но заметно напрягся. Наше появление вызвало у Нади беспокойство. Бергмана она боялась, это я почувствовала сразу. А он сразу огорошил ее:

- Вы ведь знаете, кто убил ваших родных?
- Что? – жалко вскрикнула она и отчаянно замотала головой: – Я ничего не знаю...

Бергман сел напротив, перегнулся к Надежде и, глядя ей в глаза, произнес:

– Выслушайте меня очень внимательно. У вас есть все шансы оказаться в тюрьме. И спасти вас от этого может лишь чистосердечное признание. Если Куприенков заговорит раньше и обвинит во всем вас...

Услышав фамилию, девушка вздрогнула, стиснула руки и попыталась

отвести взгляд.

– Отлично. В таком случае я вызываю полицию. – Аллилуев сидел с белым лицом, переводя взгляд с Надежды на Бергмана. Когда Максимильтян потянулся к мобильному, девушка схватила его за руку.

– Вы же обещали мне помочь...

– Именно это я и пытаюсь сделать, но вы предпочитаете длительное тюремное заключение.

– Нет...

– Тогда начните с того, как вы познакомились с Куприенковым. Это произошло в автошколе?

– Да, – размазывая слезы, едва слышно ответила она. – Вы не знаете моего деда... Он бы никогда... Однажды я подружилась с мальчиком из класса. Дед устроил скандал, перевел меня в другую школу... Мы с Вовой могли видеться только после занятий, совсем чуть-чуть... пока мать не придет. Потом начались уроки вождения, и стало легче их обманывать. Мать и деда. Я врала, что занятий больше. И очень боялась... А затем... затем Вове пришлось уйти из школы. Ему нечем было платить. И я не могла помочь, хотя у моего деда денег полно. Господи, все было так ужасно. Мы же любили друг друга. Но не могли быть вместе, как Ромео и Джульетта. Я рассказала Вове, что за человек мой дед. Он всем жизнь испортил. И маме, и своей сестре. Я же слышала, о чем они говорили.

– И вы решили его убить?

– Нет, – закричала она. – Все не так. Вова попросил у меня ключи, сделал дубликат. Чтобы приходиться ко мне. Он сказал, дом большой, никто нас не услышит. Я план нарисовала, чтобы ему было легче ко мне пробраться. Вова в самом деле приходил. Два раза. Когда деда не было дома, а мать у себя запиралась. Она всегда напивалась, когда дед уезжал, думала, я не знаю. Я была уверена, что она будет в своей комнате, но все равно боялась. Мы просто сидели рядом, и все... Ну, почему, почему мы должны были прятаться? – Она замолчала, и некоторое время мы сидели в тишине.

Аллилуев вдруг поднялся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью, а я спросила:

– Что было дальше?

– Дальше? – всхлипнула она. – Дальше... мой день рождения.

– Вы договорились с Володей, что он придет?

– Нет. Мы должны были встретиться на следующий день. Я же рассказывала, как все было. Я пошла в туалет. И услышала выстрелы. Выбежала и увидела его. Он был в маске, в шапке с прорезями, но я его

сразу узнала. И закричала... потому что я не хотела... я не хотела, чтобы они погибли, я просто хотела жить, как я хочу. А Вова сказал: «Я люблю тебя, помни, что я люблю тебя больше всего на свете», и выстрелил. В меня. Я осталась жива, но жить не хотела. Я ничего не понимала. Разве, когда любишь, станешь стрелять?

Я слушала ее, и теперь мне становилось понятно ее тогдашнее отчаяние.

– Ты не рассказала о нем следователю, – произнесла я.

Надя покачала головой, низко, почти к коленям склонив ее.

– Нет. Я его люблю, вы что, не понимаете? Я его любила, даже когда думала, что он предал меня. Я хотела лишь одного – умереть, чтобы все оставили меня в покое.

– Он пришел к тебе?

– Да. В первую ночь, когда мы оказались на даче. Я плакала и сказала, что он предатель, но он мне все объяснил. Объяснил, почему он стрелял в меня.

– Ты должна быть вне подозрений?

– Да. Это он вызвал полицию, чтобы я не истекла кровью. Он обо всем позаботился. Если бы он не выстрелил, меня бы обязательно заподозрили и в конце концов нашли бы его. Это был единственный выход. Нам нужно было немного подождать, и, когда все успокоится и я получу наследство, мы станем встречаться, как будто только что познакомились. Ни у кого не будет подозрений.

– Он не предлагал вам тайно заключить брак? – вмешался Бергман.

– Нет, – нахмурилась Надежда. – Если вы думаете, что он из-за денег... Он любит меня и хотел, чтобы нашей любви никто не мешал. Вот и все. Деньги здесь ни при чем...

– А как же Сивко?

– Какой Сивко? – нахмурилась Надя.

– Муж Ядвиги Давыдовны. Вы ведь рассказали о нем Володе?

– Да. Рассказала. Ядвига так боялась деда, что даже замуж вышла тайно. В ее-то возрасте...

– И о нас, разумеется, вы ему тоже рассказали?

– Он спросил, кто вы такие...

– А также спросил, где найти Сивко?

Надя вдруг насторожилась.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что Сивко убит. И застрелил его ваш друг. Боялся, что родственник станет претендовать на наследство?

– Неправда... Я вам не верю... Скажите, что это неправда! Я ничего не знала, слышите?

– Что ж, я уверен, так и есть, – сказал Бергман, поднимаясь. – Но убедить в этом следователей будет нелегко.

– Каких следователей? – испуганно спросила Надя.

– Ваш приятель хладнокровно расстрелял четверых человек. Вы всерьез решили, что это вам сойдет с рук? Я вижу ситуацию следующим образом: либо вы сдаете его полиции, либо идете в тюрьму как соучастница. На тот случай, если вы предпочтете тюрьму, предупреждаю: мужчины и женщины там вместе не содержатся. Вы будете далеко друг от друга и довольно длительное время. Получите лет семь-восемь, он, конечно, значительно больше. Но, отсидев свой срок, вы сможете перебраться поближе к нему и, если распишитесь, получите свидание. Раз в полгода, если мне память не изменяет.

Надя смотрела на него во все глаза с таким видом, точно решила, что он внезапно спятил.

– Я ничего плохого не сделала, – наконец смогла пролепетать она.

– Сомневаюсь, что вам поверят на слово, – равнодушно пожал он плечами. Именно это равнодушие и спокойная деловитость Бергмана пугали ее больше всяких угроз. – Особенно если Куприенков станет утверждать, что вы о его намерениях знали.

– Но я не знала! – крикнула она.

– Тогда самое время вспомнить, что он убийца и расстрелял ваших родных.

– Предать его?

– Называйте это как хотите. Вы взрослая девушка и способны сами решить, что для вас важнее. У вас есть мобильный, вы можете ему позвонить и предупредить о том, что нам все известно. Он скорее всего сбежит. И вполне неплохо устроится на новом месте, парень он неглупый, в чем мы смогли убедиться. – Надя слушала его и поспешно кивнула, должно быть, решив, что это и есть выход, но Бергман тут же лишил ее иллюзий. – Но в этом случае вам придется отвечать и за него, и за себя.

– Но почему вы не хотите мне помочь? Ведь вы можете не сообщать в полицию. Ведь можете? – с отчаянием спросила она. – Мы уедем, и никаких денег нам не надо...

– Я связан обязательствами, – ответил Бергман. – Я обещал господину Аллилуеву найти убийцу его друга. И обещание сдержу.

– Значит, все из-за денег? – презрительно спросила она. – Хотите, я вам заплачу больше? В два раза, в три. Хотите?

– Если бы я хотел этого, то давно бы сообщил вам о том, сколько намерен получить. Вы плохо меня слушали. У меня есть обязательства. И это куда важнее денег. Попробуйте договориться с Аллилуевым, если он согласится...

– Он не согласится, – перебила Надя. – Он меня терпеть не может. Вы что, не видите?

– Прошу прощения, но мне это безразлично. Я вовсе не обязан решать ваши проблемы. Вы обвиняли своих родных в том, что они не давали вам жить так, как вам хочется. Теперь вы абсолютно самостоятельны и сами принимаете решения. Спасать Куприенкова и идти в тюрьму или сдать его полиции.

– Я не смогу жить без него. Я умру...

– Это ваше право. Вы встречаетесь с ним сегодня?

– Да, – кивнула она. – В два часа. В сквере. Он не хотел... говорил, что опасно. Но... я не могу без него.

Бергман взглянул на часы.

– Отлично. До двух еще есть время, – и вышел из комнаты.

– Почему он не хочет мне помочь? – жалобно спросила она.

– Я думаю, сейчас тебя должно заботить другое.

– Что?

– Как не оказаться в тюрьме на ближайшие семь лет.

Когда я вошла в гостиную, Аллилуев сидел в кресле, обхватив голову руками.

– Не могу поверить, – монотонно повторял он.

– Вам надо принять решение, – напомнил Бергман.

– О чем вы говорите? – восторженно спросил Сергей Борисович. – Он должен сидеть в тюрьме... И если выяснится, что эта девица ему помогала...

Я выложила на стол оба мобильных телефона Нади.

– Парень может сбежать, наплевав на большую любовь. Надо позвонить в полицию.

– Он действительно может сбежать, причем прямо сейчас, – пожал плечами Максимильян. – Но с девчонкой, скорее всего, придет проститься.

– Он вооружен, – напомнила я.

– Значит, мы будем осторожны. Воин и Поэт уже ждут в сквере. Я тоже отправляюсь. Останешься с девчонкой.

– Хорошо, – вздохнула я.

– Мне надо выпить, – поднялся Аллилуев и ушел в кухню.

А я сказала:

– Ты был с ней жесток. Это обязательно?

Бергман на минуту задумался и вдруг усмехнулся:

– Вполне возможно, что она куда умнее, чем кажется.

– По-твоему, убийство могла организовать она?

– С этим пусть суд разбирается. Моя задача – хорошо выполнить свою работу. Вот и все.

Однако я ему не поверила. Не все так просто. Я видела, что Надя вызывает у него едва ли не отвращение, и причина вполне понятна. Могли быть подобные чувства у человека, который убил свою мать и брата? Вряд ли. Хотя в других мы больше всего ненавидим то, что в нас самих в избытке.

Через час Надя отправилась на свидание с Куприенковым. Все это время ее мобильные были у меня, но перед самым уходом я их ей вернула. Володя мог позвонить ей и, не получив ответа, заподозрить неладное. Но не только по этой причине я вернула ей телефоны. У человека должен быть выбор. Вот об этом я и думала, направляясь в сквер и следуя в сотне метров позади Нади. Что бы я сделала на ее месте? Спасла любимого от тюрьмы и отправилась туда сама? Или покорно сделала бы все, что от меня требуют? Я не верила, что убийства организовала она. Не хотела верить, потому и избегала прямого вопроса.

Я подошла к скверу и сквозь ветви деревьев увидела Надю, она сидела на скамейке и вертела мобильный в руке. А потом вскинула голову, и я, взглянув в том же направлении, что и она, заметила Куприенкова, он шел по аллее. К тому моменту я уже видела его фотографию и не сомневалась, что это именно он. Худощавый блондин с симпатичным лицом помахал ей рукой, и она, чуть помедлив, тоже помахала в ответ. А он вдруг замер на месте, потом сделал шаг назад, развернулся и побежал к низкой ограде сквера, которую надеялся преодолеть и оказаться на проезжей части. Всего несколько секунд, и он в переулке напротив, где проходные дворы и легко затеряться. Но наперерез ему бросились Димка и Вадим. Куприенков метнулся назад, прижался к дереву, рука его потянулась к карману ветровки. Вдруг за его спиной, словно из ниоткуда, появился Бергман. Он наклонился к нему, что-то шепнул, и руки парня бессильно обвисли. Подбежали Вадим с Димкой и повели его к машине. Все это время Надя сидела, закрыв лицо руками. Вскоре за ней вернулся Димка, девушке предстояло давать показания в полиции. Я подошла к нему и спросила:

– Она его предупредила?

– Он увидел, что она плачет, и все понял, – ответил он. – Поедешь с нами?

– Нет, – покачала я головой.

Вечером мы вновь собрались у Бергмана. От него я узнала: Куприенков признался в убийстве Лотмана, его сестры и дочери, а также в убийстве Геннадия Сивко. При этом всячески выгораживал Надежду: она ничего не знала о его намерениях и не догадывалась о его причастности к преступлению. Встречались они тайно, потому что Куприенков смог ее убедить: он непременно попадет под подозрение. Лотмана он расстрелял вовсе не из корыстных побуждений, просто хотел, чтобы их любви никто не мешал. Когда ему напомнили о Сивко, он, пожав плечами, ответил: тот не имел никакого права на наследство, но непременно бы его потребовал и стал вредить Наде.

«Дом с чертями» мы покидали вдвоем с Димкой, Вадим уехал чуть раньше, его с нетерпением ждала очередная подружка.

– Теперь ты мне можешь рассказать, что происходит? – спросила я.

– В каком смысле? – удивился Димка.

– Я видела тебя с женщиной. Можешь считать, что я ревную.

– Это совсем другое, – поморщился он.

– Хорошо, – кивнула я. – Когда решишь, что мне можно доверять, заходи.

Я махнула рукой на прощание и направилась к троллейбусной остановке. Димка меня догнал, обнял за плечи и с минуту таращился с таким видом, точно не знал толком, что со мной делать.

– Не уверен, что поступаю правильно, – наконец сказал он.

– Но попробовать стоит, – кивнула я.

Мы побрели по улице, тесно прижавшись друг к другу.

– У меня была девушка, – начал он. – Я любил ее. По крайней мере так мне тогда казалось. Мы были счастливы, а потом она меня бросила. Просто бросила и все, не объясняя причины. Я пытался с ней поговорить, но она скрывалась от меня, затем вообще уехала. Я узнал, что у нее есть парень и у них все хорошо. Узнал от ее сестры, сама она поговорить со мной так и не захотела. А потом она погибла. Выпрыгнула с шестого этажа, потому что парень ее бросил. Сестра об этом парне практически ничего не знала. Они ни разу не встречались. И моя бывшая девушка никогда о нем не рассказывала. Поэтому сестра была уверена: он женат. В общем, его так и не смогли найти. Несколько дней назад у меня появился мужчина, представился частным детективом. Сказал, что расследует обстоятельства гибели Марины по просьбе ее сестры. Они случайно познакомились с Вероникой, так сестру зовут, и он решил ей помочь. А потом появилась

Вероника и сказала, что таинственный приятель Марины...

– Бергман, – кивнула я.

– Да, – вздохнул Димка. – Я не хотел в это верить, не хотел верить ни этому сыщику, ни Веронике. С ним мы едва не сцепились.

– Ворот футболки он тебе порвал?

– Он. Орал на меня, что я покрываю убийцу, что у него есть доказательства. Он нашел в квартире Марины спрятанный альбом с фотографиями. И там было фото Бергмана.

– Вдвоем с Мариной?

– Нет. На фотографии он один. С этой фотографии, по словам детектива, и началось его расследование.

– Значит, Бергман увел у тебя девушку, а потом бросил. Я бы не назвала такой поступок дружеским.

– Дело даже не в этом... – покачал головой Димка. – Знаешь, о чем я думаю?

– Буду знать, если скажешь.

– Она хотела уехать в Америку. Это была ее мечта. Мы всерьез обсуждали такую возможность. Он сделал это нарочно. Нарочно закрутил с ней роман, чтобы мы расстались и я никуда не уехал. Ты же знаешь, он считает, мы должны быть вместе. И умеет добиваться своего.

– Значит, женщина, с которой я тебя видела, это ее сестра?

– Да.

– И чего она хочет? Если у нее есть доказательства, что Бергман довел Марину до самоубийства, пусть идет в полицию.

– Я сказал ей то же самое. Все это было два года назад и... меня не касается. Но... я не могу не думать об этом. Если Бергман так поступил со мной...

– Чего вообще от него можно ожидать? – продолжила я. – Не так давно я предлагала тебе уйти от него, но ты сказал «нет».

– Тогда я еще не знал... – начал Димка и замолчал, досадливо отвернувшись.

– Теперь ты знаешь. И что?

– Ничего я не знаю, – разозлился он. – В конце концов, никаких доказательств я не видел.

– По-твоему, она все выдумала? Зачем?

– Не знаю. Ни малейшего желания обсуждать все это. Мы сейчас вдвоем, мне не надо сидеть, уткнувшись в компьютер, а тебе думать о деле. Мы можем просто любить друг друга.

– Мне и раньше ничего не мешало, – усмехнулась я, и мы, остановив

такси, поехали ко мне.

В машине мы держались за руки и, едва успев войти в квартиру, начали целоваться и очень скоро оказались в постели. Все, последовавшее за этим, не вызывало сомнений, что мы предназначены друг другу небесами и наша любовь будет вечной.

Но ближе к утру, когда мы изрядно подустали и могли лишь лежать, крепко обнявшись, внезапно явились мысли, мало соответствующие обстановке. И я решила с испугом: что-то со мной не так. Не о том должна думать влюбленная женщина. Слава богу, у меня хватило ума не заговорить об этом с Димкой.

Однако утром, когда мы завтракали, я сказала:

- А если Воин прав? И кто-то нас проверяет на вшивость?
- Настраивает против Бергмана?
- Или хочет разбить вашу дружную компанию. Почему-то мне кажется, досадить вы успели многим. Но есть куда более скверный вариант. Бергман – не просто весьма талантливый тип с манией величия, а самый настоящий псих.
- Убивший свою мать и брата? Ты можешь поверить в такое?
- Но ты ведь готов поверить, что он соблазнил и довел до самоубийства твою девушку.
- Черт... – выругался Димка, не очень понятно, к чему это относилось.
- Давай проверим, так это или нет. Если Бергман невиновен, обещаю, что буду терпеть его выходки совершенно безропотно, став пожизненно четвертым членом команды.
- Но... – нахмурился Димка.
- Есть возражения? – перебила я. – Дело мы закончили, у нас сколько угодно времени.
- И с чего начнем?
- С сестры твоей бывшей подружки. Меня особенно интересует ее приятель – частный детектив, с которым они познакомились случайно. Так ли уж случайно? Возможно, ему известно, кто отправляет мне СМС, предлагая узнать всю подноготную Бергмана. Правда, мой таинственный друг куда-то запропастился, посеяв зерна сомнения, и теперь молчит, как проклятый.
- Я не понял, ты считаешь, Бергмана подставляют? Или нет?
- Я предлагаю разобраться. Телефон Вероники у тебя есть?
- Есть. И что?
- Звони ей. Встретимся, поговорим.
- Не думаю, что это хорошая идея.

– Предложи свою.

Димка поморщился, посидел некоторое время, таращась в окно, достал мобильный и начал набирать номер.

Мы ждали Веронику в кафе на площади Космонавтов. Устроились на открытой веранде, пили кофе и глазели на туристов. В этот день их было особенно много.

До условленного времени оставалось минут семь, когда Димка сказал:

– Это она. – И кивнул в сторону группы людей, которые ждали сигнала светофора, чтобы перейти улицу.

Вспыхнул зеленый, люди заспешили по «зебре» в нашу сторону. Вероника одной из последних достигла тротуара и на мгновение замешкалась, поправляя босоножку. Димка поднялся, махнул ей рукой, и в этот момент из потока машин, следовавших по проезжей части, вырвался неприметный «Опель» и за считанные секунды, набрав скорость, выскочил на тротуар. Я зажмурилась, уже зная, что произойдет, а когда открыла глаза, вокруг кричали люди, истошно сигналили машины, «Опель» успел скрыться с глаз, а на асфальте осталась лежать женщина, которую мы ждали. Кто-то пытался ей помочь, собралась толпа, до меня доносились обрывки фраз, молодой парень кричал: «Вызовите «Скорую»!», но я знала, что все бессмысленно. Женщина мертва. Димка сидел рядом совершенно неподвижно, с землисто-серым лицом.

– Это он, – произнес с трудом.

– Кто? – не поняла я.

– Бергман. За рулем был он.

– Ты уверен? – растерялась я.

Как видно, дух противоречия был во мне чрезвычайно силен, теперь, когда мои худшие подозрения подтвердились, я категорически не желала в них верить.

– За рулем был он, – зло повторил Димка. – Я его видел. Окно было открыто...

Вот это и смущало. Бергман, безусловно, позаботился бы о том, чтобы не быть узнанным. Сбить женщину на глазах у десятков людей, не нахлобучив на самые глаза бейсболку или хотя бы не закрыв окно?

Подъехала «Скорая», затем полиция. Полицейские начали опрашивать свидетелей.

– Что будем делать? – спросила я. – Расскажем, что у нас с ней была назначена встреча?

– Нет. Обойдемся без полиции, – резко ответил он. – Я с ним сам

разберусь.

– Для начала успокойся. Если это Бергман...

– Это он! – рявкнул Димка и стукнул кулаком по столу. На это мало кто обратил внимание, недавняя авария интересовала граждан куда больше.

– Хорошо, это он. Я не спорю. Бергман от нас никуда не денется, сейчас важно решить, как мы будем действовать. Нам потребуются доказательства. Надо найти частного детектива, который встречался с тобой.

Димка поднялся, схватил сумку с ноутбуком.

– Я еду к Бергману.

– Дима...

– Я сам во всем разберусь. – Он направился к выходу, я хотела бежать за ним, но вовремя вспомнила, что не расплатилась за кофе.

Когда официантка наконец-то принесла счет, Димка успел сесть в такси и уехать. Я отчаянно чертыхалась, пересекая площадь, и пыталась решить, как мне следует поступить. Ехать к Бергману? Его виновность в убийстве Вероники упорно вызывала сомнения. Вовсе не потому, что я считала Бергмана не способным на убийство. Черт знает, на что он способен. А вот в том, что он умный, я не сомневалась. Не стал бы он так подставляться. А если детектив покопался в прошлом Бергмана, и вполне успешно? Раскопал нечто такое, из-за чего Бергман поспешил избавиться от опасных для него людей. И сообщения мне отправил детектив, потому что искал союзников? Обращаться к тем, кто трудится с Бергманом бок о бок, довольно опрометчиво. Что, если мы примем его сторону? СМС не приходят несколько дней. Вдруг причина в том, что писавший их уже мертв, как мертва Вероника, а тайны Бергмана тайнами и останутся...

Тут я вновь подумала о Димке и всерьез испугалась, а если... Но погнала скверные мысли прочь. Бергман вряд ли станет покушаться на его жизнь, скорее попытается заморочить ему голову. Собственный дом – не самое подходящее место для убийства. Хотя кто знает, может, у этого типа весь подвал забит скелетами бывших друзей.

Достав мобильный, я набрала номер Вадима, мысленно молясь, чтобы он был где-то неподалеку.

– Привет, – весело пропел он, а я торопливо и довольно бестолково рассказала ему о происшедшем, начав свой рассказ с девушки Димки, которую Бергман предположительно соблазнил.

– Ты где? – выслушав меня, спросил Вадим.

– Возле драмтеатра.

– Топай к Бергману. Я подхвачу тебя где-нибудь по дороге, постараюсь

подъехать как можно скорее. Поняла? И не кисни, все будет хорошо, а может, даже лучше. Пока.

Он отключился, а я вздохнула с заметным облегчением. До дома Бергмана было недалеко, путь я решила сократить и, свернув с центральной улицы, отправилась к площади Победы переулками. Дважды пробовала звонить Димке, но он не ответил. Нервозность сыграла со мной злую шутку, я мало что замечала вокруг. И совсем не обратила внимания на машину, которая, обогнав меня, притормозила чуть впереди. Из машины вышел мужчина и направился мне навстречу.

– Привет, – сказал он, широко улыбаясь. – Не могли бы вы мне помочь? – И начал что-то говорить.

Я его не слушала, потому что уже поняла: он лжет, и почувствовала, что он опасен. Но на все это ушли драгоценные секунды, за которые он успел подойти слишком близко. А переулок пустой: ни людей, ни машин. Закричать? Я смотрела в конец переулка в надежде, что машина или прохожий все-таки появятся. Никого. Теперь остается рассчитывать лишь на то, что у него нет оружия или он не рискнет им воспользоваться. Кто он такой, черт возьми?

Я тоже широко улыбнулась, надеясь, что он решит: я ничего не заподозрила. Он высокий, крепкий, тяжелее меня килограммов на тридцать. С Вадимом я смогла справиться, справлюсь и с ним...

– Садись в машину, – внезапно убрав улыбку с лица, сказал он и, вынув из кармана руку, направил дуло пистолета мне в живот. – Без глупостей, детка.

У меня будет шанс, когда он окажется сбоку, ему ведь надо пропустить меня вперед. Но он не стал рисковать, в его левой руке оказался электрошокер, он коснулся им моего запястья, а я успела подумать: шанса у меня не будет.

Это не было похоже на сон. А если и сон, то кошмарный, который доведется увидеть нечасто. Жуткие фантазии, одна страшнее другой. Изувеченные тела, люди в островерхих шапках баграми сталкивают их в ров, и я жду, когда металл вопьется в мою обнаженную плоть. Я пытаюсь кричать и не могу. Снова пытаюсь. И слышу крик.

Я вздрогнула и открыла глаза. Я сижу, привалившись к стене. Руки связаны, с ногами та же история. Где-то здесь этот тип. Я чувствую.

Я поспешно огляделась: цементный пол, кирпичные стены. Справа узкое окошко, сквозь него в помещение проникает свет. Я поняла, что этот тип приближается, раньше, чем слышала шаги. И, увидев его, в первое

мгновение подумала: это Бергман, наверное, из-за полумрака, царившего здесь. Но тут же стало ясно: передо мной другой человек, и я вздохнула с облегчением. Они даже не похожи. Парик, очки, рост и подходящая комплекция могли ввести в заблуждение, если он будет держаться на расстоянии или в машине промчится мимо.

Он держал в руках деревянный ящик, сел на него и сказал с усмешкой:

– Очнулась? На всякий случай хочу предупредить: поблизости нет никого, кто бы мог тебя услышать, поэтому я и не стал заклеивать тебе рот. Если хочешь, можешь кричать.

– Если захочу – крикну, – кивнула я.

Слова дались с трудом. Во рту пересохло, голова нещадно болела.

– Чего не спросишь: кто я? – с некоторой обидой спросил он.

– Ты психопат и убийца. А твое имя мне по барабану.

– Если будешь хамить, твоя смерть окажется долгой и мучительной. Ты ведь этого не хочешь?

– Я вообще умирать не хочу.

– Твоя наглость вряд ли тебя спасет, – хохотнув, сказал он. Он здорово злился. Его просто распирало от самодовольства. Он считал себя гением, владыкой мира, хотя был обычным психом. Но мне это вряд ли поможет.

– Зачем тебе этот маскарад? – спросила я, тщеславные люди обычно болтливы, потяну время, авось в моей судьбе что-то изменится к лучшему.

– Жду гостя. Пусть в последние секунды своей жизни он думает, что лучший друг его предал. Вы ведь считаете Бергмана другом?

– Я – нет.

– Вот как? – засмеялся он. – Впрочем, это не имеет значения.

– За что ты его ненавидишь? – вновь задала я вопрос.

– Он уничтожил мою жизнь. Лишил меня единственного друга.

– Такого же психа?

– Что ты понимаешь, маленькое ничтожество.

– Само собой, маленькое, куда мне до тебя.

– Почему ты пытаешься меня разозлить? – удивился он.

– Да ничего я не пытаюсь. Ты мне действуешь на нервы, вот и все. Это ты птичек мучил?

Он как-то странно дернулся. Мой вопрос вызвал смятение, может, это было связано с какими-то воспоминаниями?

– Птичек? – переспросил он.

– Вороны под окнами Бергмана.

– Это было эффектно, правда?

– В психушке оценят. Значит, ты начал с птичек, а потом появился

труп. И кто этот бедолага?

– Когда-то он был моим другом. Пока не вмешался Бергман.

– Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Бергман отправил тебя... в тюрьму? Или в психушку?

– Бергман отправится на кладбище, – глядя на меня исподлобья, произнес он. – Но не сразу. Я сумею превратить его жизнь в ад. – Тут я вспомнила записку во рту трупа рыжего, обнаруженного в клубе. «Око за око...». Криво усмехнувшись, он продолжил: – Как думаешь, твой дружок Дима прибежит на выручку, узнав, в каком дерьме ты оказалась? Думаю, прибежит. Я звонил ему, назначил встречу. Не здесь, конечно. Ты не увидишь, как он умрет, но не беда: вы скоро соединитесь на небесах.

– Может, и нет. Вдруг его любовь ко мне не такая уж сильная. Значит, его девушку ты соблазнил?

– Девушку? Я ее даже никогда не видел. Но к встрече с вами готовился и о разбитом сердце твоего дружка знал. А дальше совсем просто. Познакомился с Вероникой и внушил ей нужные мысли, а она поспешила убедить твоего Диму, что в смерти девицы виновен Бергман. Я хочу, чтобы друзья отвернулись от него. Стали врагами, и, знаешь, мне это почти удалось. К сожалению, здоровяк оказался упрямым, а вот вы порадовали. Кстати, по-моему, здоровяк в тебя влюблен. Нет? Но в беде тебя вряд ли оставит. Поспешит на помощь. И окажется в ловушке, – он засмеялся, а я сказала:

– И чему ты радуешься, Эдуард? Вдруг он и вправду явится?

Я назвала его Эдуардом наудачу и угадала. Лицо его сморщилось, точно он съел кислое, я даже подумала, что он сейчас заплачет.

– Какой еще Эдуард? – фыркнул он.

– Эдуард Терещенко. Жил когда-то в доме, который сейчас принадлежит Бергману. Ты должен это знать, раз сам меня туда и отправил. Кстати, что стало с учительницей? Она ведь, кажется, неплохо к тебе относилась?

– Она хотела соблазнить меня. Мерзкая шлюха.

– А что бабуля? Все еще жива или ты решил, что она тебе без надобности?

– Заткнись! – заорал он, вскочил и затопал ногой, как капризный ребенок. – Заткнись, заткнись!

А я засмеялась, желая разозлить его еще больше, потому что почувствовала присутствие еще одного человека. А потом и увидела его. Абсолютно бесшумно за спиной Эдуарда возник Бергман. Но Терещенко, должно быть, тоже что-то почувствовал, не оборачиваясь, бросился ко мне,

рывком поднял с пола, загораживаясь мною, точно щитом.

– Не могу сказать, что рад тебя видеть, – сказал Бергман, устраиваясь на ящике.

– Я ее убью! – крикнул Эдуард, тыча пистолетом мне в шею.

– Ты всерьез думаешь, что меня это огорчит?

– Конечно. Не прикидывайся. Ты меня не проведешь. Как ты меня нашел? – вдруг спросил он с обидой.

– Ты довольно предсказуем. Это место кое-что значит для тебя, верно? Что ты спрятал вот здесь, за каменной кладкой? Вчера я заглянул сюда и обнаружил, что кто-то вынимал кирпичи. Хотел убедиться, на месте ли бабушка? Тебе стоит меня поблагодарить, все это время я следил за тем, чтобы старушку не тревожили. А теперь, будь любезен, отпусти девушку.

– Нет, – засмеялся Эдуард. – Нет...

– Если ты этого не сделаешь, мне придется тебя убить. Подумай... Не скажу, что твоя жизнь после нашей предыдущей встречи была особенно приятной, но это жизнь... Ее так легко лишиться. Ты это знаешь лучше, чем я.

– Ты отнял у меня единственного друга! – брызжа слюной, завопил Терещенко. – А теперь увидишь, как мозги этой твари разлетятся...

Он не успел договорить. Грохнул выстрел, меня обдало жаром, а потом что-то липкое брызнуло в лицо. Из сумрака вышел Вадим с винтовкой в руке, а Бергман оказался рядом со мной, поднял и прижал к себе. Очень своевременно, на ногах я бы точно не смогла устоять.

– Ты поторопился, – поворачиваясь к Вадиму, сказал Бергман.

– В самый раз, – ответил тот. – Задолбали эти психи. Ты как? – отставив винтовку в сторону, спросил он, обращаясь ко мне и готовясь принять меня в объятия.

– Развяжи меня, – заикаясь, попросила я. – Я сейчас описаюсь.

– Да ладно. Ты молодец. Я бы даже сказал – героическая девчонка. – Он достал нож и разрезал скотч, которым были стянуты мои руки и ноги. – Ты только назад не смотри, ладно? А то стошнит. Хочешь водички?

– Где Димка? – старательно избегая смотреть на труп Терещенко, спросила я.

– В машине сидит. Толку от него в таких делах немного, а дело-то серьезное, рисковать нельзя. Ты ж у нас одна девушка-красавица на троих мужиков в самом пристойном смысле. Должны беречь.

– Бедняга наверняка весь извелся, – заметил Бергман, набирая номер на мобильном, а я бросилась в темноту, не разбирая дороги, потому что в самом деле боялась описаться.

Через пять минут я уже возвращалась, вертя головой во все стороны и пытаюсь понять, где нахожусь. К моему величайшему облегчению, мужчины шли мне навстречу, тем самым избавив меня от необходимости еще раз оказаться рядом с трупом. Димка был с ними и, тут же заключив меня в объятия, спросил:

– Испугалась?

– По-настоящему испугаться не успела. Вы появились довольно быстро. Кстати, где мы?

– Зброшенныя очистные сооружения.

– Полицию уже вызвали?

Мой вопрос им не понравился. Димка и Вадим выжидательно уставились на Бергмана, они стояли по обе стороны от него, и я подумала: так школьники толкнутся возле самого крутого парня в классе и ждут, что он скажет. Правда, винтовка, которую Вадим закинул на плечо, в эту картинку из детства не вписывалась.

– Я что-то не так сказала? – язвительно поинтересовалась я.

– Может, мы это... обойдемся без ментов на этот раз? – вздохнул Вадим.

– Да с какой стати? Ты действовал... – Тут я вновь посмотрела на винтовку и чертыхнулась. – Понятно... Мы когда-нибудь уйдем отсюда?

Через полчаса я, приняв душ, сидела, закутавшись в махровый халат, пила чай, заваренный Лионеллой, а главное, смогла наконец удовлетворить свое любопытство.

– Может, вы расскажете, что я пропустила? – И повернулась к Бергману: – Этот тип – Эдуард Терещенко?

– Он так назвался?

– Нет. Но я догадалась. – И рассказала об СМС и своем посещении заброшенного дома.

– Вполне в его духе, – кивнул Максимильян. – Это было мое первое дело. Почти восемь лет назад. У моего знакомого пропала мать, поиски результатов не дали. Я решил ему помочь. Меня заинтересовал некий сайт, где не совсем здоровые мальчики и девочки развлекались тем, что придумывали идеальное убийство. Что-то вроде клуба киллеров. По большей части чушь и дурные фантазии, но один рассказ показался мне чересчур натуралистичным. Не буду утомлять тебя подробностями. Я нашел парня, который прятался под ником Соучастник. Он был здорово напуган. Оказалось, что ник он выбрал неспроста. Теща себя нездоровыми фантазиями, он познакомился в Интернете с неким Иваном Савенко.

Они быстро подружились. У Савенко фантазия оказалась еще богаче. Это парень так думал вначале.

– Пока не стал соучастником убийства? – вздохнула я.

– Да. Он был в ужасе и не знал, что делать. Савенко, который на самом деле Эдуард Терещенко, он боялся до судорог. Мне пришлось пообещать ему, что от встречи с полицией он будет избавлен, получит документы на другое имя и, разумеется, деньги. А он сообщил, где найти Терещенко. Я его нашел и сдал в полицию, а Соучастник начал новую жизнь.

– Но Терещенко его все-таки разыскал, и он оказался под твоими окнами.

– Я думаю, его сгубили дурные привычки.

– Болтался по тем же сайтам?

– Или им подобным. Когда под моими окнами появился труп, я, само собой, заинтересовался, как дела у моего старого приятеля. Оказалось, что ему удалось сбежать. Невероятно, но иногда такое случается. Вот, собственно, и все.

– Нет, не все, – нахмурилась я. – Расскажи мне о Терещенко.

– Что ты хочешь знать?

– Как из мальчишек смысленных и тихих вырастают убийцы?

– Может, это врожденный порок? – усмехнулся Бергман. – Наверное, у Куприенкова есть своя история, а в случае с Эдуардом большую роль сыграла бабка. Ее сын развелся с женой, точнее, она его бросила, найдя счастье в объятиях богатого любовника. Он и купил ей дом... а бывший муж с горя запил. И, возвращаясь с дачи как-то вечером, попал под поезд. Бабка на этой почве спятила. Жаль, что никто этого не заметил. Эдуард очень любил отца, а стараниями бабки возненавидел мать.

– И убил ее и брата?

– Бабка считала, что младшего ребенка сноха прижила на стороне. Она, конечно, была сумасшедшей, но при этом довольно сообразительной. Например, прекрасно понимала, что если ты мертв, то искать тебя за совершенное убийство никому в голову не придет.

– Ты имеешь в виду, что взрыв в ее доме был не случайным?

– Этого я не знаю, но она умело им воспользовалась. Кстати, старуха так и жила под своим именем. И о внуке позаботилась заранее, украла у соседки свидетельство о рождении сына, потом Терещенко смог получить по нему паспорт.

– Учительницу они тоже убили?

– В полиции он отказался говорить об этом, а со мной откровенничал.

Им нужны были ее деньги. И они заставили ее сказать, где они спрятаны. После этого она им была не нужна. Мальчик вырос и в какой-то момент решил, что бабка для него обуза. Его, кстати, тянуло в этот город. И тянуло убивать. Его жертвами становились случайные люди. В основном женщины. Одной из них была мать моего друга. Бабка Терещенко заподозрила неладное, однажды последовала за ним в этот город. Такая опека ему не понравилась: назад она уже не вернулась.

– Он что, действительно замуровал ее в стене? – с сомнением спросила я.

– Действительно, – пожал плечами Бергман, точно извиняясь.

– И она там до сих пор?

– Нет. Останки обнаружили, пока он был в психушке, но Терещенко об этом не знает. Они не были идентифицированы.

– Это ты их нашел?

– Я. Обратил внимание на его странную привязанность к этому месту, когда следил за ним во время своего расследования. Тщательный обыск принес результат.

– А почему не сообщил в полицию?

Бергман на мгновение задумавшись, пожал плечами.

– Ты же знаешь, я старюсь лишний раз с полицией не связываться. Я был уверен, если Терещенко вдруг окажется на свободе, к бабуле непременно заглянет. Разумеется, если продолжит думать, что старушка все еще там.

– Но он ведь мог... проверить.

– На этот случай я использовал скелет, который был в моей коллекции.

– Да-а, – протянула я. – А еще говорят, что психи не заразные. Будь добр, объясни, почему ты сразу все не рассказал нам?

Бергман пожал плечами:

– Решил, что сам справлюсь.

– Гордыня – один из смертных грехов, – хмыкнул Вадим.

Он пил коньяк, а Димка по моему примеру – чай, и оба до этой минуты в беседе не участвовали.

– Никто не сомневается, что справишься, – кивнула я. – Но если мы команда... в общем, обычно друзьям о своих проблемах рассказывают.

– Учту, – кивнул он, чем окончательно вывел меня из терпения.

– Ты – редкий гад, Джокер. – Вадим едва не подавился коньяком, а Димка замер, не донеся чашку до рта. А я продолжила: – Твоя милая привычка держать всех на расстоянии могла стоять нам слишком дорого. Я почти решила, что ты психопат и убийца. И Дима...

– Ты права, – кивнул Джокер, голос его звучал непривычно мягко. – Я вел себя глупо. И понял это, когда Терещенко позвонил Поэту. Дима был здесь, мы как раз выясняли отношения. Приехал Вадим и очень удивился, не застав тебя в моем доме. Мобильный у тебя был отключен. И вдруг звонок. Нам очень повезло, что мы оказались вместе, ведь он мог позвонить Поэту, когда тот был один. Предупредил бы, что ты погибнешь, если он кому-то сообщит о звонке, Дима кинулся бы спасать тебя в одиночку. И неизвестно, чем бы все закончилось.

– В истории с его девушкой вы разобрались? – все-таки спросила я.

– Разумеется. Еще два года назад, узнав о ее гибели, я провел собственное расследование. – Он взглянул на Димку, словно спрашивал, можно ли продолжать, тот поспешно отвернулся. Бергман расценил это как «делай что хочешь» и продолжил: – Самоубийство не вызывало сомнений. Ее любовник был очень состоятельным человеком, она рассчитывала на шикарную жизнь с ним, а он ее бросил. И она шагнула из окна шестого этажа в тот момент, когда он шел к своей машине.

– Ей бы подождать немного, – хмыкнул Вадим. – Наш Поэт тогда только-только начал бабки заколачивать. Его манера одеваться вводит девушек в заблуждение. Зато есть гарантия, что любят его совершенно бескорыстно.

– Трепло, – отмахнулся Димка.

– Ага. Я думаю, что выражу общее мнение: друзьям следует доверять. Или вовсе их не заводить. Лично я считаю вас друзьями. Надеюсь, вы тоже. Предлагаю завязать с болтовней и выпить. Потопали, – кивнул он Димке. – Пошарим в кухне и разведем Джокера на пару бутылок дорогущего пойла, а прекрасную Лионеллу на закуску.

Димка охотно последовал за ним, а я подумала: «Воин дает мне возможность остаться с Джокером наедине».

– Зачем ты купил дом Терещенко? – спросила я, хотя, наверное, начинать надо было с другого.

Он пожал плечами:

– Это было мое первое дело... Сувенир на память... и стоил очень дешево.

– И все?

Он с минуту смотрел на меня. Внимательно.

– Ты ведь была там. И видела их.

– Только ребенка.

– Все, что мы можем сделать для этих двоих, – это оставить в покое.

Я поднялась и шагнула ему навстречу, а он сказал:

– Я хотел, чтобы ты жила здесь, только из соображений безопасности. Вовсе не для того, чтобы тебя контролировать.

– Вы спасли мне жизнь. Я... мне стыдно, что я в тебе сомневалась. – Он улыбнулся и обнял меня, а я засмеялась: – Ты хороший парень, хоть и выпендрожник.

Тут вернулись Вадим с Димкой, и, увидев, как мы стоим, прижавшись друг к другу, Воин завопил:

– А я объятий не заслуживаю? – И, поставив на стол откупоренные бутылки вина, что нес в руках, присоединился к нам. И Димка, избавившись от подноса с закуской, тоже. Мы стояли, обнявшись, и в тот момент я чувствовала себя абсолютно счастливой, как путник, после долгих странствий наконец-то вернувшийся домой.

В ту ночь мы остались у Бергмана и, если честно, изрядно напились. А утром у нас появился Аллилуев. Полностью расплатился с нами, чем очень порадовал Вадима. И рассказал, что никаких обвинений Наде не предъявлено, а она на время перебралась к Вербицким. Похоже, у Эммы появился шанс поправить свое материальное положение. Правда, Вадим, которому Надя изредка звонит, утверждает, что девчонка надолго у них не задержится, съедет, как только получит наследство. Она намерена ждать Куприенкова хоть всю жизнь. Учитывая, что срок ему грозит немалый, Надя вполне может передумать.

Вслед за Аллилуевым нас посетила Галина Андреевна. От нее мы узнали, что расследование убийства Шацкого закончено. Похищенные картины вернут законной наследнице, ни у кого не возникло подозрений, что это подделки. По мнению следователей, Шацкий решился на кражу, не желая терять деньги, покупатели у него уже были. Вот он и связался с уголовниками. Кстати, каталог так и остался у Бергмана.

– Спасибо вам, – сказала Галина Андреевна. – Я перед вами в долгу. Лотман, конечно, жулик, но очень талантливый художник. Пусть мир помнит его таким.

С Максимилианом она прощалась с заметным сожалением, и я подумала, что сюда ее привела не только благодарность, но и желание продолжить знакомство.

Деньги от Аллилуева были получены и поделены. Я предложила вдвое сократить свою долю, потому что свой вклад в расследование считала незначительным. Если уж совсем честно, пользы от меня никакой. Но мужчины наперебой стали уверять меня в обратном, а Вадим под конец

пробасил:

– За кого ты нас принимаешь? – И вопрос был снят с повестки дня.

Мы решили вечером отправиться в ресторан, отпраздновать окончание расследования на широкую ногу. Ресторан выбирал Бергман и, само собой, выбрал лучший в городе. Я по этому случаю купила себе роскошное платье. Вышла в нем из примерочной кабины, и Димка вынужден был признать: рядом с такой женщиной должен быть мужчина в костюме.

Костюм нашелся в соседнем отделе, дорогой, но этих денег он стоил. И когда мы с Димой появились в ресторане, Бергман с Вадимом поднялись со своих мест и захлопали в ладоши, чем привлекли к нам чересчур большое внимание. Раньше меня бы это разозлило, а сейчас скорее порадовало.

И Вадим, и Бергман были с дамами. Воин привел блондинку-хохотушку с бюстом четвертого размера и первым делом сообщил, что он настоящий. Блондинка радостно кивала и весь вечер не сводила с Воина влюбленных глаз. Подруга Бергмана оказалась рослой брюнеткой, очень красивой, умной и независимой. Именно такой я и представляла его девушку.

Зачастую совсем разные люди легко сходятся. Именно так было в тот вечер. Мы мгновенно перешли на «ты», смеялись над шутками Вадима и налегали на шампанское. Неудивительно, что в таком шуме звонок мобильного я не услышала. Воин решил сделать фото на память, я достала свой айфон и вот тогда обратила внимание на СМС. Сообщение пришло от двоюродного брата. «Привет, сестренка. Твое задание оказалось непростым, вот я и задержался. Бергман Эдмунд Генрихович скончался в Лозанне семнадцать лет назад, его супруга вернулась в Россию, умерла два года спустя в Санкт-Петербурге. Их единственный сын утонул в возрасте одиннадцати лет, похоронен в Цюрихе».

– Плохие новости? – тревожно спросил Димка. Бергман сидел напротив, в его взгляде тоже был вопрос. Он едва заметно улыбнулся, не спуская с меня глаз, а я ответила:

– Все нормально. Мама беспокоится, что не смогла дозвониться.

СНОСКИ

Подробно об этом читайте в романе Т. Поляковой «Миссия свыше», издательство «Эксмо».